

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

6

Выпуск (900)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

6

Issue (900)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 6 (900)

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Толкачев Сергей Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Минский государственный лингвистический университет (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 6 (900)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osminina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Tolkachev Sergey Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Minsk State Linguistic University (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Модализованные значения временных форм в немецком языке АВЕРИНА А. В.	9
Глоссарий как формальная модель поэтической картины мира (на примере полного собрания сочинений И. А. Бродского) АМЕЛЬКИН С. А., УСАНОВА М. А.	17
Специфика образных значений региональных наименований народного костюма (на материале немецкого языка) БЛОХИНА Е. Н., НЕФЕДОВА Л. А.	24
Феномен эвфемизации в современных немецкоязычных СМИ (на материале новостей <i>Tagesschau</i>) ГУДЖЕДЖИАНИ Т. А.	33
Исследование идентификационной значимости формантных характеристик акцентных гласных русской речи носителей карачаево-балкарского языка ГУРТУЕВА И. А.	41
Метафорическое воплощение профессионального риска и ответственности в романах Артура Хейли ГРУШЕВСКАЯ Т. М., ДАНИЛЕЦ А. М.	50
Лингвопрагматические особенности знаков авторского присутствия в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе КИБКАЛО Р. И.	58
Отображение специальных дискурсов в немецкой общей лексикографии (на примере словарных предисловий) КОВТУНОВА Е. А., ЕЗАН И. Е.	66
Трехчленная пассивная конструкция в аспекте коммуникативного синтаксиса НЕКРАСОВА И. М.	75
Репрезентация плача в испанском языке (на материале имен существительных) ПОПОВА Е. А.	83
Репрезентация эмоции «Angst» / «страх» в немецком кинодискурсе ПОПОВА М. С.	90
Перевод реалий в свете их рецепции иноязычной аудиторией РАРЕНКО М. Б.	98
Сферы применения корпусных менеджеров в российском и зарубежном научном пространстве РОМАНОВА С. А.	105

СОДЕРЖАНИЕ

Вербализация образа французов сквозь призму метафоры ЩЕРБАКОВА Д. Р.	113
--	-----

Bayrisch – на пути от диалекта к региональному языку ЮКЛЯЕВА Е. А.	119
--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Разновидности исторического романа в творчестве вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя МУРАЛОВА Е. О.	126
---	-----

Образы Античности в поэзии Финляндии второй половины XX века СОЙНИ Е. Г.	134
--	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Аксиологические основания государственной культурной и конфессиональной политики ФУРСОВА Д. А., ЯРЦЕВ А. Б.	141
---	-----

Формирование новой буддийской образовательной парадигмы в контексте культурно-исторических трансформаций китайского общества первой половины XX века ХАБДАЕВА А. К.	150
--	-----

LINGUISTICS

Modalized Meanings of Tenses in German AVERINA A. V.	9
Glossary as a Formal Model of Poetic World Picture (based on collected works by Joseph Brodsky) AMELKIN S. A., USANOVA M. A.	17
Features of Figurative Meanings of Regional Names of Folk Costumes (based on the German Language) BLOKHINA E. N., NEFEDOVA L. A.	24
The Phenomenon of Euphemisation in Modern German-Language Media (based on the news on Tagesschau) GUJEJANI T. A.	33
Identification Significance of Accentual Vowels' Formant Characteristics for Russian Speech of L2 Karachay-Balkar Speakers GURTUEVA I. A.	41
The Metaphorical Embodiment of Professional Risk and Responsibility in the Novels by Arthur Haley GRUSHEVSKAYA T. M., DANILETS A. M.	50
Linguopragmatic Peculiarities of Authorial Presence Signs in English and Russian Popular Scientific Discourse KIBKALO R. I.	58
Representation of Special Discourses in German General Lexicography (on the example of dictionary forewords) KOVTONOVA E. A., JESAN I. J.	66
"Long" Passive Construction in the Functional Sentence Perspective NEKRASOVA I. M.	75
Representation of Crying in Spanish Language (based on Spanish nouns) POPOVA E. A.	83
Representation of the Emotion "Angst" / "Fear" in German Film Discourse POPOVA M. S.	90
Translating Culture-Bound Items in the Light of Their Reception by a Foreign-Speaking Audience RARENKO M. B.	98
Application Areas of Corpus Managers in the Russian and Foreign Scientific Space ROMANOVA S. A.	105

CONTENTS

Verbalization of the Image of French People Through the Prism of Metaphor SCHERBAKOVA D. R.	113
---	-----

Bayrisch – on the Way from Dialect to Regional Language YUKLYAEVA E. A.	119
---	-----

LITERARY STUDIES

Varieties of the Historical Novel in the Works of the Vietnamese Writer Nguyen Xuan Khanh MURALOVA E. O.	126
--	-----

Images of Antiquity in Finnish Poetry of the Second Half of the 20th Century SOINI E. G.	134
--	-----

CULTUROLOGY

Axiological Foundations of the State Cultural and Religious Policy FURSOVA D. A., YARTSEV A. B.	141
---	-----

A New Buddhist Educational Paradigm Formation in the Context of Cultural and Historical Transformations of Chinese Society in the First Half of the XX Century KHABDAEVA A. K.	150
---	-----

Модализованные значения временных форм в немецком языке

А. В. Аверина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
a.v.averina@linguanet.ru*

Аннотация. Цель работы – выявить условия возникновения модализованных значений временных форм в немецком языке. В качестве материалов исследования рассматриваются примеры, отобранные из корпусов DWDS и DECOW 16A. В работе были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, а также описательный, сопоставительный методы и метод контекстуального анализа. Делается вывод, что временные формы могут передавать различные виды дейктичных и недейктичных модальных значений при транспозиции, т. е. изменении временной референции; в результате взаимодействия аспектуальных и темпоральных граммем, наклонения и темпоральности; в определенных типах контекстов и в синтагматике с учетом лексической семантики глагола.

Ключевые слова: временная форма, модальность, наклонение, аспектуальность, межкатегориальные связи

Для цитирования: Аверина А. В. Модализованные значения временных форм в немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 9–16.

Original article

Modalized Meanings of Tenses in German

Anna V. Averina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
a.v.averina@linguanet.ru*

Abstract. The purpose of this study is to identify the conditions for the occurrence of modalized tenses in the German language. The research materials were examples selected from the corpus DWDS and DECOW16A. The following methods were used in the work: descriptive, comparative and contextual analysis method. It is shown that temporal forms can convey various types of deictic and non-deictic modal meanings during transposition, i.e., a change in temporal reference; as a result of the interaction of aspectual and temporal grammemes, mood and temporality; in certain types of contexts and in syntagmatics, taking into account the lexical semantics of the verb.

Keywords: temporal form, modality, mood, aspectuality, intercategoryal relations

For citation: Averina, A. V. (2025). Modalized meanings of tenses in German. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 9–16. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания статьи – возможности проявления модальных значений в системе функционирования временных форм немецкого языка. Подробное описание вариативности их семантики имеет место в работах отечественных германистов Е. И. Шендельс и О. И. Москальской [Schendels, 1982; Moskalskaja, 2004]. Отдельные вопросы, связанные с корреляцией темпоральных и модальных значений, рассматривались в исследованиях Дж. Лайонза, Э. Лайсс, Х. Фатера, М. Котина, Т. А. Фритца и других ученых [Lyons, 1983; Leiss, 1992; Vater, 1994; Kotin, 2013; Fritz, 2000]. В работе Э. Лайсс были описаны условия проявления модальных значений формы *Futur I*, определенная роль отводится при этом аспектуальным параметрам глагола [Leiss, 1992]. По наблюдениям Х. Фатера и Т. Фритца форма *Futur I* модальна всегда [Vater, 1994; Fritz, 2000]. Дж. Лайонз считает, что временные формы представляют своего рода некую модальность: претеритальные связаны с нефактичностью, показатели будущего времени – с деонтичностью [Lyons, 1983]. В одной из своих работ Э. Лайсс обращает внимание на то, что временные формы приобретают дополнительные модальные значения тогда, когда временная соотношенность и выбранная временная форма не совпадают («Temporale Formen werden immer dann als modal gelesen, wenn Zeitbezug und gewählte Tempusformen sich nicht in Übereinstimmung befinden») [Leiss, 1992]. Действительно, транспозицию временных показателей можно рассматривать как один из факторов, обуславливающих возникновение в высказывании дополнительных модальных значений. Во многих случаях это становится возможным в определенных контекстуальных условиях или является результатом взаимодействия и взаимообусловленности нескольких категорий – аспектуальности и темпоральности, наклонения и темпоральности. Под взаимообусловленностью грамматических категорий в данной публикации понимается, вслед за В. С. Храковским, обязательное сосуществование двух категорий, под взаимодействием – видоизменение хотя бы одной из двух категорий [Храковский, 1990]. Перечисленные работы представляют *теоретическую базу* исследования.

В задачи данной публикации входит:

- 1) определить виды модальных значений временных граммем, возникающие при транспозиции, а также в результате взаимодействия и взаимообусловленности нескольких категорий – аспектуальности и темпоральности, наклонения и темпоральности;
- 2) выявить роль контекста, синтагматики и лексической семантики глагола в возникновении

модализованных значений временных граммем. Решение первой задачи стало возможным благодаря использованию описательного и сопоставительного методов, а также общенаучных методов анализа и синтеза; контекстуальный метод позволил раскрыть роль синтагматики и лексической семантики полнозначного глагола в модализации значений временных форм. В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из корпусов DWDS и DECOW 16A. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров. Корпус DECOW 16A содержит 777 685 885 предложений, отобранных из немецкоязычных сайтов (включает в себя 17 116 160 документов), содержащих как сообщения в форумах, так и различного рода онлайн-сообщения. Соответственно, данные корпуса репрезентируют как письменную разговорную речь, так и представляют публицистические издания. Корпус DWDS содержит 13 млрд примеров из текстов немецких газет и журналов (Berliner Zeitung, Tagesspiegel, die Zeit), публичных выступлений политиков и разговорной речи. В процессе анализа были использованы примеры, отобранные из газет и журналов.

Актуальность исследования определяется тем, что описание модализованных значений временных форм позволяет раскрыть взаимодействие и взаимообусловленность модальных, темпоральных и аспектуальных граммем в системе их функционирования, а также показать роль контекста и лексической семантики в их интерпретации.

Временные формы немецкого глагола при определенных условиях могут передавать следующие виды модальных значений:

- корневые [Palmer, 2001], или недейкитичные [Diewald, 1999] (деонтичность, т. е. указание на необходимость; волитивность, или волеизъявление; алетическую модальность, т. е. обозначение потенциально существующей в объективной действительности возможности);
- некорневые, или дейкитичные (*эпистемичность*, или выражение оценки степени вероятности; *инференциальность*, т. е. указание на источник сообщаемой информации, в роли которого выступает говорящий; *нефактичность*, т. е. обозначение факта, который не имеет / не имел места в реальной действительности).

Научная новизна исследования. В работе впервые представлено системное изложение условий, при которых временные формы немецкого языка передают базовые и производные модальные значения. *Практическая значимость* исследования заключается в том, что полученные результаты могут

быть использованы на занятиях по теоретической и практической грамматике в магистратуре.

МОДАЛИЗОВАННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ

В традиционной немецкой грамматике выделяют шесть временных форм: *Präsens*, *Präteritum*, *Perfekt*, *Plusquamperfekt*, *Futur I* и *Futur II*. В грамматике немецкого языка под редакцией Г.Цифонун «Grammatik der deutschen Sprache» формы *Plusquamperfekt* и *Futur II* относятся к перфектной семантической зоне, включая и сам *Perfekt*. Авторы предлагают рассматривать презентный перфект (*das Präsensperfekt*), имеющий непосредственное отношение к настоящему моменту наблюдения: *Sie haben übrigens gestern auch etwas Merkwürdiges gesagt*; претеритальный перфект (*das Präteritumperfekt*), предшествующий времени наблюдения: *Jetzt hatte auch er seinen Gleichmut verloren*; футуральный перфект (*das Futurperfekt*), выражающий вероятность события в прошлом: *Du wirst ihm die Wahrheit gesagt haben* [Zifonun, Hoffmann, Strecker, 1997, с. 1692–1710]. Х. Фатер разграничивает «двойной перфект» («Doppelperfekt») и «двойной плюсквамперфект» («Doppelplusquamperfekt»), т. е. речь идет о формах типа *ich habe / ich hatte es vergessen gehabt* [Vater, 1994]. В данной публикации будут проанализированы традиционно выделяемые в грамматике формы *Präsens*, *Präteritum*, *Perfekt*, *Plusquamperfekt*, *Futur I* и *Futur II*.

Соотношение временных форм и модальных значений затрагивалось еще в ранних философских трактатах. Так, Дж. Лайонз обращает внимание на наблюдения философа Аврелия Августина о том, что прошлое и будущее существуют только в сознании говорящего: «настоящее прошлых вещей» – в воспоминании, «настоящее настоящих вещей» – в непосредственном восприятии и «настоящее будущих вещей» – в ожидании [Lyons, 1983]. Представим характеристику модальных значений формы *Futur I* в форме *Indikativ*.

Ранее было показано, что *Futur I* может функционировать как временная и модальная граммема [Leiss, 1992; Fritz, 2000]. Модальная семантика более отчетливо проявляется в высказываниях с предельным полнозначным глаголом. В случае с неопределенными глаголами форма *Futur I* функционирует в большинстве случаев как темпоральная граммема, хотя дополнительные контекстуально обусловленные модальные значения не исключены [Leiss, 1992; Kotin, 2013].

Рассмотрим примеры:

- (1) Jedenfalls bleiben wir noch ein paar Tage und werden arbeiten (DECOW 16A)¹.
- (2) Das wird wohl stimmen (там же).
- (3) Rechnen Sie das bitte mal durch. Sie werden staunen. Jedenfalls hat der Bürger dadurch, dass er keine Zinsen bekam, einen zusätzlichen Schaden erlitten (там же).
- (4) Einseitige Grenzverschiebungen lehnen wir ab, und wir werden sie auch nicht anerkennen (DWDS)².

В (1) использована форма *Futur I* в высказывании с неопределенным глаголом *arbeiten* и функционирует как временной показатель. В (2) использован предельный глагол *stimmen*, в данном случае передано только модальное значение – на это указывает также и модальная частица *wohl*, а форма *Futur I* меняет свою временную референцию. В (3) наряду с темпоральным значением выражено модальное значение инференциальной эвиденциальности, т. е. говорящий высказывает свое суждение на основе собственного опыта (наблюдений), в роли полнозначного глагола выступает предельный глагол. В (4) передано намерение говорящего, т. е. речь идет о значении волитивности. Из примеров (3) и (4) следует, что вид передаваемого модального значения зависит от семантической роли подлежащего: если оно выступает в роли агенса, то речь идет о волитивном и / или деонтическом значении (4); если оно выступает в роли пациенса, то находит свое проявление значение инференциальной эвиденциальности (3). Корневые модальные значения деонтичности и волитивности можно рассматривать как реинтерпретацию инференциальной эвиденциальности³. Форма *Futur II* в большинстве случаев функционирует как модальная граммема: согласно данным корпуса DECOW 16A в 95 % *Futur II* функционирует как модальный показатель для выражения предположения по отношению к действию в прошлом, лишь в 5 % – как временной маркер. Модальную семантику формы *Futur II* можно проследить на примере следующего высказывания:

- (5) Jedem von uns werden in den letzten Tagen – wie mir – Begegnungen mit Egon, Auftritte und große Reden in Erinnerung gekommen sein (там же).

При определенных условиях модальна форма *Präsens* в *Indikativ*. Алетическое модальное

¹DECOW 16A. URL: <https://www.webcorpora.org/> (дата обращения: 20.05.2024).

²DWDS. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 20.05.2024).

³См. подробнее [Fritz, 2000].

значение, т. е. указание на потенциальную возможность, существующую в объективной действительности, может быть передано предельными глаголами типа *schaffen, geschehen, passieren*, обозначающими действие в его целостности, имеющими референцию к событиям в будущем времени и обладающими свойством presupponировать истинность излагаемой информации, т. е. указывать на то, что она известна из предконтекста, например:

- (6) Macht aber nichts, du *schaffst* das schon! (DECOW 16A) (= Macht aber nichts, du kannst das schaffen).
- (7) Besteht die Chance, zu verhindern, dass das *passiert*? (DECOW 16A) (= Besteht die Chance, zu verhindern, dass das passieren kann?).

Модальное сознание возникает в том числе и благодаря фокусировке финитной формы – в высказываниях (6) и (7) она получает наибольшее ударение. В германистике данный феномен получил обозначение *Verumfokus* [Höhle, 1992], в отечественном языкознании – верификативная рема [Янко, 2008].

На будущее время могут указывать и формы других наклонений, а не только не только *Indikativ*. Так, например, *Konjunktiv I*, который получает в работе В. Шмидта обозначение как оптативный, или волиитивный конъюнктив, обращен к будущему и служит одновременно для выражения волеизъявления говорящего (8), (9), в некоторых случаях – для указания на необходимость (10) [Schmidt, 1965, с. 230]:

- (8) Es *lebe* die internationale Solidarität! (DECOW 16A).
- (9) Es *möge* kein schlechtes Vorzeichen sein!
(там же).
- (10) Man *löse* einen Esslöffel Puderzucker in etwas heißem Wasser [...] (там же).

В (8) – (10) можно говорить о том, что значения деонтичности и волиитивности являются результатом взаимодействия двух граммем – наклонения и времени. Вопрос о взаимодействии наклонения и времени рассматривается с различных точек зрения и решается неоднозначно. Так, В. Юнг считает, что *Konjunktiv* утерял свой временной характер, начиная со средневерхненемецкого периода [Jung, 1987]. По мнению Э. Хенчел и Х. Вайдт, конъюнктив «вытесняет» темпоральную семантику («wenn ein Konjunktiv vorliegt, drängt er die Tempusfunktion in den Hintergrund»), т. е. она не принимается во внимание при его интерпретации [Hentschel, Weydt, 1994]. Иная позиция представлена в работах М. Л. Котина и Э. Лайсс: модальные значения формы *Konjunktiv* рассматривают как совокупность значений наклонения

и времени [Kotin, 2010; Leiss, 1992]. Автор публикации придерживается данной точки зрения и исходит из того, что модальная семантика является результатом реинтерпретации временной граммема. В этой связи представляется целесообразным оперировать терминами «доминантная» и «рецессивная» граммема, предложенными В. С. Храковским: в процессе взаимодействия одна из категорий может выступать как доминантная, или индуцирующая реинтерпретацию граммема, а граммема, которая подвергается реинтерпретации – рецессивной [Храковский, 1990]. В случаях (8) – (10) речь идет о доминантной граммема наклонения, а граммема времени выступает в роли рецессивной.

Таким образом, мы видим, что *Futur I, Futur II*, а также форма *Präsens*, указывающие на происходящее в будущем, обладают свойством передавать деонтическую, волиитивную, алетическую модальность и значение инференциальной эвиденциальности. Их возникновение обусловлено изменением временной референции обозначенных форм, взаимодействием аспектуальных и темпоральных граммем, наклонения и темпоральности; лексической семантикой соответствующего глагола.

Рассмотрим варианты проявления модализованных значений, передаваемых формой *Perfekt*. *Perfekt* имеет базовое и периферийное значение. Базовым значением *Perfekt* является перфектное¹, которое можно охарактеризовать следующим образом: в высказываниях находит проявление «движение от прошлого к настоящему, его живая связь с настоящим субъекта речи, актуализированность его в настоящем как результат прошедшего действия» [Поспелов, 1966, с. 20]. Это можно проследить на примере следующих высказываний:

- (11) Ich danke Ihnen allen, dass Sie *gekommen sind* und ich freue mich auf einen ereignisreichen und schönen Abend mit guten Freunden (DECOW 16A).
- (12) Dass eine Abwägung *stattgefunden hat*, folgt bereits aus Ziffer 1 des Beschlusses vom 5. März 200, wonach die Stadtverordnetenversammlung die Abwägung der von Bürgern, Behörden und Nachbargemeinden vorgebrachten Anregungen beschlossen hat (там же).

В (11) форма *sein-Perfekt*, образованная от глагола *kommen*, служит для указания на результат, который можно наблюдать в ситуации в настоящее время. В высказывании (12), содержащем форму *haben-Perfekt*, образованную от предельных глаголов, также прослеживается сема «наблюдаемость»: в придаточном содержится указание на причину

¹См.: perfektisches Perfekt [Thieroff, 1992].

того положения дел, которое описано в главном предложении. Для перфектной семантики характерно проявление в высказывании причинно-следственных связей. В свою очередь, *Perfekt* при определенных условиях выступает как показатель инференциальной, или косвенной эвиденциальности: это отчетливо прослеживается в (12). Как отмечается в ряде исследований [Плунгян, 2000; Козинцева, 1994], косвенная эвиденциальность «обычно имеет два блока контекстных значений:

(а) инферентивное – «говорящий наблюдал не саму ситуацию, а ее результат» (это значение является диахронически исходным, и его связь с перфектом очевидна);

(б) цитативное – «говорящий знает о ситуации от третьих лиц» [Плунгян, 2000, с. 324]. Из этого следует, что в своем базовом (перфектном) значении *Perfekt* проявляет способность передавать семантику инференциальной эвиденциальности, обусловленную контекстом. Иная ситуация имеет место, если *Perfekt* не имеет отношения к настоящему моменту времени, сравним:

- (13) Am Anfang, als die Premysliden in Böhmen herrschten, aber noch keine Könige waren, befand sich hier auf dem Territorium der Burg ein besonderer steinerner Stuhl, auf den der gewählte Fürst gesetzt wurde. Erst danach *ist* er zum rechtsgültigen Herrscher Böhmens *geworden* (DECOW 16A).

В приведенном отрывке *Perfekt* проявляет в большей степени аористическое значение, специфика которого заключается в следующем: «грамматические значения реализуются в отрыве от конкретной ситуации настоящего субъекта речи, отражая в ходе информации о событиях их временную последовательность и одновременность» [Поспелов, 1966, с. 24]. Схожие наблюдения есть в грамматике Г. Цифонун и в исследовании Р. Тироффа [Zifonun, Hoffmann, Strecker, 1997; Thieroff, 1992].

Есть еще один вариант употребления *Perfekt* с модализованным значением: использование этой формы для выражения завершенности действия в перспективе будущего времени позволяет передать уверенность говорящего в определенном исходе ситуации, т. е. речь идет об эпистемичности, сравним:

- (14) Morgen *haben sich* heftige Gewitter *angekündigt*, am besten einen Indoor-Tag planen. Wie wärs mit einem Museums-Besuch? (DECOW 16A)
 (15) Bald hast du eine gute Stelle gefunden (там же).
 (16) Ich weiß doch, dass du mich loswerden willst und bald hast du's auch geschafft! (там же)

Рассмотрим условия проявления модализованных значений форм *Präteritum* и *Plusquamperfekt*. В работе Дж. Лайонза и в исследовании Э. Лайсс особо подчеркивается, что совпадение форм слабых глаголов в *Präteritum Konjunktiv* и *Präteritum Indikativ* не может быть случайным [Lyons, 1983; Leiss, 1992]. Э. Лайсс видит в этом причину модализации претеритальной формы: временная форма тогда проявляет свое модальное значение, когда имеет место изменение ее временной референции, т. е. выбор временной формы и обозначаемое ею время расходятся («temporale Formen werden immer dann als modal gelesen, wenn Zeitbezug und gewählte Tempusform sich nicht in Übereinstimmung befinden») [Leiss, 1992, с. 206]. Действительно, это можно проследить при использовании формы *Präteritum Konjunktiv*, имеющей референцию к событиям в настоящий момент времени:

- (17) Dabei *wäre* es so einfach, ohne extreme Lüftungswärmeverlust und Schimmelpest Heizenergie sinnvoll zu nutzen (DECOW 16A).

В данном случае прослеживается взаимодействие двух категорий – наклонения и времени, при этом граммема сослагательного наклонения выступает в роли доминантной, а претеритальная – в роли рецессивной. М. Л. Котин предлагает следующее объяснение: форма *Präteritum Indikativ* обозначает фактичность в прошлом, прослеживается временная дистанция между настоящим и прошедшим временем. В форме *Präteritum Konjunktiv* она получает переосмысление и получает трактовку как модальная дистанция [Kotin, 2013], т. е. в результате переосмысления, или реинтерпретации возникает значение нефактичности. Поясним термин «нефактичность» и покажем его взаимосвязь с волитивностью и деонтичностью. Г. Дивальд приписывает форме *Konjunktiv II* такое модальное значение, которое включает в себя два семантических компонента. Первый из них – нефактичность, соответствующая модальности отрицания. Так, предложению в форме *Konjunktiv II* *Sie wäre in ihrem Zimmer* соответствует предложение в *Indikativ*: *Sie ist nicht in ihrem Zimmer*. Первый компонент связывает нереализованное условие и пропозицию. Второй компонент – это указательный, функция которого состоит в указании на то, что нереализованное условие ведет к нефактичности пропозиции [Diewald, 1999]. Модальность нефактичности свойственна и высказываниям с *Plusquamperfekt* в условных предложениях типа (18) и (19):

- (18) Ich *hätte* mich *beschwert*, wenn ich einen geöffneten Karton bekommen *hätte* (там же).

- (19) Wenn nicht meine Familie und seine Oma (die Spanische) *geholfen hätte*, wären wir wahrscheinlich verhungert (DECOW 16A).

В исследовании Т.А. Фритца предложения типа *Wenn-dann* представляют собой отношения особого рода: речь идет о свойственной естественному языку «необходимости», вытекающей из имплицативных отношений [Fritz, 2018]. Под импликацией понимается в данном случае бинарная логическая связка, включающая причину и следствие и имеющая вид «если... то...». Скрытую необходимость, или деонтичность, выраженную в условных придаточных, Т. А. Фритц демонстрирует на следующих примерах:

- (a) Wenn es regnet, wird die Straße nass.
 (a*) Wenn es regnen muss, wird die Straße nass.
 (b) Wenn es regnet, muss die Straße nass werden [Fritz, 2018].

Как видно из приведенных высказываний, в придаточном условия не может иметь места модальный глагол *müssen*, указывающий на долженствование. По всей видимости, нефактичность формы *Konjunktiv II*, находящая свое проявление в условных предложениях, является своего рода реинтерпретацией, или семантическим вариантом модальности необходимости, или деонтичности.

Таким образом, модальное значение нефактичности является результатом взаимодействия граммы сослагательного наклонения и времени и его можно рассматривать как один из вариантов проявления деонтической модальности. В данном случае в роли доминантной граммы выступает наклонение, в роли рецессивной – формы *Präteritum* и *Plusquamperfekt*. *Präteritum Konjunktiv* – это своего рода модальная дистанция между говорящим и не существующим в реальной действительности фактом, эта форма может иметь референцию к настоящему моменту, а может быть вневременной. *Plusquamperfekt* предполагает наличие результирующего состояния в прошлом, которое в форме *Konjunktiv* представлено как

мыслимое, нефактичное, существующее в сознании говорящего. Нефактичность в определенных типах контекстов можно рассматривать как реинтерпретацию значения долженствования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье был рассмотрен модальный потенциал временных форм. Анализ фактического материала позволил сделать вывод о том, что его реализация находит свое проявление при определенных условиях:

- (1) при транспозиции, т. е. при употреблении в значениях, которые для них нехарактерны;
- (2) в результате взаимодействия и взаимообусловленности нескольких категорий – аспектуальности и темпоральности, наклонения и темпоральности;
- (3) в определенных типах контекстов и в синтагматике с учетом лексической семантики глагола.

Модальное значение формы *Präsens* находит свое выражение в том случае, если она обозначает будущее время и для его обозначения использованы глаголы, пресуппонирующие некоторую информацию (типа *schaffen, passieren, geschehen*). Модальна и форма *Futur I* – интерпретация значений данной формы зависит как от аспектуальных характеристик полнозначного глагола, так и от выполняемой подлежащим семантической роли. Форма *Perfekt* модальна в том случае, если речь идет о выражении ее базового значения, т. е. перфектной семантики – в этой связи находит свое проявление инференциальная эвиденциальность. Модальные значения форм *Präsens Konjunktiv*, *Präteritum / Plusquamperfekt Konjunktiv* являются результатом взаимодействия граммы наклонения и времени, при котором граммема времени становится рецессивной, а наклонения – доминантной. *Präsens Konjunktiv* передает недейктичные модальные значения. Формы *Präteritum / Plusquamperfekt Konjunktiv* являются показателями нефактичности, в данном случае временная дистанция получает переосмысление и получает трактовку как модальная дистанция.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schendels E. I. Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text. М.: Высшая школа, 1982.
2. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М.: Академия, 2004.
3. Lyons J. Semantik. Bd. II. München, 1983.
4. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin ; New York: De Gruyter, 1992.
5. Vater H. Einführung in die Zeit-Linguistik. 3. Auflage. Gabel: Hürth-Efferen, 1994.
6. Kotin M. L. Modalität und kategorialgrammatische Konvergenz aus genealogischer Sicht // Funktionen von Modalität. Berlin: De Gruyter, 2013. S. 305–334.

7. Fritz Th. A. Grundlagen der Modalität im Deutschen // Aspekte der Verbalgrammatik / Hg.v. Ludwig M. Eichinger, Oddleif Leirbukt. Hildesheim: Olms, 2000. S. 85–104. (Germanistische Linguistik 154).
8. Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий глагола: опыт анализа // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 18–36.
9. Palmer F. R. Mood and Modality. Second edition. Cambridge Textbooks in linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
10. Diewald G. Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1999.
11. Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. Grammatik der deutschen Sprache, Berlin, New York: De Gruyter, 1997.
12. Höhle T. N. Über Verum-Fokus im Deutschen // Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4. 1992. S. 112–141.
13. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008.
14. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1965.
15. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1987.
16. Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. 2., durchgesehene Auflage. Berlin: Walter de Gruyter, 1994.
17. Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen. Tempus-Modus-Distanz. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1992.
18. Kotin M. L. Zur referentiellen Identität von Tempus- und Modusformen // Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht. Danziger Beiträge zur Germanistik. Berlin: Peter Lang, 2010. Bd. 30. S. 29–38.
19. Поспелов Н. С. О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1966. № 2. С. 17–29.
20. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.
21. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания, 1994. № 3. С. 92–104.
22. Fritz Th. Zu Semantik, Textbezug und Pragmatik der konditional basierten Konnektoren // Worte über Wörter. Festschrift zu Ehren von Elke Ronneberger-Sibold. Tübingen, 2018. S. 115–130.

REFERENCES

1. Schendels, E. I. (1982). Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Moskalskaja, O. I. (2004). Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moscow: Akademiya.
3. Lyons, J. (1983). Semantik. Bd. II. München.
4. Leiss, E. (1992). Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin ; New York: De Gruyter.
5. Vater, H. (1994). Einführung in die Zeit-Linguistik. 3. Auflage. Gabel: Hürth-Efferen.
6. Kotin, M. L. (2013). Modalität und kategorialgrammatische Konvergenz aus genealogischer Sicht. Funktionen von Modalität (S. 305–334). Berlin: De Gruyter.
7. Fritz, Th. A. (2000). Grundlagen der Modalität im Deutschen. In Eichinger, L. M., Leirbukt, Oddleif (Hrsg.), Aspekte der Verbalgrammatik (pp. 85–104). Hildesheim: Olms. (Germanistische Linguistik 154).
8. Hrakovskij, V. S. (1990). Vzaimodejstvie grammaticheskikh kategorij glagola: opyt analiza = Interaction of grammatical categories of the verb. Voprosy yazykoznanija, 5, 18–36. (In Russ.)
9. Palmer, F. R. (2001). Mood and Modality. Second edition. Cambridge Textbooks in linguistics. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Diewald, G. (1999). Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen: Niemeyer Verlag.
11. Zifonun, G., Hoffmann, L., Strecker, B. (1997). Grammatik der deutschen Sprache. Berlin ; New York: De Gruyter.
12. Höhle, T. N. (1992). Über Verum-Fokus im Deutschen. Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft, 4, 112–141.
13. Yanko, T. E. (2008). Intonacionnye strategii russkoj rechi v sopostavitel'nom aspekte = Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect. Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur.
14. Schmidt, W. (1965). Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag.
15. Jung, W. (1987). Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig.

16. Hentschel, E., Weydt, H. (1994). Handbuch der deutschen Grammatik. 2., durchgesehene Auflage. Berlin: Walter de Gruyter.
17. Thieroff, R. (1992). Das finite Verb im Deutschen. Tempus-Modus-Distanz. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
18. Kotin, M. L. (2010). Zur referentiellen Identität von Tempus- und Modusformen. Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht. Danziger Beiträge zur Germanistik (Bd. 30, S. 29–38). Berlin: Peter Lang.
19. Pospelov, N. S. (1966). O dvuh ryadah grammaticheskikh znachenij glagol'nyh form vremeni v sovremennom russkom yazyke = On two sets of grammatical meanings of verb tense forms in modern Russian. Questions of Linguistics. Voprosy yazykoznaniya, 2, 17–29. (In Russ.)
20. Plungyan, V. A. (2000). Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku = General morphology. Introduction to the problem. Moscow: URSS. (In Russ.)
21. Kozinceva, N. A. (1994). Kategoriya evidencial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) = Category of evidentiality (problems of typology analyzes). Voprosy yazykoznaniya, 3, 92–104. (In Russ.)
22. Fritz, Th. (2018). Zu Semantik, Textbezug und Pragmatik der konditional basierten Konnektoren. Worte über Wörter. Festschrift zu Ehren von Elke Ronneberger-Sibold (S. 115–130). Tübingen.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверина Анна Викторовна

доктор филологических наук, профессор
 профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Averina Anna Viktorovna

Doctor in Philology (Dr. habil.), Professor
 Professor at the Department of German Grammar and History
 Faculty for the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	05.04.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	02.05.2025	
	16.05.2025	

Глоссарий как формальная модель поэтической картины мира (на примере полного собрания сочинений И. А. Бродского)

С. А. Амелькин¹, М. А. Усанова²

¹Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

²Акционерное общество «Объединенная энергетическая компания», Москва, Россия

¹amelkin@ist.education

²musanova-23@ranepa.ru

Аннотация: Цель исследования – реализовать формальные модели использования именованных сущностей в поэтической картине мира в виде глоссария. В статье выявляются формальные правила и закономерности, по которым происходит обмен информацией в социокоммуникативной системе поэтических сборников, и их влияние на взаимодействие автора и читателя. Акцент делается на взаимосвязи формальных и ценностных логических структур, позволяющих применить методы компьютерной обработки текстов для анализа именованных сущностей в стихах И. А. Бродского. Разработанный глоссарий обеспечивает возможность на основе синергетических и эмерджентных свойств макросистем поэтического текста раскрыть особенности поэтики и помочь в интерпретации произведений. Исследование расширяет понимание сложности взаимодействия рациональных и иррациональных аспектов в процессе коммуникации.

Ключевые слова: поэтические сборники, Иосиф Бродский, именованные сущности, коммуникативная система, прецедентные имена собственные, интертекстуальность

Для цитирования: Амелькин С. А., Усанова М. А. Глоссарий как формальная модель поэтической картины мира (на примере полного собрания сочинений И. А. Бродского) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2025. Гуманитарные науки. Вып. 6 (900). С. 17–23.

Original article

Glossary as a Formal Model of Poetic World Picture (based on collected works by Joseph Brodsky)

Sergey A. Amelkin¹, Maria A. Usanova²

¹National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

²Joint Stock Company "United Energy Company", Moscow, Russia

¹amelkin@ist.education

²musanova-23@ranepa.ru

Abstract. The article identifies the formal rules and patterns governing the exchange of information within the socio-communicative system of poetry collections, and how these rules influence the interaction between the author and the reader. Emphasis is placed on the interaction of formal and value-based logical structures, which allow for the application of computational text processing methods to analyze named entities in the poems by I. A. Brodsky. The developed glossary provides the opportunity to reveal the peculiarities of poetics based on the synergetic and emergent properties of the macro-systems of poetic text, aiding in the interpretation of the works. The study expands the understanding of the complexity of the interaction between rational and irrational aspects in the communication process.

Keywords:	poetry collections, Joseph Brodsky, named entities, communicative system, precedent proper names, intertextuality
For citation:	Amelkin, S. A., Usanova, M. A. (2025). Glossary as a formal model of poetic world picture (based on collected works by Joseph Brodsky). <i>Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities</i> , 6(900), 17–23. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Рациональная теория коммуникации предполагает у каждого субъекта наличие четкого представления о том, «чего он желает или что ценит, и тогда практическое рассуждение направлено на обеспечение того, чтобы действия субъекта наилучшим способом соответствовали этим желаниям и ценностям» [Сёрль, 2004, с. 6–7]. Коммуникация как информационное взаимодействие субъектов рассматривается с точки зрения передачи прагматической информации, необходимой для достижения поставленных целей, задачей моделирования развития социокоммуникативных систем ставится выявить скрытые правила рациональности, которым, к счастью, большинство разумных людей способны следовать бессознательно. «Скажем, они могут говорить по-английски, не зная правил грамматики, или говорить прозой, не зная, что говорят прозой, как в знаменитом примере с господином Журденом; точно так же они могут вести себя рационально, даже не подозревая, что следуют неким правилам» [там же, с. 2]. Рациональность коммуникации, как показала Н. В. Даниелян, «характеризуется акцентированием внимания на линейном характере коммуникаций, в которых предпочтительными оказываются практики, имеющие целевое воздействие на аудиторию и манипулирование сознанием аудитории» [Даниелян, 2015, с. 60]. Вопросы взаимовлияния рационального и иррационального аспектов коммуникации особенно явно стоят при исследовании поэтического текста, прагматика которого скрыта в эстетическом конструкте субъективной картины мира. Эмоциональные переживания способствуют развитию картины мира, но именно через призму картины мира как интерференцию интерпретированного им текста и его собственных переживаний человек воспринимает поэтический текст.

Рациональный анализ субъективного эмоционального восприятия текста, тем не менее, позволяет понять логику социального взаимодействия, одной из существенных черт которой является включение в процесс коммуникации третьих лиц – именованных сущностей, которые неявно включаются в диалог, подкрепляя ценность утверждений своим авторитетом, повышая доверие к утверждениям своим неявным присутствием, создавая

виртуальную коллаборацию своим участием в творческом процессе. Это свойственно любой коммуникации, например, обсуждению исследуемых вопросов в научной литературе [Чалова, 2021; Полилова, 2011], но особенно ярко выражено именно в поэтическом тексте.

Задачи исследования – создать формальную дискурсивную модель коммуникативного взаимодействия и построить на ее основе глоссарий, реализующий рациональную компоненту этой модели. Для решения этих задач используются методы теории понятий и парадигм, макросистемного анализа и теории сложных систем.

Новизна исследования связана с его междисциплинарностью: построение модели коммуникативного взаимодействия, основанного как на рациональной, так и иррациональной интерпретации текста, ориентированного не на логический анализ фактов или на построение непротиворечивой теории, а на множественность противоречий, порождающих смыслы в субъективных картинах мира.

Актуальность: статья посвящена актуальной в рамках современной антропоцентрической парадигмы в лингвистике проблеме анализа сборника поэтических произведений. Предметом исследования выступают различные способы сотворения сложной системы картины мира в ходе опосредованной коммуникации читателя и автора.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК СЛОЖНАЯ СИСТЕМА

Формирование поэтического сборника представляет собой особый труд. Сборник, при законченности каждого стихотворения, является социокоммуникативной системой, включающей не только сам текст, но и картины мира как автора, так и читателей: аудитории, которую можно было бы назвать целевой, если можно было бы рационально, телеологически описать коммуникацию между личностями как функциональную систему. Взаимодействие автора и читателя, интерпретатора и читателя, исследователя и читателя формируют динамику развития социокоммуникативной системы, динамику, как подчиняющуюся рациональному объяснению, так и иррациональную. Иррациональность связана не столько с когнитивными искажениями,

сколько с эмоциональными, эстетическими и этическими особенностями восприятия действительности, формирования собственной картины мира, ее эмоционально-этической структуры, стремления прочувствовать восприятие мира другим человеком. В этом смысле поэтика интерактивна, а следовательно, диалогична: художественный текст рассматривается как особая форма общения, один из видов эстетической деятельности [Шахова, Паутова, 2019]. Поэтический сборник формирует диалогический процесс опосредованной текстом коммуникации, а следовательно, сборник можно рассматривать как систему высокого порядка сложности, включающей рациональные и иррациональные взаимосвязи. Анализ таких сложных систем не может быть чисто формальным, однако методы формализации вполне допустимы [Косиченко, 2017]. Так, поэтический сборник, как и любая сложная система, должен обладать свойствами синергии и эмерджентности.

Синергия поэтического сборника включает социокультурный, интерпретативный и номинативный уровни [Гусейнова, 2023]. В отличие от отдельного стихотворения поэтический сборник формирует пространство социокультурного взаимодействия между читателями и между читателем и автором на мезоуровне общения [Ананьева и др., 2017]. И. А. Гусейнова так поясняет этот тезис: «Социолингвистические параметры сборника позволяют сделать определенные выводы о социокоммуникативной группе, которая относится положительно к творчеству упомянутого автора ... образ автора, его чувства и переживания созвучны внутренним настроениям данной социокоммуникативной группы» [Гусейнова, 2023, с. 37]. Формирование социокоммуникативной группы обеспечивает синергию поэтического сборника на социокультурном уровне.

Согласно Б. Ф. Ломову, общение на основе личностно ориентированного и сущностно ориентированного сравнения создает перцептивный контекст, скрепляющий социокоммуникативную группу общей дискурсивной моделью. При этом отмечается, что «тексты никогда не существуют вне связи с дискурсом, а эти связи могут быть поняты только в аспекте диахронии в ходе восприятия большого количества текстов» [Трошина, 2004, с. 108]. Следствием этого является синергия поэтического сборника на интерпретативном уровне – императивные и вариативные страты дискурса [Абрамов и др., 2021].

Дискурсивная модель порождает особый виртуальный мир как отображение реальных событий и переживаний в картину мира отдельного человека или социокоммуникативной группы. Создание картины мира – это игровой процесс,

каждым стихотворением поэт творит некую перспективу, а интерпретирующий ее на основе собственного опыта читатель превращает перспективу в запутанный лабиринт, создавая пространство *агональной игры*. «Взаимосвязь поэзии и игры затрагивает не только внешнюю форму речи. Столь же ощутимо проявляется она в отношении форм образного воплощения, мотивов и их облачения и выражения... Настроение игры – это настроение отрешенности и восторга, священное или праздничное, в зависимости от того, является ли игра священнодействием или забавой. Такое поведение сопровождается ощущением напряжения и подъема и приносит с собой снятие напряжения и радость. Вряд ли можно отрицать, что этой сфере игры принадлежат по своей природе все виды возникновения поэтической формы» [Хёйзинга, 2001, с. 3]. Сборник поэтических текстов расширяет виртуальное пространство картины мира, соединяя отдельные пути в лабиринте в единый семиотический мир. Сотворение (совместно автором и социокоммуникативной группой читателей) картины мира образуют номинативный уровень синергии поэтического сборника.

Эмерджентный эффект поэтического сборника достигается тем, что в нем упорядочивается разногласия эмоциональных переживаний каждого отдельного стихотворения. Наличие эмерджентности, характеризующей сборник как сложную коммуникативную систему, иллюстрирует Т. А. Бек: «Пастернак сказал: “Книга есть кубический кусок горячей, дымящейся совести – и больше ничего”. При всей экспрессии здесь важен эпитет “кубический”, указующий на то, что хаос духа в книге стихов – при всей стихийности (стих и стихийность, слова-то однокоренные!) – непременно структурируется»¹.

Еще большей сложности систему представляет полное собрание сочинений поэта. И. С. Назарова указывает, что «задачей полного собрания сочинений автора как многосоставного типа издания является репрезентация читателям всего комплекса произведений автора, его творчества в целом: структура всей многокомпонентной композиции позволяет полнее представить своеобразие творческого метода, индивидуальной поэтики автора» [Назарова, 2013, с. 235]. Собрание сочинений можно рассматривать как информационно-коммуникативную макросистему, отображающую картину мира автора – но не фиксированный набор сущностей, между которыми установлены логические, эстетические и этические связи, а срез (лабиринт,

¹Бек Т. А. Книга стихов как единство // Первое сентября. 2003. № 2. URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200300202> (дата обращения: 01.05.2024).

диахронное сечение логруса¹: собрание сочинений развивается в двухмерном времени – времени написания каждого стихотворения и времени интерпретации их читателями) динамического процесса тестирования, верификации, эволюции связей между сущностями за счет внутреннего диалога автора и его лирического героя с этими сущностями: персонажами, реальными личностями, локациями, предметами, событиями, ситуациями и, наконец, с самим лирическим героем [Амелькин, 2024]. Лабиринт полного собрания сочинений формирует порождающую модель дискурса – логруса картины мира социокоммуникативной группы в виртуальном художественном пространстве, познаваемом лирическим героем и читателем на всей временной плоскости [Лосев, 1971].

Синергетический эффект полного собрания сочинений на номинативном уровне выражен не только контекстами (интертекстуальностью каждого стиха как законченного произведения), но и стратификацией сущностей в картине мира. Плотность диалога, его важность для эволюции картины мира зависят от семиотической значимости сущности. Сущность – символ указывает на контекстный путь в лабиринте переживаний лирического героя [там же]. Развитие картины мира приводит к необходимости разграничения страт и именования сущностей, так как «имя есть такое орудие общения с сущностью, которое приводит к ее пониманию» [Гусейнова, 2013, с. 8].

КОМПЬЮТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ИМЕНОВАННЫХ СУЩНОСТЕЙ

Предполагается, что анализ именованных сущностей в текстах И. А. Бродского позволит расширить наши знания о мире, о котором писал поэт, а также выделить особенности его поэтического стиля и мировоззрения. Логика анализа именованных сущностей необходимо включает как истинностную логику анализа синтаксической информации, содержащейся в текстах и доступной для компьютерной обработки, так и ценностную логику выявления смысловой информации, формирующей меон взаимодействия автора и читателя (исследователя) в ходе восстановления страт картины мира И. А. Бродского. На первых этапах в исследовании были использованы методы компьютерной обработки текста, которые в последнее время

приобретают всё большую популярность [Горожанов, Красикова, 2024; Горожанов, 2023], далее – методы работы с историческими источниками, посвященными биографии И. А. Бродского. Выявление именованных сущностей в ходе процесса компьютерной обработки и даже в процессе анализа литературных источников не является завершённым процессом, это изучение логруса картины мира, движение заинтересованного читателя во временной плоскости полного собрания сочинений.

В качестве базы для исследования был выбран электронный сборник «Бродский Иосиф – Собрание сочинений» под редакцией С. Виноцкого. В сборнике представлены (насколько возможно) все опубликованные в бывшем СССР оригинальные стихотворные тексты И. А. Бродского. В собрание не включены некоторые ранние стихи (до 1962 г.), которые автор позже не захотел публиковать (например, «Земля» и «Баллада о маленьком буксире»), а также неоконченные стихи, наброски, варианты и другие малоизвестные произведения.

Для обеспечения машинной обработки сборник был конвертирован в формат текстового файла. Этот файл содержит 169 122 слова и 42 551 строку (с учетом пробелов между строками в стихотворениях и примечаний редактора).

Для анализа текстов была выбрана библиотека *Natasha*, созданная разработчиками «Яндекс» на базе языка программирования Python². Библиотека *Natasha* решает базовые задачи обработки естественного русского языка: сегментации на токены и предложения, анализа морфологии и синтаксиса, лемматизации, что в совокупности обеспечивает распознавание именованных сущностей. Стоит упомянуть, что в связи со сложностью автоматического выявления именованных сущностей речь идет только об именах собственных, без упоминаний других лексических единиц, которые могут указывать на объект реальности. Местоимение Он, написанное с прописной буквы, с трудом поддается конкретной характеристике, и такие случаи, допускающие неоднозначную трактовку, мы оставляем для другого исследования.

Первый этап работы заключается в исследовании того, как библиотека *Natasha* работает с нестандартным для нее форматом текстов. Очевидно, что стихотворная форма имеет свои особенности: например, оказалось, что библиотеке сложно воспринимать две строки стихотворения, разъединенные переносом, как одно предложение. Для решения этой проблемы создан массив из строк, переформатированный в единый текст. После этого уже из единого текста общим массивом извлечены именованные сущности. Добавив знак переноса после

¹Логрус – в цикле произведений американского фантаста Р. Дж. Желязны «Хроники Амбера» – постоянно изменяющийся лабиринт, для прохождения которого требуется сохранить понимание себя и закономерностей хаотического изменения самого логруса, т. е. необходимо удерживать порядок, не сохраняя никакого порядка – только так можно пройти логрус, сохранив целостность собственной картины мира.

²URL: <https://natasha.github.io/ner> (дата обращения: 01.05.2024).

каждой отдельной словоформы, мы получили не-ранжированный список именованных сущностей из текстов И. А. Бродского.

Следующей задачей стало упорядочивание списка именованных сущностей. Для упрощения работы выбран базовый критерий распределения – алфавитный порядок. Нужный результат был достигнут с помощью программы на языке Python, и на выходе был получен документ, состоящий из 2 388 строк с учетом пустых строк между словоформами. На этом этапе началась редакция машинного анализа текста. Используемая библиотека хорошо справилась со своей задачей, но из-за контекстных неоднозначностей исходного корпуса текстов в итоговом списке оказались словоформы и символы, не относящиеся к именованным сущностям. Например, римские цифры, использованные для нумерации глав некоторых поэм, а также некоторые формы прилагательных, распознанные программой как фамилии. Для исключения случаев омонимии фамилии и прилагательного каждый такой случай был проверен по контексту конкретного стихотворения. Все словоформы, не отвечающие запросам исследования, были удалены. Помимо этого, во многих произведениях И. А. Бродского (и в самом тексте, и в посвящениях) встречаются разные формы одного и того же имени собственного. Например, имя «А. А. Ахматова» в разных стихотворениях было представлено как А. А. Ахматова, Анна Ахматова, А. А. А. Все подобные случаи, включая простые вариации словоформ в зависимости от числа или падежа, объединены в одну лексему и представлены в итоговом списке по одному разу для удобства восприятия.

После решения всех технических вопросов начата самая объемная часть работы – а именно – создание фактологических справок по каждой именованной сущности. Для этого были использованы хранящиеся в сети мемуары и интервью людей, знавших И. А. Бродского, архивы его собственных записей, а также книги и сайты с материалами религиозной и мифологической тематики.

В результате получен глоссарий, состоящий из 1 034 именованных сущностей, которые условно можно распределить по трем рубрикам («Прецедентные антропонимы», «Антропонимы» и «Топонимы»); представлены в алфавитном порядке. Здесь стоит отметить, что отнести конкретный антропоним к прецедентным можно лишь с некоторой долей уверенности. Действительно, никто не может точно сказать, является ли какое-то имя собственное настолько распространенным, что в сознании любого русскоязычного читателя обладает определенным (и неизменным) набором культурных и литературных ассоциаций [Нахимова, 2007]. Главным критерием, по которому именованные сущности отнесены к прецедентным, является не общеизвестность среди читателей, а сам факт наличия какого-либо литературного прецедента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чтение поэтического сборника, собрания сочинений – это длинный путь в формировании взаимосвязи дискурсивного пространства, исследование мира, в котором закономерности, если таковые вообще существуют, установлены волей автора. В этом мире исследователь тоже творец, его интерпретации формируют дискурс, тот контекст, в котором текст обогащается символической значимостью: «Ценность идеи связана с контекстом, в котором она возникает» (Как читать книгу). Поэтический мир не свободен от мира реального, а значит, рациональные, алгоритмические методы легальны при его исследовании. Вместе с тем поэтический мир не тождественен реальному, следовательно, рациональные методы его исследования – лишь один из инструментов, необходимый, но не вполне достаточный. Результат как понимание развития текста обеспечивается сочетанием формальной логики, эмоционального восприятия и интуитивного озарения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сёрль Дж. Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
2. Даниелян Н. В. Рациональная коммуникация и коммуникативная рациональность: две стороны одной медали // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 2 (1). С. 59–69.
3. Чалова О. Н. Коммуникативно-прагматические функции ссылок в научной речи // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2021. № 10. С. 91–94.
4. Полилова Т. А. Библиографическая ссылка и живая публикация // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Математическое моделирование и программирование. 2011. № 4 (221). С. 75–81.
5. Шахова Е. М., Паутова К. А. Художественный текст в коммуникативном аспекте // Методические инновации в практике преподавания русского языка и литературы в условиях поликультурной среды: сборник материалов I Международной научно-практ. конф. к 190-летию Л. Н. Толстого. Казань: КазГМУ. 2019. С. 134–139.

6. Косиченко Е. Ф. Именованіе в художественном тексте: семиотический подход к литературной ономастике // Магія ІННО: Новіе вимірювання в лінгвістическій і лінгводидактиці: збірник наукових трудов ; в 2 т. 2017. Т. 1. С. 73–78.
7. Гусейнова И. А. Лингвокогнитивные аспекты поэтического слова в российской молодежной поэзии (на материале цикла стихотворений «More» Е. В. Антроповой) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 36–44.
8. Ананьева К. И. и др. Когнитивно-коммуникативная парадигма Б. Ф. Ломова: современное состояние и перспективы / К. И. Ананьева, В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко, А. Н. Харитонов // Психологический журнал. 2017. № 38 (6). С. 17–29.
9. Трошина Н. Н. Социокультурные параметры дискурса // Социолінгвістика вчора і сьогодні : зб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ін-т науч. інформації по обществ. наукам ; редкол.: Н. Н. Трошина (отв. ред.), А. М. Кузнецова. М.: ИНИОН, 2004. С. 105–129.
10. Eckkrammer E. M. Brauchen wir einen neuen Textbegriff? Antworten auf einen Preisfrage // Forum Angewandte Linguistik. Berlin: Ges. für ang. Linguistik, 2002. P. 31–57.
11. Абрамов С. М. и др. Разработка безбарьерной коммуникативной среды в реальном и виртуальном видах пространства / С. М. Абрамов, С. А. Амелькин, Л. Г. Гагарина, И. А. Гусейнова, Е. Н. Корнилова // Меди@льманах. 2021. № 1 (102). С. 16–23.
12. Хейзинга Й. Игра и поэзия // Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. М.: Эксмо-Пресс, 2001. С. 197–222.
13. Назарова И. С. Лирический цикл А. Н. Майкова «Камеи» в составе первого тома собрания сочинений поэта («Лирика») // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 1 (11). С. 235–244.
14. Амелькин С. А. Фрактальная модель макросистем // Программные системы: теория и приложения. 2024. Т. 15. № 1 (60). С. 41–62.
15. Лосев А. Ф. Символ и художественное творчество // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1971. № 30 (1). С. 3–13.
16. Гусейнова И. А. 013.01.001. Актуальные вопросы лингвопрагматики в исследованиях Хольгера Куссе (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: реферативный журнал. 2013. № 1. С. 7–12.
17. Горожанов А. И., Красикова Е. А. Формальная модель оценки образа персонажа художественного произведения (на материале романа Дж. Оруэлла «1984»). Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 9. С. 3239–3248. DOI: 10.30853/phil20240458. EDN SGHXZJ.
18. Горожанов, А. И. Создание лингвистического корпуса на основе инструментов обработки естественного языка: планирование программных решений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 5. С. 1616–1620. DOI: 10.30853/phil20230252. EDN BHZCSE.
19. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург: УрПГУ.

REFERENCES

1. Searle, J. (2004). Ratsional'nost' v deystvii = Rationality in Action. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)
2. Danielyan, N. V. (2015). Rational communication and communicative rationality: two sides of one coin. Pushkin Leningrad State University Journal, 2(1), 59–69. (In Russ.)
3. Chalova, O. N. (2021). Linguapragmatic functions of references in scientific speech. Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities, 10, 91–94. (In Russ.)
4. Polilova, T. A. (2011). Bibliograficheskaya ssylka i zhivaya publikatsiya = Bibliographic Reference and Live Publication. Bulletin of South Ural State University. Series: Mathematical Modeling and Programming, 4(221), 75–81. (In Russ.)
5. Shakhova, E. M., Pautova, K. A. (2019). Khudozhestvennyy tekst v kommunikativnom aspekte = Artistic Text in the Communicative Aspect. In Methodological Innovations in the Teaching Practice of the Russian Language and Literature in a Multicultural Environment (pp. 134–139). International scientific and practical conference proceedings. Kazan: Kazan State Medical University. (In Russ.)
6. Kosichenko, E. F. (2017). Imenovanie v khudozhestvennom tekste: semioticheskiy podkhod k literaturnoy onomastike = Naming in Artistic Text: A Semiotic Approach to Literary Onomastics. In MAGIC INNO: New Dimensions in Linguistics and Linguodidactics. Collection of Scientific Works. Vol. 1 (pp. 73–78). (In Russ.)
7. Guseynova, I. A. (2023). Lingvokognitivnye aspekty poeticheskogo slova v rossiyskoy molodezhnoy poezii (na materiale tsikla stikhotvoreniy «More» E. V. Antropovoy) = Linguocognitive Aspects of Poetic Word in Russian Youth Poetry (Based on the Cycle of Poems «More» by E. V. Antropova). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 36–44. (In Russ.)
8. Ananyeva, K. I., et al (2017). Kognitivno-kommunikativnaya paradigma B. F. Lomova: sovremennoye sostoyanie i perspektivy = The Cognitive-Communicative Paradigm of B. F. Lomov: Current State and Prospects. V. N. Nosulenko, E. S. Samoylenko & A. N. Kharitonov. Psychological Journal, 38(6), 17–29. (In Russ.)

9. Troshina, N. N. (2004). Sotsiokul'turnye parametry diskursa = Sociocultural Parameters of Discourse. In Troshina, N. N., Kuznetsova, A. M. (Eds.), Sociolinguistics Yesterday and Today (pp. 105–129): collection of papers. Moscow: INION. (In Russ.)
10. Eckkrammer, E. M. (2002). Do We Need a New Concept of Text? Answers to a Prize Question. Forum Applied Linguistics (pp. 31–57). Berlin: Ges. für ang. Linguistik.
11. Abramov, S. M., et al. (2021). Razrabotka bezbar'ernoy kommunikativnoy sredy v real'nom i virtual'nom vidakh prostranstva = Development of a Barrier-Free Communicative Environment in Real and Virtual Spaces. S. M. Abramov, S. A. Amelkin, L. G. Gagarina, I. A., Guseynova, E. N. Kornilova. Media@Imanakh, 1(102), 16–23. (In Russ.)
12. Huizinga, J. (2001). Igra i poeziya = Play and Poetry. In Huizinga, J. Homo Ludens: Man as Player (pp. 197–222). Moscow: Eksmo-Press. (In Russ.)
13. Nazarova, I. S. (2013). Liricheskiy tsikl A. N. Maykova "Kamei" v sostave pervogo toma sobraniya sochineniy poeta («Lirika») = The Lyric Cycle of A. N. Maikov "Cameos" in the First Volume of the Poet's Collected Works ("Lyric"). Science of Man: Humanities Research, 1(11), 235–244. (In Russ.)
14. Amelkin, S. A. (2024). Fraktal'naya model' makrosistem = Fractal Model of Macrosystems. Software Systems: Theory and Applications, 15(1), 41–62. (In Russ.)
15. Losev, A. F. (1971). Simvol i khudozhestvennoe tvorchestvo = Symbol and Artistic Creativity. News of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Section, 30(1), 3–13. (In Russ.)
16. Guseynova, I. A. (2013). 013.01.001. Aktual'nye voprosy lingvopragmatiki v issledovaniyakh Khol'gera Kusse (obzor) = Current issues of linguopragmatics in the research of Holger Kuße (review). Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics: an abstract journal, 1, 7–12. (In Russ.)
17. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). Formal'naya model' otsenki obraza personazha khudozhestvennogo proyizvedeniya (na materiale romana Dzh. Orwella «1984») = Formal model for evaluating the image of a character in a fictional work (based on G. Orwell's novel "1984"). Philology. Theory & Practice, 17(9), 3239–3248. DOI: 10.30853/phil20240458. EDN SGHXZJ. (In Russ.)
18. Gorozhanov, A. I. (2023). Sozdanie lingvisticheskogo korpusa na osnove instrumentov obrabotki estestvennogo yazyka: planirovaniye programmykh resheniy = Building a linguistic corpus based on natural language processing tools: Planning software solutions. Philology. Theory & Practice, 16(5), 1616–1620. DOI: 10.30853/phil20230252. EDN BHZCSE. (In Russ.)
19. Nakhimova, E. A. (2007). Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii: monografiya = Precedent Names in Mass Communication: Monograph. Ural State Pedagogical University. Institute of Social Education. Ekaterinburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Амелькин Сергей Анатольевич

кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник
Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники»

Усанова Мария Алексеевна

инженер Акционерного общества «Объединенная энергетическая компания»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Amelkin Sergey Anatolievich

PhD (Technical Science), Associate Professor
Senior researcher, National Research University of "Electronic Technology"

Usanova Maria Alekseevna

Engineer, Joint Stock Company "United Energy Company"

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.04.2025
10.05.2025
16.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Специфика образных значений региональных наименований народного костюма (на материале немецкого языка)

Е. Н. Блохина¹, Л. А. Нефедова²

¹МГИМО МИД России, Москва, Россия, e.blochina@my.mgimo.ru

²Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, la.nefedova@mpgu.su

Аннотация. Цель данного исследования – выявить образные значения наименований предметов народного костюма в Южной Германии и Австрии (гипонимы) в сопоставлении с наименованиями одежды литературного языка (гиперонимы) на материале справочников по иноязычным средствам выражения немецкого языка и немецкоязычных текстов электронного корпуса DeReKo. В работе использованы методы сплошной выборки, индуктивного обобщения, корпусного анализа, лингвокультурологического комментирования. Изучен характер совпадений на двух уровнях языка и выявлены закономерности формирования собственных образных значений гипонимов и их функции в речи.

Ключевые слова: образное значение лексемы, идиомы с названиями одежды, региональный гипоним, региональная культура, лингвокультурный концепт «Народный костюм»

Для цитирования: Блохина Е. Н., Нефедова Л. А. Специфика образных значений региональных наименований народного костюма (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 24–32.

Original article

Features of Figurative Meanings of Regional Names of Folk Costumes (based on the German Language)

Elena N. Blokhina¹, Lyubov A. Nefedova²

¹MGIMO-University, Moscow, Russia, e.blochina@my.mgimo.ru

²Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, la.nefedova@mpgu.su

Abstract. The aim of this study is to identify figurative meanings of names of folk costume items in Southern Germany and Austria (hyponyms) in comparison with names of clothes in the literary language (hypernyms) based on reference books on allegorical means of expression in the German language and German-language texts from the DeReKo electronic corpus. The work uses the methods of continuous sampling, inductive generalization, corpus analysis, linguacultural commentary. The nature of coincidences at two levels of language is studied and patterns of formation of proper figurative meanings of hyponyms and their functions in speech are revealed.

Keywords: figurative meaning of the lexeme, idioms with names of clothes, regional hyponym, regional culture, linguocultural concept “Volkstracht”

For citation: Blokhina, E. N., Nefedova, L. A. (2025). Features of figurative meanings of regional names of folk costumes (based on the German language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 24–32. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной лингвокультурологии, главную задачу которой мы видим в расшифровке культурных смыслов, скрытых в лексемах языка, наименования предметов одежды представляют собой один из наиболее активно исследуемых объектов, поскольку «категория наименований одежды является существенным артефактом человеческой деятельности и играет важнейшую роль в истории общества и культуры» [Бондарчук, Горожанов, 2024, с. 780]. Ученые-русисты не ограничиваются рассмотрением лексем, выражающих родовые понятия. В исследования вовлечен широкий спектр гипонимов, в том числе архаичных, региональных, диалектных наименований предметов гардероба для особых случаев. Многие из них в составе идиом являются неотъемлемой составляющей фонда иносказательных выражений русского языка и зафиксированы в различных справочниках¹. Разрабатывая понятие «костюмный код», М. Л. Ковшова указывает на необходимость разграничивать смыслы, закодированные в *одежде* как в любом возможном одеянии человека и в *костюме* как в наборе определенных предметов, соответствующем конкретным обстоятельствам. Автор отмечает, что «народный костюм наделен многомерной культурной семантикой, обогащен мистическим, религиозным, символическим содержанием. Выбор одежды всегда соотносится с представлениями, организованными в кодекс отношений и ценностей» [Ковшова, 2017, с. 68]. Немалое внимание уделяется и изучению различных социально-культурных функций народного костюма – статусной, обрядовой, утилитарной и др. В работах Т. Б. Банковой и других представителей Томской диалектной школы, изучающих костюмные традиции определенного сибирского народа, выделяемая отдельно национальная функция костюма видится в формировании оппозиции «свой – чужой» по этническому признаку [Банкова, Васильковская, 2019].

Культура носителей немецкого языка не менее богата разнообразием костюмных традиций, но лингвокультурный потенциал их наименований не изучен. Справочники по иносказательным средствам выражения немецкого языка, как отечественные², так и зарубежные³, содержат информа-

цию лишь по гиперонимам сферы *одежда*. Но даже очень объемные палитры переосмысленных значений многих родовых понятий, например, лексемы *Hose* / *брюки*, не могут дать представления о том, как сильно отличаются ассоциации в отношении брюк, предназначенных для использования в конкретных жизненных условиях того или иного региона. Так, брюки *Gamsleders hose* в альпийских землях издавна считались статусным атрибутом, доказывающим высокий профессионализм владельца в выслеживании крайне сложного для охоты зверя. Кроме того, по убеждениям местных жителей, они наделяли обладателя грацией, изяществом и ловкостью серны⁴, и этот исторический факт объясняет присутствие дополнительного значения *гарант успеха* в наименовании брюк современного мужского костюма (*Lederhose*). Брюки же деревенского населения *Büx* на побережье Северного моря, широкие, сшитые из белого льна, должны были во время сбора рыбы быстро просушиваться на ветру, оставляя незаметными белые следы морской соли. В идиоме *den Melkmann sien Büx* / *брюки молочника*, означающей пенку, образующуюся на горячем молоке⁵, лексема *Büx* едва ли заменима на название брюк костюма другого региона.

Научные публикации лингвокультурологического направления также не выходят за рамки изучения гиперонимов. Большая часть исследований посвящена сопоставлению образов одежды в различных языках, например, [Юсупова, Кузьмина, Кузнецова, 2020; Аноркулов, 2022]. Одним из редких исключений является работа Т. В. Овсиенко в области немецкой лингвоконцептологии, в которой поднимается вопрос о возрастающей значимости концепта *Volkstracht* в лингвокультуре Германии и о его неизученности [Овсиенко, 2023]. Автор разделяет понимание сущности концептов как ментальных образований, «которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик, 2009, с. 24], в которых «можно выделить ценностный, образный ... и понятийный (фактуальный) компоненты» [Карасик, Слышкин, 2007, с. 14], но концентрируется лишь на понятийном компоненте содержания. Как известно, «показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов»,

der deutschen Redewendungen im Kontext. Berlin: De Gruyter, 2011; Walter, H. Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche. Teil 1. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2008; Walter, H. Deutsche Sprichwörter und Redensarten. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2021.

⁴Schweigert A. Wilderer und Wildschützen in Bayern. Männer der Wildnis, Rebellen, Volkshelden Dachau: Bayerland, 2014.

⁵Groth, Karl-Heinz. So spricht Schleswig-Holstein. Hamburg: Ellert & Richter, 2013.

¹Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008 и др.

²Шекасюк Б. П. Новый немецко-русский фразеологический словарь. М.: Либроком, 2013.

³Duden Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik, Berlin: Duden, 2020; Schemann, H. Deutsche Idiomatik: Wörterbuch

понятийный компонент концепта «хранится в сознании в вербальной форме», «образный же компонент ... поддается лишь описанию и интерпретации», так как он связан со способом познания действительности и включает все наивные представления, закрепленные в языке [Карасик, Слышкин, 2007, с. 13–14]. Предлагая свою структуру языковых средств репрезентации концепта *Volkstracht*, автор выделяет в нем и региональный компонент, лексическое наполнение которого составят наименования предметов народного костюма в разных регионах; при этом вопрос о ценностном и образном содержании концепта остается открытым для дальнейших исследований.

Предметом работы является языковая образность, но в качестве объекта выбран не концепт как глобальная единица, а названия отдельных предметов регионального костюма. Под образностью мы понимаем «свойство лексических, фразеологических, текстовых единиц, проявляющееся в их способности обозначать явление, факт, ситуацию внеязыковой действительности опосредованно, иносказательно, через аналогию с другими фактами, явлениями, основанное на сходстве, смежности, ассоциативном сближении, метафорических и символических культурно обусловленных ассоциациях» [Грекова, 2016, с. 20]. В относительно новом словарном направлении, называемом *фигуративной лексикографией*, единицами образного языка и речи считаются любые лексемы, обладающие иносказательным типом семантики, включающей экспрессивно-оценочный и культурологический компоненты коннотаций: устойчивые фразеологизмы и метафоры, авторские метафоры, устойчивые образные сравнения различной структуры, авторские сравнения, авторские фразеологизмы и их модификации, пословицы и поговорки [Юрина, 2023].

В основе исследования лежит гипотетико-дедуктивный метод. Выдвигается гипотеза о неравнозначности образных значений гиперонима и гипонима. Работа посвящена сопоставлению таких пар значений и изучению характера сходств / различий.

Проблематика возникла в процессе педагогической деятельности на занятиях со студентами старших курсов, изучающих немецкий язык; опыт показал, что обнаруживаемые факты несовпадений в метафорических переносах на двух уровнях мотивируют обучающихся к знакомству с идиоматическим пластом немецкого языка и повышают интерес к изучению разнообразия культур регионов. Ранее мы уже проводили подобные исследования в лексической сфере *еда*, однако сфера *одежда* в заданном аспекте *изучается впервые*. Народный костюм, как и диалект, относится к тем

«мобильным» компонентам понятия «Родина», которые сопровождают человека независимо от его местонахождения и гарантируют сохранение самоидентичности в поликультурном окружении. В текущий период интенсивных миграций данное исследование приобретает особую актуальность.

Цель исследования была достигнута путем реализации последовательности задач с применением адекватных методов на каждом этапе:

1) отбор наименований из источников эмпирического материала – *наблюдение, сбор фактов, классификация, сопоставительный метод* для установления связи гипоним-гипероним (изучено 11 гипонимов, 15 гипонимов);

2) сбор справочной информации по гиперонимам – *сплошная выборка, анализ дефиниций справочников, семантический анализ и индуктивное обобщение* по направлению метафоризации, классификация собранных фактов, их систематизация в виде *перечневой таблицы* (изучено 10 источников);

3) сбор фактов по гипонимам для проверки выдвинутой гипотезы – *корпусный анализ (качественный)* с использованием электронного корпуса текстов как банка данных, *сплошная выборка, контекстный анализ, интерпретация корпусных данных, классификация* (изучено более 3000 текстов надрегionalных и региональных СМИ и протоколов заседаний парламентов федеральных земель Германии за период с 1974 по 2024 годы корпуса DeReKo Института немецкого языка г. Мангейма);

4) изучение характера сходств / различий региональных гипонимов и надрегionalных гиперонимов – *лингвокультурологический анализ фактов расхождения, лингвокультурологическое комментирование*. Результаты работы могут найти практическое применение на занятиях по немецкому языку, регионоведению, межкультурной коммуникации, лексикологии, лингвокультурологии, а также внести теоретический вклад в дальнейшую разработку значимых концептов немецкой лингвокультуры и в развитие тематической фигуративной лексикографии.

ПОЯСНЕНИЯ К ТРЕБОВАНИЯМ НА ЭТАПАХ ИССЛЕДОВАНИЯ

По данным раздела *Verteilung über Areale* Цифрового словаря немецкого языка DWDS, лексема *die Tracht*, которую Т. В. Овсиенко считает ядром в структуре понятийного содержания лингвоконцепта *Volkstracht*, показывает высшую частотность употребления в Австрии; с небольшим отрывом следуют Бавария и Баден-Вюртемберг¹. Этим фак-

¹URL: <https://www.dwds.de/wb/Tracht> (дата обращения: 10.03.2025).

том обусловлен выбор регионов. Из наименований компонентов народного костюма трех указанных территорий была составлена выборка, главным требованием к которой являлся максимально возможный охват по гендерному и утилитарному признаку (женские, мужские, универсальные, праздничные и повседневные вещи), а также по категории предметов (верхняя одежда, головные уборы, аксессуары, обувь). Были изучены происхождение, свойства и традиции, закрепившиеся за предметами, и осуществлено соотнесение их наименований, региональных гипонимов, с гиперонимами литературного языка. Соответствия образовали пары либо группы из 3–4 слов. В выборку вошли:

Lodenmantel, Lodenjacke – универсальная верхняя одежда из вяленой шерсти – пальто, накидки, пиджаки; часть как повседневного, так и праздничного костюма; отличительной баварской и австрийской чертой таких вещей являются контрастная окантовка и особый тип пуговиц;

Lodenhut – общее название универсальной шляпы особой формы из вяленой шерсти, часто украшаемой перьями, кистями, бижутерией; элемент праздничного и повседневного гардероба;

Steirerhut и **Tirolerhut** имеют региональные варианты названия в австрийских землях Штирия и Тироль;

Gamsbarthut – мужская шляпа с кистью из волос серны в Верхней Баварии и Тироле, исторически повседневный головной убор охотников высшей квалификации; расширенный смысл причастности к элите вообще актуален и в наше время;

Bollenhut – женская шляпа с красными (у девушек) и черными (у замужних женщин) шерстяными шарами в регионе Шварцвальд, одеваемая лишь в особых, торжественных случаях;

Haferlschuhe – универсальные тяжелые полуботинки с объемной бесшовной передней частью; оригинальные модели создавались для безопасного и комфортного длительного хождения в горах; получили широкое распространение в различных модификациях не только как незаменимая повседневная обувь, но и как часть праздничного костюма;

Lederhose – общее наименование мужских укороченных кожаных брюк;

Krachleiderne – более узкое баварское название для брюк из дорогой кожи высокого качества, преимущественно оленьей;

Gamsbart – кисть из волос серны, дорогое шляпное украшение;

Charivari – цепочка с подвесками для украшения мужских кожаных брюк в Баварии;

Lofel – универсальные шерстяные чулки без ступни, закрывающие икры ног; элемент

костюма для торжественных случаев в Баварии и Баден-Вюртемберге;

Dirndl – праздничное женское платье / костюм из нескольких составляющих, связанных строгими правилами ношения;

Mieder – женский жилет в форме корсета со шнуровкой, как компонент платья *Dirndl*, так и самостоятельный элемент гардероба. Гиперонимы: *Mantel, Jacke, Hut, Schuh, Hose, Kleid, Weste, Korsett, Strumpf, Hutschmuck, Schmuckkette*.

На этапе сбора информации по образным значениям гиперонимов использовались актуальные российские² и зарубежные справочники. Источниками служили как академические словари³, так и научно-популярные издания¹ и интернет-ресурсы². Результаты данного и последующего этапа заносились в таблицы. Образным значениям, рассматриваемым как направления метафоризации, присваивались условные наименования (*покров, уязвимое место* и пр.), формирующие первый столбец. Средства выражения таких значений с использованием исследуемых лексем заносились в последующие столбцы.

Отбор текстов из корпуса DeReKo осуществлялся по одному параметру (лексеме и словоформе). При вводе данных учитывались все диалектные и метонимические синонимичные формы гипонимов: *Gamsbarthut – Gamshut, Gamsbart; Lodenjacke – Lodenjanker, Lodenjoppe, Loden* и т. д. Невыявленным у гиперонимов значениям присваивались новые условные имена. При совпадении объекта переосмысления лексема в форме, зафиксированной в справочнике по гиперонимам, приравнивалась к любой узнаваемой трансформации, содержащей гипоним, образуя «линейную связь» (совпадение в одной строке). Проиллюстрируем такое равенство примером для значения «флюгер» в паре *Mantel – Lodenmantel: den (eigenen) Mantel nach dem Wind hängen / drehen* (держат нос по ветру, ориентироваться в ситуации)² и ...weil wir Bayern... nicht glauben, dass das beste Kleidungsstück *ein* Ingolstädter *Lodenmantel* ist, der *sich* stets *in jenem Wind dreht*, den der Träger (Seehofer) selbst verursacht (*Süddeutsche Zeitung*. 10.02.2014).

¹Schnatmeyer, S. Redensarten rund um Kleidung und Stoff: 400 Redensarten. Berlin: Textile Geschichten, 2016; Huber, G. Hubers Bairische Wortkunde: Wissen woher Wörter kommen. München: Volk Verlag, 2024; Büchmann, G. Der Neue Büchmann - Geflügelte Worte. Der klassische Zitatenschatz. Berlin: Verlag Ullstein, 2007.

²URL: <https://www.aphorismen.de>; www.redensarten-index.de (дата обращения: 10.03.2025).

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Эквивалентные значения региональных гипонимов и гиперонимов литературного языка. Наибольшее количество линейных связей обнаружено в парах *Mantel – Lodenmantel*, *Schuh – Haferlschuh*, *Hut – Gamsbarthut*; в них спектр значений гиперонимов почти полностью перекрывается гипонимами. Но, помимо простого замещения гиперонима гипонимом, обнаружены и другие, нелинейные связи между исследуемыми региональными названиями и не вошедшей в выборку литературной лексикой как сферы *одежда*, так и других тематических сфер, например: *Kragen–Gamsbart*: (sich) **einen hinter den Kragen gießen**² («заливать за воротник»); *Hackl, das war der rodelnde Bayer, der des Abends in irgendeinem Kufernstübel abhängt und sich dabei ein paar Weizenbiere hinter den Gamsbart schüttet (die Tageszeitung. 11.02.2006); *Bild–Haferlschuh*: [nicht] **ins Bild passen**¹ ((не)соответствовать общепринятым представлениям); *Wer erinnerte sich nicht gern jener Zeit, als die Österreicher den Jörg Haider hatten hochkommen lassen und dafür abgestraft wurden, dass sie in keinen Haferlschuh mehr passten?* (Süddeutsche Zeitung. 07.05.2002)². Выявлен и третий вид связи, в которой региональные названия дополняют литературную идиому, не замещая ни одного из ее компонентов, например, **da krümmen sich mir die Zehennägel**³ («поджилки трясутся, мурашки по коже бегают»); *ein Wort, bei dem sich gestandenen Bürgermeister und Tourismusmanagern immer noch die Zehennägel in den Haferlschuhen krümmen* (Die Zeit-Online-Ausgabe. 27.08.2009).*

2. Собственные значения региональных гипонимов. Анализ данных, не соотнесенных нами с образами лексем литературного языка, позволяет сделать вывод о том, что обращение к образам предметов народного костюма выполняет одну из следующих четырех функций:

- А. Аппеляция к специфическим свойствам предмета.
- Б. Номинация конкретного лица или группы людей.
- В. Аппеляция к культурно-исторической специфике региона.
- Г. Формирование оппозиции.

Рассмотрим примеры средств реализации и передаваемые ими значения в рамках каждой из функций.

А. Характерные свойства предметов, выделяющие каждый гипоним в ряду себе подобных, стимулируют образование различных по структуре образных сравнений и метафор. Они не представляют особой трудности для понимания в случаях, когда мотивационный признак очевиден и относится к внешнему виду или физическим характеристикам, например, к шнуровке на корсаже женского платья: *Außen hat dieser wasserfeste Hamsterbeutel eine Zick-zack-Gummischnürung wie ein Dirndl* (Süddeutsche Zeitung. 08.06.2004). Или же, когда распущенные длинные волосы напоминают пальто-накидку свободной формы: *Den Kampf gegen Mannis lange, bis in den Rücken runterreichende Haare wurde von Sieberts damals aufgegeben, weil die aus Mannis Lehrabteilung alle solche Loden trugen* (Spiegel-Online. 09.05.2017). Более пристального анализа требуют «скрытые» свойства, накопленные предметом в ходе истории. Обнадеживающая консервативность пальто в тексте *Monti ist ein bisschen wie sein graugrüner Lodenmantel, sein Markenzeichen seit Amtsantritt im November. Korrekt, verlässlich und beruhigend bieder* (Spiegel-Online. 07.08.2012) подразумевает, что взгляды и убеждения, характерные для большинства баварских и австрийских политиков, автоматически переносятся и на итальянского министра экономики и финансов Марио Монти. Спектр цветов современной одежды из вяленой шерсти в костюмах альпийских регионов достаточно широк, но тот факт, что в прошедших веках местные крестьяне и охотники носили пальто и накидки преимущественно зеленого цвета, отражается в прочной связи понятий *Loden* и *grün*, проявляющейся в многочисленных образах: *Wenn anderswo die Alpen noch grün wie ein Lodenjanker leuchten, liegt hier bereits dick der Schnee* (Neue Zürcher Zeitung, 17.11.2005), в том числе, в метафорическом наименовании охотников: *Der Tod trägt grünen Loden. Sein Ziel: ein braunes Fell* (Stern. 19.05.2016). То, что вырез на женском жилете *Mieder* в течение последних десятилетий становится всё глубже и откровеннее, проясняет смысл словосочетания: *Und ehrlich, mit der Trambahn ganz nah an Mae vorbeizugleiten und ihr dabei quasi unter den Rock direkt ins Mieder zu schauen, hat schon was* (Abendzeitung. 15.12.2020). Кожаные брюки, в прошедших веках многократно передаваемые по наследству, от длительной носки приобретали жесткость и свойство стоять в вертикальном положении. Неслучайно поэтому сочетание лексемы с глаголами «взбирания» (*in die Krachlederne steigen*) или же, сравнение: *Tänzer wirbelt den tellerförmigen Mantel, mit dem der Torero den Stier reizt, mit einer Handbewegung durch die Luft Und der fliegende Stoff bleibt vor ihm stehen wie eine*

¹Duden Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik, Berlin: Duden, 2020.

²Йорг Хайдер, австрийский политик, известен своими националистическими и праворадикальными взглядами. – Прим. авт.

³URL: www.redensarten-index.de (дата обращения: 10.03.2025).

Krachlederne” (Tages-Anzeiger. 28.12.2015). Кроме того, таким брюкам издавна приписывали магические свойства наделять их обладателей особой привлекательностью, что также находит отголоски в языке: ...*Andreas Lakowski, der SPD-Fraktionschef im Stadtrat zu Rosenheim... Die Leute wählen uns einfach nicht, da können wir noch so oft die Krachlederne anziehen* (Die Zeit. 21.08.2002). Кисть на шляпе из настоящих волос серны высокого качества очень чувствительна к малейшему движению, и этот факт объясняет идиому, выражающую выход из уравновешенного состояния: *Jetzt höre ich auf, denn mein Gamsbart zittert schon* (Abendzeitung. 09.10.2020) и др.

B. Реализация следующей функции основана на метонимических переносах с предметов одежды на людей, которые их носят, и далее на ту или иную общность, позволяющую объединять людей в группы. Связующим критерием может являться:

а) происхождение – “Die waren doch sicher Nomenklatura”, sagt *ein bayerischer Lodenmantel* auf der Führung durchs Haus. “Nein, ganz normale Kranke”, antwortet die Führerin (Süddeutsche Zeitung. 19.04.2003);

б) пол / гендер – *Ob Jung oder Alt, Dirndlkleid oder Krachlederne, praktisch alles musiziert mit Inbrunst und größter Begeisterung* (Kleine Zeitung, 24.08.1999);

в) социальная прослойка – *Salzburgs feine Leute, die Lodenmäntel, pflegen auf dem Grünmarkt einzukaufen* (NZZ am Sonntag. 09.03.2008);

г) политические убеждения – *Da war klar: Lodenmantel, das heißt CSU* (Süddeutsche Zeitung, 07.01.2015); *Damals hatten die Gegendemonstranten weniger Erfolg. Damals marschierten Lodenjanker neben Springerstiefeln durch die Stadt* (Süddeutsche Zeitung. 26.10.2002);

д) род занятий, преимущественно в отношении лесников и охотников, интересен «неологизм»: батальон горных стрелков, чьи шляпы традиционно украшают петушиными перьями и цветами, а не кистью из волос серны: ...*an Bord US-Präsident Joe Biden, er will weiter zum G-7-Spitzenreffen... muss... aber am Flughafen München erst mal durch einen finsternen Wald aus wackelnden Gamsbärten vorbei an einer Ehrenformation aus Gebirgsschützen und Trachtlern. Diese Bavarian Army hat der bayerische Ministerpräsident Markus Söder als Empfangskomitee platziert* (Süddeutsche Zeitung. 17.09.2022) и др.

C. Культурно-историческую специфику региона составляют факты, относящиеся как к конкретным праздникам, традициям и вкусовым предпочтениям, так и к значимым политическим и экономическим процессам и событиям.

Исследуемые лексемы образуют различные виды тропов с широким спектром оценочных коннотаций. Например, отношение к традиции скорее нейтрально в сравнениях: *Aphrodite*

gehört zu Zypern wie der Gamsbart zum Steirerhut (Die Presse. 03.11.2012); *Diese Behauptung ist so originell wie ein Dirndl auf dem Oktoberfest* (Spiegel-Online. 06.05.2017); *ein ostdeutscher Schriftsteller sei so etwas wie ein süddeutscher Schneidermeister, der eine zuständig für Lodenjanker, der andere für DDR-Biografien* (Neue Zürcher Zeitung. 17.02.2006) и др. Традиция, смещаемая с лидирующих позиций в силу экономической необходимости – в метафорическом образе сдуваемая ветром шляпа, – предполагает, скорее, положительную оценку: *Warum sind die Mächtigen so scharf auf Osteuropa? Weil sie dort billig produzieren können. Auf der Strecke bleibt der kleine Mensch von Österreich, dem der eisige Wind der Globalisierung den Lodenhut vom Kopfe fegt. Dabei hatten wir es so gemütlich, damals in den seligen 80er-Jahren* (Die Presse. 28.12.2009). Одновременно с этим традиция как консерватизм, препятствующий прогрессу, оценивается крайне отрицательно: *Die PISA-Katastrophe ist gewissermaßen der Gamsbart auf dem Steirerhut der Neuen Mittelschule* (Die Presse. 27.11.2010); *Doch statt wie erhofft neu aufzublühen, “verdorft” die Stadt, die eleganten Salons veröden, die vornehmen Hotels sind entvölkert, und im einst mondänen Zentrum dominieren Loden und Haferlschuhe* (Die ZEIT. 03.11.2016).

D. В функции формирования оппозиции прослеживаются два «тематических» направления: 1) *традиция – современность*; 2) *свой – чужой*. В подгруппе (1) прежде всего следует отметить понятия, так называемые *Begriffspaare*, означающие гармоничное сосуществование противоположностей. Это комбинации из двух слов, начинающихся на одну букву, образуемые по типу знаменитого слогана из речи федерального президента Германии Романа Герцога (Roman Herzog) на открытии Новой ярмарки в Мюнхене в феврале 1998 года, в которой политик, характеризуя экономические успехи Баварии, употребил метафору *Hier sind Lederhose und Laptop eine Symbiose eingegangen*¹.

В многократно повторяемых и используемых для популяризации федеральных земель словосочетаниях исследуемые гипонимы выступают как компактный интегратор всех положительных качеств, восходящих к истории и традиции региона: *Laptop und Lederhose, Gigabit und Gamsbart, High-Tech und Haferlschuh* (Бавария); *Gamsbart und Gegenwartskunst* (Австрия, Штирия); *Bollenhut und Biotheknik, Bollenhut und Boxter* (Баден-Вюртемберг). Другим значением данной подгруппы является *конфликт противоположностей*; смысл понятия «традиция» обретает оттенки «деревенщины, отсталости» и др., например:

¹URL: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Roman-Herzog/Reden/1999/03/19990317_Rede.html (дата обращения: 10.03.2025).

München ist <...> eine Femme fatale vom Dorf, oben herum ganz in Gucci und an den Füßen Haferlschuhe (Spiegel-Online. 13.07.2007); *In meinen Gedanken ploppte das Bild eines postmodernen Mischwesens auf – halb progressiv, halb traditionell, Man-Bun überm Lodenmantel* (Die ZEIT. 09.11.2023).

В основе формирования инаковости (2) *свой – чужой* заложен тот же принцип метонимического переноса, что и в функции **В**, только в данном случае связующий людей в группу критерий представлен двумя противоположными полюсами, один из которых образуют исследуемые лексемы. Критерии общности во многом схожи с перечисленными в разделе **В**. Это:

(а) принадлежность к этносу / региону в оппозиции **север – юг**: *Der Limes-Effekt <...> Dunkelblauer Blazer des Nordens... gegen südlichen Loden...; Bayerische Lüftlmalerei gegen Berliner Graffiti* (Die Zeit – Online-Ausgabe. 20.10.2005);

б) возраст в оппозиции **старые – молодые**: *Die Jugend applaudiert, die Lodenmäntel und die Abendkleider sind verunsichert* (Der Spiegel. 05.11.1979);

в) социальный статус в противопоставлении **элита – народ**: *„Ich wollte die zerrissene Jeans und hab einen Lodenmantel bekommen“, erzählt sie heute. Der „Lodenmantel“ ist ein Baron, Jäger und seit zwölf Jahren ihr Ehemann“* (Der Spiegel. 23.12.2011); *Gefeiert wird der Spieler. Die Fans, Lodenmäntel wie Kutten, geben dem kleinen Verteidiger recht* (die Tageszeitung. 26.11.2009);

г) политические взгляды в разделении **правые – левые**: *Früher hieß es in Rom: Teetrinken ist rechts, Kaffeetrinken ist links... Es war wie mit der Kleidung in Rom: Loden ist links, Bomberjacken sind rechts. Dass der Loden links war und der Tee rechts, erschien jemandem, der gerade aus dem Münsterland zugezogen war, ziemlich merkwürdig, dort war es genau umgekehrt* (Die Zeit. 10.04.2008)¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Спектр образных значений изученных региональных наименований народного костюма и аксессуаров Южной Германии и Австрии неоднороден и минимален у предметов, надеваемых лишь по особым случаям. Наиболее богатое содержание выявлено у наименований предметов повседневного гардероба – универсальных *Haferlschuhe*, *Lodenmantel*, *Lodenjacke* и мужской шляпы *Gamsbarhut*. Постоянно находясь на виду и в непосредственном контакте с происходящим в регионе, эти предметы стимулируют

¹Прим.: популярный итальянский политик Марио Монти был известен своим пристрастием к пальто из лодена.

непрерывный процесс сравнения их с другими фрагментами окружающей действительности, а также «впитывают» в себя оценку обществом их носителей и замещают самих носителей в речи. Исследование подтвердило предположение об отсутствии тождества образных значений в парах «наименование предмета народного костюма» (региональный гипоним) и «наименование одежды литературного языка» (гипероним) и показало лишь частичное пересечение, главным образом, у «будничных» лексем *Haferlschuh*, *Lodenmantel* и *Gamsbarhut*. В целом же отношения между идиоматикой литературного языка и образностью региональных гипонимов сложнее, чем наличие / отсутствие линейного эквивалента, и выходят за рамки связей в одной тематической сфере. В любом из типов соответствий название предмета народного костюма расширяет смысл образа литературной лексемы, отсылая реципиента к необходимому для понимания знаниям о традициях, общественно-политической и экономической ситуации в конкретном регионе.

Преобладающая часть собственных значений гипонимов вообще не привязана к прямому назначению предмета и сконцентрирована вокруг понятия «традиция» и противопоставляемой ей оппозиции. Предметы регионального костюма символизируют фрагменты культурно-исторического опыта региона, а их наименования служат средством выражения отношения к традиции. Они же отражают расхождения во вкусовых и идеологических предпочтениях у различных социальных групп региона, образуя гораздо более широкий спектр противопоставлений, нежели отмеченная Т. Б. Банковой оппозиции «свой – чужой» по этническому признаку.

Отличие изученных гипонимов от соответствующих им гиперонимов проявляется не только в большем объеме значений первых. Отношение к традиции и к представителям той или иной традиционалистской социальной группы изменчиво во времени. Значение гипонима поэтому, в особенности его оценочная часть, отражает в диахронии общественные настроения, возникающие под влиянием происходящих в регионе событий. Целесообразно провести более глубокий анализ лексем, значения которых многократно переосмысливались, в том числе, представив их как самостоятельные мини-концепты региональной культуры. Это касается в первую очередь наименований предметов одежды из лодена и шляпного украшения из волос серны. Именно эти лексемы наиболее продуктивны в образовании новых словоформ и метафорических словосочетаний. Кроме того, работу необходимо продолжить и за счет расширения выборки, включая в круг

исследования предметы народного костюма других регионов. А синтез результатов аналогичных сопоставительных исследований в других тематических сферах позволит сделать заключение

о наличии / отсутствии общих закономерностей в образовании иносказательных средств на двух параллельных уровнях немецкого языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарчук Г. Г., Горожанов А. И. Репрезентация категории наименований одежды в американской лингвокультуре (корпусное исследование) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. Вып. 4. С. 780–787.
2. Ковшова М. Л. К вопросу о культурной референции пословиц (на материале русских пословиц с образами одежды) // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8. Вып. 3. С. 67–93.
3. Банкова Т. Б., Васильковская А. А. Костюмный код в диалектной лингвокультуре: определение понятия (на материале говоров среднего Приобья) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. Вып. 7 (204). С. 48–54.
4. Юсупова Л. Г., Кузьмина О. Д., Кузнецова И. И. Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом «Одежда» в английском, немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 290–294.
5. Аноркулов С. И. Немецкие идиомы с предметами одежды в сравнительном переводе с немецкого на английский // Процветание науки. 2022. Вып. 7 (13). С. 57–66.
6. Овсиенко Т. В. Языковая репрезентация понятийного компонента концепта Volkstracht в немецкой лингвокультуре // Мир науки, культуры, образования. 2023. Вып. 5 (102). С. 338–340.
7. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
8. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. М.: Гнозис, 2007. С. 12–13.
9. Грекова М. В. Фигуративная лексикография и ее место в современной русистике // Вопросы лексикографии. 2016. Вып. 2 (10). С. 18–40.
10. Юрина Е. А. Лексикографическое моделирование образной системы языка // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 195–205.

REFERENCES

1. Bondarchuk, G. G., Gorozhanov, A. I. (2024). Representation of the category of clothing names in American linguoculture (corpus-based research). Humanities and law research, 11(4), 780–787. (In Russ.)
2. Kovshova, M. L. (2017). On the problem of cultural reference of proverbs (the Russian proverbs with images of clothing). Slovo.ru: baltijskij accent, 8(3), 67–93. (In Russ.)
3. Bankova, T. B., Vasil'kovskaya, A. A. (2019). Clothing code in dialectal linguaculture (based on the dialectal material of the Middle Ob River). Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 7(204), 48–54. (In Russ.)
4. Yusupova, L. G., Kuz'mina, O. D., Kuznetsova, I. I. (2020). Semantic Peculiarities of Phraseological Units with the Component "Clothes" in the English, German and Russian Language. Philology. Theory & Practice, 13(3), 290–294. (In Russ.)
5. Anorkulov, S. I. (2022). German idioms with clothing items in comparative translation from German to English. Protsvetanie nauki, 7(13), 57–66. (In Russ.)
6. Ovsienko, T. V. (2023). Language representation of the conceptual component of the concept Volkstracht in German linguoculture. The world of science, culture and education, 5(102), 338–340. (In Russ.)
7. Karasik, V. I. (2009). Yazykovye klyuchi. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
8. Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2007). Bazovye kharakteristiki lingvokul'turnykh kontseptov. In Antologiya kontseptov (pp. 12–13). Moscow: Gnozis. (In Russ.)
9. Grekova, M. V. (2016). Figurative lexicography and its place in modern Russian philology. Russian Journal of Lexicography, 2(10), 18–40. (In Russ.)
10. Yurina, E. A. (2023). Lexicographic modeling of the figurative system of language. Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics, 3(15), 195–205. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Блохина Елена Николаевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры немецкого языка МГИМО МИД России

Нефедова Любовь Аркадьевна

доктор филологических наук, профессор

заведующий кафедрой немецкого языка

Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Blokhina Elena Nikolajevna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor of the Department of German

MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs

Nefedova Lyubov Arkadyevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Head of the German Language Department

Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.04.2025
10.05.2025
16.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Феномен эвфемизации в современных немецкоязычных СМИ (на материале новостей *Tagesschau*)

Т. А. Гуджеджиани

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
tamara20051999@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – определить способы выражения феномена эвфемизации в современных немецких новостях. Главным методом исследования является контекстуальный анализ, материалом служат тексты издания *Tagesschau*. Примеры из немецкоязычных СМИ демонстрируют функционирование средств эвфемизации, что позволяет оценить их роль в формировании общественного мнения и адаптации языка к современным социокультурным реалиям. В результате исследования были выявлены основные лексико-грамматические средства эвфемизации в немецкоязычных текстах СМИ.

Ключевые слова: эвфемизмы, немецкий язык, средства массовой информации, политическая корректность, лексико-грамматические средства выразительности

Для цитирования: Гуджеджиани, Т. А. Феномен эвфемизации в современных немецкоязычных СМИ (на материале новостей *Tagesschau*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 6 (900). С. 33–40.

Original article

The Phenomenon of Euphemisation in Modern German-Language Media (based on the news on *Tagesschau*)

Tamara A. Gujejiani

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
tamara20051999@gmail.com

Abstract. This article aims to determine the ways of expressing the phenomenon of euphemisation in modern German news. The main research method is contextual analysis, the material is the texts of the *Tagesschau*. Examples from German-language media demonstrate the functioning of euphemization means, which allows us to assess their role in shaping public opinion and adapting language to modern socio-cultural realities. As a result of the study, the main lexical and grammatical means of euphemization in German-language media texts were identified.

Keywords: euphemisms, German language, mass media, political correctness, lexical and grammatical means of expression

For citation: Gujejiani, T. A. (2025). The phenomenon of euphemisation in modern German-language media (based on the news on *Tagesschau*). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 33–40. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследование современного новостного дискурса осуществляется с позиций медиалингвистики, предметом которой является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации [Добросклонская, Чжан, 2015].

СМИ отражают социальные, политические и экономические реалии, являются «одним из самых мощных коммуникационных каналов распространения информации и тиражирования определенных образов» [Гусейнова, Горожанов, 2023, с. 912], что обуславливает комплексный подход к исследованию явления эвфемизации в новостных текстах.

Применение эвфемизмов напрямую связано с явлением политической корректности, которое приобрело широкое распространение в последние десятилетия. С. Г. Тер-Минасова дает следующее определение: «Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью» [Тер-Минасова, 2000, 320].

Н. В. Кузнецова подчеркивает, что «механизм формирования и функционирования политкорректности базируется, с одной стороны, на социально-культурном табуировании, запрещающем именовать нежелательные для общества явления, с другой стороны, на языковой эвфемизации, заменяющей табуированные, негативно коннотируемые лексические единицы другими, позитивно окрашенными наименованиями» [Кузнецова, 2017, с. 17].

Исследование феномена эвфемизации в новостных текстах в настоящее время не теряет своей актуальности. По данной проблематике существует достаточно много работ отечественных и зарубежных лингвистов, посвященных функционированию эвфемизмов в различных текстовых жанрах [Luchtenberg, 1985; Sibul, Kuksova, 2021; Порохницкая, Бирюкова, 2022; Mironina, Porchesku, 2023; Guseynova, Gorozhanov, 2024].

Цель исследования – определить способы выражения феномена эвфемизации в современных немецких новостях. Для достижения цели мы поставили следующие задачи:

- изучить научные труды по исследованию языка СМИ;
- рассмотреть классификации эвфемизмов;
- проанализировать функции эвфемизмов в языке СМИ.

В качестве практического материала выступают новостные статьи, размещенные на портале tagesschau.de.

МЕДИАЛИНГВИСТИКА И ЕЕ РАЗДЕЛЫ

«Медиалингвистика направлена на изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации, иначе говоря, медиалингвистика занимается исследованием определенной сферы речеупотребления – массмедиа» [Добросклонская, 2020, с. 15].

Ключевой составляющей современных СМИ являются новости.

А. В. Олянич определяет новости как «новое знание о мире, только что ставшее известным и оказывающее определенное влияние на людей; отобранный, проанализированный и представленный аудитории социальный опыт человечества за прошедший день» [Олянич, 2004, с. 94].

М. В. Бусыгина и М. Р. Желтухина рассматривают понятие «новости» как «информационное сообщение о произошедших недавно или происходящих в данный момент событиях, представляющих политический, социальный или экономический интерес для адресата своей свежестью, оперативно распространяемое в воспринимаемом адресатом виде преимущественно через СМИ, оказывающее влияние на адресата» [Бусыгина, Желтухина, с. 12].

Т. Г. Добросклонская выделяет такие разделы медиалингвистики, как новости, информационная аналитика, публицистика и реклама и обращается к следующей классификации функций новостей:

- информативная функция;
- структурирующая функция.

Новости также являются особым типом текста, который имеет ряд отличительных признаков:

- особый формат;
- макро- и микроструктура (новости характеризуются устойчивой структурой, отражающей тематическое наполнение);
- национально-культурный контекст;
- повторяемость и воспроизводимость;
- лингвостилистические признаки (новостные тексты обладают устойчивыми лингвостилистическими признаками на морфосинтаксическом и лексико-фразеологическом уровнях) [Добросклонская, 2020].

ЭВФЕМИЗМ КАК ЯЗЫКОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Современные исследования новостного дискурса обращаются к проблеме функционирования различных лексико-грамматических средств, служащих для реализации авторских стратегий в текстах. При этом отмечается, что средства выразительности влияют на восприятие информации. «Они могут усиливать эмоциональную реакцию, формировать

общественное мнение и даже влиять на оценку достоверности сообщения» [Салахунов, 2024, с. 284].

Понятие «эвфемизм» в немецкой и русской научной литературе определяется следующим образом: «Эвфемизм – завуалированное обозначение чего-то неприятного. Из страха, почтения или застенчивости, по моральным, религиозным или иным причинам вещь не называют своим именем, а описывают ее парафразами, лишь намекают, смягчают или даже замалчивают» [Luchtenberg, 1985, с. 12].

«Эвфемизм – приукрашивающее, смягчающее, завуалирующее словосочетание для обидного или неприятного слова (и соответствующих ему терминов)» [Ольшанский, Гусева, 2005, с. 170].

Р. А. Будагов рассматривает эвфемизмы как «лингвистические средства, служащие для смягчения выражений в речи» [Будагов, 2003, с. 118]. Причины их возникновения не ограничиваются древними табу и запретами на произношение определенных слов, но также включают внутренние психологические мотивы говорящего. Мы придерживаемся точки зрения Р. А. Будагова, который относит контекстуальные эвфемизмы к отдельной группе эвфемизмов, так как объектом рассмотрения в статье является именно данная группа. Эти эвфемизмы часто обладают метафорическим или образным характером и не имеют фиксированной воспроизводимости [там же].

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭВФЕМИЗАЦИИ В ТЕКСТАХ НОВОСТЕЙ

Эвфемизмы в новостных текстах зачастую рассматриваются как вторичные номинативные средства, которые стали одними из наиболее часто встречающихся и эффективных номинативных средств для обозначения разных элементов внеязыковой действительности при решении коммуникантами различных категорий разного рода коммуникативных и когнитивных задач [Гришаева, 2023].

При анализе текстов новостей стоит учитывать, что употребление эвфемизмов мотивировано в первую очередь политической корректностью. Согласно определению, данному в Словаре иностранных слов Н. Г. Комлева: «Политическая корректность имеет дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода»¹. Другими словами, ряд понятий замещается более мягкими аналогами, чтобы избежать конфликтной ситуации.

Следует отметить, что в современном речевом общении наблюдается устойчивая тенденция

избегать прямых наименований, что особенно проявляется в немецкоязычных средствах массовой информации. В этом контексте особую актуальность приобретает исследование эвфемистических наименований, в частности, лексико-грамматических средств смягчения высказывания, служащих для завуалирования изначальной мысли автора. Как подчеркивает К. В. Попова, эти средства позволяют модифицировать характеристики высказывания, сохраняя при этом его основное значение [Попова, 2014].

В результате проведенного исследования современных немецкоязычных новостей были выявлены наиболее распространенные лексико-грамматические средства эвфемизации: использование иностранных слов, перефразирование, развернутое сравнение, адъективные словосочетания, мейозис, аффиксация, употребление сослагательного наклонения, прономинализация.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ

Широко распространенным приемом в современных новостях является **использование иностранных слов**. Наиболее распространены англицизмы, использование которых мотивировано языковой модой. Более того, англицизмы воспринимаются позитивнее, так как реципиенты могут знать их значения из популярной культуры, а не из специальных текстов.

Seltene Erden für Waffen – wem würde **der Deal** nutzen?

Deswegen fordern die beiden Unionsparteien die Abschaffung der bisher geltenden EU-Pflicht, im Rahmen des „**Green Deal**“ vier Prozent der Agrarflächen still zu legen – eine Bedingung für Landwirtinnen und Landwirte, um EU-Direktzahlungen zu erhalten².

Stargate sei ein „**Fake**“ und OpenAI-Chef Sam Altman ein „**Swindler**“, also ein Betrüger³.

В примерах выше слова *сделка, соглашение (die Vereinbarung, das Geschäft)* заменены англицизмом, так как иностранное слово содержит позитивную коннотацию и, как правило, используется в значении успешной сделки. Далее понятие «подделка» в тексте новости передается английским выражением *Fake*, которое замещает *die Fälschung*. Англицизм *Swindler* используется в значении *мошенник*, но рядом дается немецкий эквивалент

²URL: https://www.tagesschau.de/europawahl/parteien_und_programme/landwirtschaft-142.html (дата обращения: 10.02.2025).

³URL: <https://www.tagesschau.de/wirtschaft/technologie/musk-stargate-ki-fake-trump-100.html> (дата обращения: 10.02.2025).

¹URL: <http://rus-yaz.niv.ru> (дата обращения: 10.02.2025).

ein Betrüger, так как широкой публике данное иностранное слово может быть незнакомо.

Und die **Horror**-Halbzeit ging weiter: Minge verwandelte einen Handelfmeter (28.)¹.

Англицизм *Horror* чаще используется в контексте страшных фильмов, но в данном случае заменяет прилагательное *schrecklich*, снижая степень ужаса.

В ходе анализа мы отмечали частое применение **перифразирования**, так как непрягая номинация часто заведомо содержит смягчение.

Der Staatsanwaltschaft zufolge wurde der Verdächtige als mutmaßlicher terroristischer Gefährder geführt. Retailleau zufolge hatte der Mann „**ein schizophrenes Profil**“. Seine Tat habe „**eine psychiatrische Dimension**“².

Для корректного выражения табуированной темы, связанной с психическим здоровьем, используются приведенные выше выражения. Диагноз в тексте новости не упоминается, он обозначен как шизофренический профиль.

Wenn wir in Europa beschließen, dass wir erheblich mehr machen, dann sollten wir auch die Frage beantworten: **Wer bezahlt die Zeche?**³

В данном контексте *Wer bezahlt die Zeche?* относится к странам, которые вносят наибольший денежный вклад (*отдуваются за других*). Кроме того, в данном контексте затушевывается информация о сумме выплат.

Следующим средством эвфимизации служит **развернутое сравнение**. Этот способ, основанный на ассоциативных связях, служит в контексте, приведенном ниже для смягчения разочарования в том, что партия не набрала нужного количества голосов:

Wer am Sonntag kurz vor Mitternacht ins Konrad-Adenauer-Haus kommt, könnte sich wundern: War da nicht was? Wahlsieg? Die Gänge sind halb leer, ein paar versprengte Grüppchen stehen noch herum. Der harte Kern an **Feierwütigen** ist auf der **Tanzfläche**, aber auch der wirkt ein wenig müde. Von der Parteispitze ist kaum noch jemand da. Selbst Schleswig-Holsteins Ministerpräsident Daniel Günther, der sonst keine **Party** auslöst, ist auf dem Sprung Richtung Ausgang.

¹URL: <https://www.tagesschau.de/inland/regional/hessen/hr-eintracht-frauen-kassieren-klatsche-in-wolfsburg-102.html> (дата обращения: 10.02.2025).

²URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/frankreich-messerangriff-100.html> (дата обращения: 10.02.2025).

³URL: <https://www.tagesschau.de/newsticker/liveblog-bundestagswahl-tvduell-100.html> (дата обращения: 10.02.2025).

Стоит отметить, что данное сравнение с вечеринкой, которое создано с помощью таких слов, как *die Feierwütigen*, *die Tanzfläche*, *die Party*, указывает на несостоявшееся грандиозное празднование, однако не выражает прямого разочарования в связи с поражением партии на выборах.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ

Распространенным средством эвфемизации в СМИ являются адъективные словосочетания, наречия в данных словосочетаниях служат для смягчения или усиления значения прилагательного:

Die **noch junge französische** Regierung von Premier Bayrou hat einen Misstrauensantrag der Linken überstanden – Sozialisten und Rechtsextreme stimmten dagegen.

Es ist nicht das erste Misstrauensvotum in Bayrous **noch relativer kurzer** Amtszeit: Die Linke hatte auch gegen die kurz vor Weihnachten formierte neue Regierung einen Misstrauensantrag gestellt.

В приведенных словосочетаниях наречие *noch* интенсифицирует положительную степень прилагательных *jung*, *kurz*, используемых с целью смягчить указание на неопытность и непрофессионализм правительства, этой же цели служит наречие *relativ*, оставляющее «надежду» на более профессиональные действия правительства Ф. Байру.

В качестве следующего приема эвфемизации на основе атрибутивных словосочетаний можно отметить использование наречия с прилагательным в сравнительной степени:

Auf energische Fragen von Journalisten, ob der Einsatz von US-Soldaten im Gazastreifen tatsächlich eine Option für den Präsidenten sei, antwortete Sprecherin Leavitt am Folgetag **merklich ausweichender**⁴.

Словосочетание *merklich ausweichender* затушевывает отсутствие четкого ответа пресс-секретаря президента на данный вопрос журналистов в сравнении с прочими.

В новостных текстах также встречаются прилагательные в сравнительной степени, при этом употребление наречий не является необходимым для смягчения исходного смысла высказывания:

Nach dem mutmaßlichen Terrorangriff eines abgelehnten Asylbewerbers im Elsass will der französische Innenminister **härtere** Maßnahmen auf den Weg bringen⁵.

⁴URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/amerika/trump-sprecherin-gazastreifen-100.html> (дата обращения: 10.02.2025).

⁵URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/frankreich-messerangriff-100.html> (дата обращения: 10.02.2025).

В данном случае прилагательное *härtere* значит, что действующие антитеррористические меры являются суровыми, однако всё-таки не достаточными.

С помощью отрицания и превосходной степени имени прилагательного формируется преуменьшение того, что в действительности является крупным, так называемый **мейозис**:

„Das Informationsmanagement ist **nicht das Beste**“, Peter Kleffmann, NDR, über die Aktivisten-Blockade am Airport Hamburg¹.

Allerdings ging es bei diesem Vierergipfel **nicht um die beste** Taktik für den Einzug ins Halbfinale, sondern um die weitere Strategie in der Euro- und Schuldenkrise².

В примерах, приведенных выше, отрицание перед прилагательным в превосходной степени служит для преуменьшения позитивного значения прилагательного. Данные словосочетания замещают негативные описания явлений. В первом новостном тексте фраза *управление информацией не самое лучшее* употребляется вместо *управление информацией плохое*. Во второй новости используется выражение *нелучшая тактика* вместо *плохая*.

В анализируемых источниках отмечено также использование **аффиксации** в качестве одного из средств эвфемизации. Аффиксация представлена, в частности, словообразовательными моделями с уменьшительными суффиксами *-chen* или *-lein*:

Die Gänge sind halb leer, ein paar versprengte Grüpp**chen** stehen noch herum³.

Как представляется, использование уменьшительной формы существительного *Grüppchen* придает высказыванию некий оттенок неопределенности без точного численного указания на многочисленность присутствовавших.

К грамматическим средствам смягчения категоричности высказывания можно отнести далее **использование форм сослагательного наклонения**. Свойственное им значение нереализуемого или нереализованного действия дает говорящему возможность смягчить критические замечания и даже упрек:

Es **hätte** mehr *sein können*, ja eigentlich sogar *müssen*. Deutlich über dreißig Prozent **sollten** es eigentlich

werden, das war das klare Ziel. Am Ende sind es nun 28,52 geworden⁴.

В приведенном фрагменте текста последовательное использование модальных глаголов *können* и *müssen* (мочь и долженствовать) в плюсквамперфекте позволяет сформулировать критическое замечание сначала в более мягкой, отстраненной форме *Es hätte mehr sein können*, а затем как бы в более категоричной *ja eigentlich sogar müssen*, однако и втором случае использование модальных слов *ja eigentlich* снижает критическое звучание высказывания.

Употребление глагола *sollen* в претерите конъюнктива, выражающее в данном контексте предположение, позволяет говорящему «мягко» указать на неблагоприятные последствия упущенной возможности улучшить ситуацию.

Использование конъюнктива косвенной речи также может выступать в качестве непрямого указания на несогласие и критическое отношение к намерениям и высказываниям оппонентов:

„Und das **wäre** schlimm“, sagt Scholz. Merz will die Wirkungen überprüfen. Er vermute, sie bremse den Neubau eher, als dass sie ihn befördere⁵.

„Die Präsenz amerikanischer Unternehmen **wäre** eine Art Schutz, der die Entscheidung der US-Regierung über die Sicherheit bestimmter ukrainischer Regionen **beeinflussen würde**“, so Tschalenko⁶.

Дистанцирование от приведенных высказываний без прямой критики передается не только формами наклонения, но и использованием глагола *wollen* (*намереваться*), лексемы *vermuten* (*предполагать*).

В новостных текстах, особенно связанных с трагическими событиями, используется **прономинализация** для замены названия объекта местоимением:

„**Das**, was nicht passieren darf, ist jetzt auch in Schweden passiert. ...Wir haben brutale tödliche Gewalt gegen unschuldige Menschen gesehen. Das ist die schlimmste **Schießerei** in der schwedischen Geschichte“⁷.

Местоимение *Das* заменяет *die Schießerei* (*стрельба*) в новостях о стрельбе в школе. Данное средство находится в начале высказывания, что

¹URL: <https://www.tagesschau.de/multimedia/video/video-1220496.html> (дата обращения: 10.02.2025).

²URL: <https://www.tagesschau.de/multimedia/sendung/tagesthemensendungsbeitrag-ts-21182.html> (дата обращения: 10.02.2025).

³URL: <https://www.tagesschau.de/inland/bundestagswahl/cdu-csu-merz-bundestagswahl-100.html> (дата обращения: 10.02.2025).

⁴URL: <https://www.tagesschau.de/inland/bundestagswahl/cdu-csu-merz-bundestagswahl-100.html> (дата обращения: 10.02.2025).

⁵URL: <https://www.tagesschau.de/newsticker/liveblog-bundestagswahl-tvduell-100.html> (дата обращения: 10.02.2025).

⁶URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/ukraine-trump-seltenerden-100.html> (дата обращения: 10.02.2025).

⁷URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/schweden-schuesse-schule-100.html> (дата обращения: 10.02.2025).

позволяет сделать комментарий премьер-министра Швеции Ульфа Кристенссона менее экспрессивным.

Таким образом, в текстах новостей эвфемизмы применяются для завуалирования высказываний, особенно в контексте политической корректности. Эти средства смягчения позволяют изменить ряд характеристик высказывания, сохраняя при этом его основное значение, что помогает авторам тонко и косвенно передавать смысл, избегая прямых и резких выражений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного контекстуально-го анализа немецкоязычных новостных текстов нами были выявлены основные лексические и грамматические средства эвфемизации, широко используемые для смягчения высказываний и завуалирования их первоначального смысла. Лексические средства эвфемизации рассматривались

и в предыдущих исследованиях. Однако наряду с ними были выделены менее изученные грамматические явления, включая словообразовательные и морфологические приемы. К числу грамматических средств эвфемизации относятся: адъективные словосочетания, аффиксация, использование степеней сравнения прилагательных, сослагательное наклонение, прономинализация. Эти средства направлены на создание более нейтрального и политически корректного языка, особенно в контексте обсуждения табуированных тем или негативных событий.

Будущие исследования могут быть направлены на изучение других грамматических явлений из области морфологии и синтаксиса, таких как роль модальных глаголов в выражении эвфемистических значений, использование частиц для усиления или ослабления высказываний, а также влияние синтаксической структуры предложений на восприятие текста. Это позволит глубже понять механизмы формирования эвфемистического дискурса и его влияние на аудиторию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Добросклонская Т. Г., Чжан Х. Медиалингвистика в России и за рубежом: достижения и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 9–19.
2. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2023. № 16 (6). С. 911–920. EDN HZMXIN.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Слово, 2000.
4. Кузнецова Н. В. Феномен политкорректности в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2017.
5. Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache. Frankfurt / Main: Peter Lang, 1985.
6. Sibul V. V., Kuksova A. V. Communication during coronavirus: functioning of euphemisms in media coverage // Вопросы прикладной лингвистики. 2021. № 41. С. 47–65. DOI 10.25076/vpl.41.03.
7. Порохницкая Л. В., Бирюкова И. А. Эвфемия в синхронии и диахронии. М.: Спутник+, 2022.
8. Mironina A. Y., Porchesku G. V. Euphemism as a linguistic strategy of evasion in political media discourse // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2023. Т. 9. № 2. С. 4–18. DOI 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1.
9. Guseynova I. A., Gorozhanov A. I. Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2024. Vol. 23. # 4. P. 84–95. DOI 10.15688/jvolsu.2024.4.7. EDN XMNCZX.
10. Добросклонская Т. Медиалингвистика: теория, методы, направления: монография. М.: КДУ, Добросвет, 2020.
11. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004.
12. Бусыгина М. В., Желтухина М. Р. Медиажанр «пресс-релиз»: учебное пособие. Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2016.
13. Салахунов А. А. Как выразительные средства языка влияют на восприятие новостей в СМИ // Вестник науки. 2024. Т. 4. № 9 (78)/ С. 281–285.
14. Ольшанский И. Г., Гусева А. Е. Лексикология: Современный немецкий язык: учебник для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений. М.: Академия, 2005.
15. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М.: Добросвет-2000, 2003.
16. Гришаева Л. И. Эвфемизация как причина и следствие вариативности соотношения в коммуникации объективируемых и со-активируемых сведений о мире // Вестник МГПУ. 2023. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.05

17. Попова К. В. Перевод эвфемизмов в СМИ // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей IV Международной научной конференции молодых ученых, посвященной 80-летию юбилею кафедры иностранных языков (7 февраля 2014 года). Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 218–221.

REFERENCES

1. Dobrosklonskaya, T. G., Zhang, H. (2015). Media linguistics in Russia and abroad: achievements and prospects. Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 1, 9–19. (In Russ.)
2. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 16(6), 911–920. EDN HZMXIN. (In Russ.)
3. Ter-Minasova, S. G. (2000). Jazyk i mezhkul'turnaja komunikacija = Language and intercultural communication: textbook. Moscow: Slovo. (In Russ.)
4. Kuznetsova, N. V. (2017). Fenomen politkorrektnosti v sovremennom politicheskom diskurse = Phenomenon of political correctness in modern political discourse: abstract of PhD thesis in Philology. Buryat State University. (In Russ.)
5. Luchtenberg, S. (1985). Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache. Frankfurt am Main: Peter Lang.
6. Sibul, V. V., Kuksova, A. V. (2021). Communication during coronavirus: functioning of euphemisms in media coverage. Issues of applied linguistics, 41, 47–65. DOI 10.25076/vpl.41.03.
7. Porokhnitskaya, L. V., Biryukova, I. A. (2022). Evfemiya v sinkhronii i diakhronii = Euphemism in synchrony and diachrony. Moscow: Sputnik+. (In Russ.)
8. Mironina, A. Y., Porchesku, G. V. (2023). Euphemism as a linguistic strategy of evasion in political media discourse. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 9(2), 4–18. DOI 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1.
9. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 23(4), 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7. EDN XMNCZX.
10. Dobrosklonskaya, T. G. (2020). Medialinguistics: Theory, Methods, Directions: Monograph. Moscow: KDU, Dobrosvet. (In Russ.)
11. Olyanich, A. V. (2004). Prezentacionnaja teorija diskursa = Presentational theory of discourse. Volgograd: Paradigm. (In Russ.)
12. Busygina, M. V., Zheltuhina, M. R. (2016). Mediazhanr "press-reliz" = The media genre 'press release': a textbook. Volgograd: PrinTerra-Dizajn. (In Russ.)
13. Salakhunov, A. A. (2024). How expressive means of language influence the perception of news in the media. Science Bulletin, 4–9(78), 281–285. (In Russ.)
14. Ol'shanskij, I. G., Guseva, A. E. (2005). Leksikologija: Sovremennyy nemeckij jazyk = Lexicology: Modern German: textbook. Moscow: Academy, 2005.
15. Budagov, R. A. (2003). Introduction to the Science of Language. Moscow: Dobrosvet-2000. (In Russ.)
16. Grishaeva, L. I. (2023). Euphemization as a cause and consequence of the variability of the ratio in the communication of objectified and co-activated information about the world. Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie, 4(52), 47–72. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.05. (In Russ.)
17. Popova, K. V. (2014). Translation of euphemisms in the media. In Actual issues of philological science of the 21st century (pp. 218–221): collection of articles. IV Int. scientific conf. of young scientists, dedicated to the 80th anniversary of the Department of Foreign Languages (2014, February 7). Ekaterinburg: UrFU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуджеджиани Тамара Анзоровна

преподаватель

кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gujejiani Tamara Anzorovna

Lecturer

Department of Grammar and History of the German Language

Faculty for the German Language

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.04.2025
08.05.2025
16.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Исследование идентификационной значимости формантных характеристик акцентных гласных русской речи носителей карачаево-балкарского языка

И. А. Гуртуева

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия
gurtueva-i@yandex.ru

Аннотация. В настоящей работе анализируются акустические измерения и нормализованные представления гласных, реализуемые в интерферирующей русской речи носителей карачаево-балкарского языка. Первичный вероятностно-статистический анализ проведен на материалах формантных измерений большого набора токенов гласных, записанных в форме фонационного чтения предварительно подготовленного списка слов. Затем были рассмотрены данные, преобразованные методом Лобанова для снижения вариативности, связанной с индивидуальными характеристиками информантов. Результаты показали систематическое отклонение акустических паттернов аллофонов гласных в пространстве F1–F2, а также их представлений в пространстве произносительных признаков. Настоящее исследование направлено на обнаружение признаков, обладающих достаточной идентификационной значимостью для последующего использования в автоматических системах распознавания ненативной речи, идентификации акцентов, лингвистической экспертизы или голосовой биометрии.

Ключевые слова: контрастивный анализ, идентификация акцентов, фонетическая интерференция, речевые технологии, акустический анализ

Для цитирования: Гуртуева И. А. Исследование идентификационной значимости формантных характеристик акцентных гласных русской речи носителей карачаево-балкарского языка // Вестник Московского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 41–49.

Original article

Identification Significance of Accentual Vowels' Formant Characteristics for Russian Speech of L2 Karachay-Balkar Speakers

Irina A. Gurtueva

Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS, Nalchik, Russia
gurtueva-i@yandex.ru

Abstract. The present paper analyzes acoustic measurements and normalized representations of vowels realized in the interfered Russian speech of native Karachay-Balkar speakers. The primary probabilistic-statistical analysis was performed on the materials of formant measurements of a large set of vowel tokens recorded in the form of phonation reading of a pre-prepared list of words. Then, the data transformed by Lobanov's method to reduce the variability associated with the individual characteristics of the informants were considered. The results showed a systematic deviation of the acoustic patterns of vowel allophones in the F1–F2 space, as well as their representations in the space of pronunciation features. The present study is aimed at detecting features that have

sufficient identification significance for subsequent use in automatic systems of non-native speech recognition, accent identification, linguistic expertise, or voice biometrics.

Keywords: contrastive analysis, accent identification, phonetic interference, speech technologies, acoustic analysis

For citation: Gurtueva, I. A. (2025). Identification significance of accentual vowels' formant characteristics for Russian speech of L2 Karachay-Balkar speakers. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(900), 41–49. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе исследуется возможность выявления идентификационно значимых признаков интерферирующей русской речи носителей карачаево-балкарского языка с использованием количественной оценки искажений произносительных стандартов русской речи.

Цель исследования – разработка метода идентификации акцентов на основе вероятностно-статистического анализа акустических признаков нестандартной русской речи.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки универсальных речевых систем, учитывающих количественную оценку фактических произносительных ошибок как фактор повышения валидности и верифицируемости результатов автоматизированного анализа акцентных характеристик речи.

Материалом исследования послужили фонограммы акцентной русской речи носителей карачаево-балкарского языка (4610 аудиофайлов), записанные в Институте информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН. Звуковой материал фиксировался с помощью встроенного микрофона Realtek High-Definition Audio. Характеристики качества записи в итоговых аудиофайлах – два канала, 16 bit, 44 100 Hz. Анализ звучащей речи проводился с помощью программного обеспечения Praat version 6.3.08 (Praat, 2023) (параметры настройки: метод Бурга, временное окно 25 мс, частотный диапазон 5 500 Гц, число формант 5).

Для реализации поставленной цели решаются следующие задачи:

- проведение вероятностно-статистического анализа исходных формантных характеристик интерферирующей русской речи;
- элиминирование индивидуальной информации в речевых сообщениях дикторов при сохранении фонетической и регионально маркированной информации с применением

авторского программного обеспечения для нормировки спектральных измерений;

- оценивание идентификационной значимости формантных характеристик акцентных русских гласных и их нормированных представлений.

Выбор методов исследования определен особенностями изучаемого материала. В работе использован комплекс различных методов: методы экспериментальной лингвистики (аудиозапись, акустический анализ, формантный анализ), вероятностно-статистические методы количественной обработки данных, полученных в ходе фонетического исследования, а также метод сравнительно-сопоставительного анализа фонетических особенностей акцентов с произносительной нормой.

Научная новизна работы состоит в следующем:

- выявлении классифицирующих акустических признаков акцентной русской речи носителей пары языков «карачаево-балкарский – русский» на материале звучащей речи и в сопоставлении с произносительной нормой современного русского языка;
- получении акустических моделей интерферируемых гласных русского языка, готовых к применению при решении задачи распознавания ненативной речи;
- оценке идентификационной значимости нормализованных представлений интерферируемых русских гласных в речи носителей карачаево-балкарского языка.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ КОНТРАСТИВНОГО АНАЛИЗА

Гипотеза контрастивного анализа как теория овладения вторым языком, исследующая сходства и различия между исходной и целевой лингвистическими компетенциями для предсказания сложностей в обучении языку, была создана на стыке 1950–1960-х годов на основе синтеза знаний

структурной лингвистики и поведенческой психологии. Отправной точкой нового тренда в области освоения второго языка стала монография Р. Ладо, который выявил три ключевых принципа овладения вторым языком [Lado, 1957]. Во-первых, учащиеся переносят формы и значения родного языка на формы и значения изучаемого языка продуктивно и перцептивно. Во-вторых, элементы, сходные в языках, осваиваются легко, а контрастирующие – с трудом. В-третьих, перенос происходит не только на уровне соответствующих лингвистических единиц, но и коммуникативных стратегий, обусловленных культурными различиями.

Важно отметить, что результаты контрастивного анализа были направлены на решение прикладных задач и в первую очередь – задачи обучения. Цель контрастивной лингвистики – не обнаружить типологические связи, а, скорее, дать некоторый объем знаний для педагогов и разработчиков учебной литературы, который поможет спланировать курс и разработать методические приемы.

В 1960–1970-е годы данные концептуальные положения пользовались значительным влиянием в области обучения иностранным языкам. Развитию контрастивного анализа способствовал рост интереса к изучению иностранных языков в послевоенный период, возникший в связи с глобализацией, экономическими и политическими изменениями. Однако с 1970-х годов постулаты контрастивного анализа подвергаются резкой критике. Приведем основные аргументы против этой гипотезы. Прежде всего, скептическое мнение сформировалось вокруг недостаточности объяснительной силы. Как показали многочисленные эмпирические исследования, не все ошибки учащихся можно объяснить только интерференцией родного языка. Искажения могут возникать вследствие универсальных трудностей изучения языка или индивидуальных когнитивных особенностей студентов. Кроме того, гипотеза Ладо игнорирует психолингвистические факторы, исключая из рассмотрения влияние двунаправленности межъязыковой интерференции, а также значимость стратегий обучения и мотивации. Наконец прогнозы гипотезы контрастивного анализа крайне ограничены. Предположение о том, что различия между языками обязательно вызывают трудности, оказалось неверным.

Критически рассматривались не только теоретические основы, но и возможность практического применения открытий и рекомендаций контрастивного анализа. Так, в одной из работ высказывается мнение о том, что требования теории контрастивной лингвистики не могли быть удовлетворены в пределах тогдашнего состояния

лингвистического знания [Wardhaugh, 1970]. Лингвисты не могут оперировать полными лингвистическими описаниями двух контрастирующих языков для создания набора контрастов вследствие неадекватности и неполноты знаний, необходимых для подобного анализа. Практику проведения контрастивных исследований автор определил как псевдопроцедуру.

Отметим также важность исторического контекста, в котором развивалась анализируемая теория. Первая волна критики последовала, когда с распространением идей Н. Хомского потеряли популярность бихевиоризм, теория формирования привычек и теория «стимул – ответ». Мнение научного сообщества склонялось к отказу от разработки данного подхода, хотя были предприняты две попытки оптимизировать контрастивный анализ.

Было предложено заместить концепцию Р. Ладослабой версией контрастивной теории, отказаться от прогнозирования трудностей в обучении и сопоставлять языковые системы лишь для того, чтобы объяснить актуально наблюдаемые интерференционные явления [Wardhaugh, 1970]. Слабая версия – скорее, исследовательская, а не прогностическая, – требует использования значительного лингвистического знания для учета трудностей обучения. Данный подход, снижающий ожидаемый потенциал контрастивного анализа, разделяли многие специалисты, предлагая рассматривать его как «априорную» ориентацию.

Второй альтернативный подход был предложен в другой работе [Oller, Ziahosseiny, 1970]. Авторы предложили перейти от концепции интерференции к принципу обобщения стимулов. По их мнению, основу обучения составляет категоризация абстрактных и конкретных паттернов согласно воспринимаемым сходствам и различиям; следовательно, везде, где паттерны минимально контрастируют, возможно возникновение затруднений. Везде, где паттерны функционально или перцептивно эквивалентны в системе или системах, возможно корректное обобщение.

Однако с конца 1980-х годов интерес к данной теории начал возрастать [Major, 2008]. Сегодня гипотеза контрастивного анализа рассматривается как ограниченный, но полезный инструмент. Современные исследователи подчеркивают, что для понимания трудностей изучения языков необходим комплексный подход, включающий: междисциплинарные исследования (например, использование данных нейролингвистики и психоллингвистики для изучения языкового восприятия и обработки информации), динамическую модель билингвизма (дополнение теории сведениями о формировании лингвистических компетенций

в сознании человека, с учетом взаимовлияния языков), корпусные исследования и анализ больших данных (выявление не только предсказуемых, но и фактических затруднений с использованием современных корпусных технологий).

Таким образом, несмотря на определенную ограниченность контрастивного подхода, в сочетании с анализом статистически значимых объемов экспериментального материала он является ценным средством объяснения речевых ошибок. В связи с этим теоретическое сопоставление фонемного инвентаря карачаево-балкарского и русского языков лежит в основе проведения дальнейших экспериментальных исследований и дополнено акустическими измерениями наблюдаемых производительных ошибок акцентной русской речи билингвов – представителей упомянутой пары языков [Гуртуева, 2024а; Гуртуева, Каменский, 2024].

АНАЛИЗ АКУСТИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ АКЦЕНТНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

При проведении первичного анализа «сырых» измерений средние значения двух первых формант токенов ударных гласных акцентной речи носителей карачаево-балкарского языка сопоставлялись с соответствующими спектральными характеристиками орфоэпической русской речи. Рассматривались аллофоны шести ударных гласных [а], [о], [у], [э], [и], [ы] в фонетических контекстах, образованных непалатализованными и палатализованными смычными, сонорными, фрикативными согласными, а также некоторыми гласными десяти билингвов-носителей карачаево-балкарского (L1) и русского языков (L2).

Классифицирующими акустическими параметрами, отличающими производство русского гласного [а] в речи женщин – носительниц карачаево-балкарского языка, являются завышенные значения формант F1 и F2. Смещение измеренных формантных характеристик русского гласного [а] относительно гендерно специфицированного эталона Reference2 выражено значительно [Сорокин, Цыплихин, 2004]. Отклонение указанных характеристик акцентного [а] в речи мужчин – носителей карачаево-балкарского относительно эталона Reference2 значительно выражено по F1, по F2 – незначительно. При этом также отличительной особенностью карачаево-балкарского акцентного [а] как для мужчин, так и для женщин является выраженная неустойчивость его производства, проявляющаяся в разбросе значений как первой, так и второй форманты.

При реализации гласного [э] наблюдается значительно выраженное устойчивое отклонение формантных характеристик фонемы [э] в акустическом

пространстве F1–F2 вправо информантами обоего пола. Причем произнесение аллофонов фонемы [э] является довольно устойчивым. Идентифицирующими признаками карачаево-балкарского акцента также можно назвать систематическое отклонение аллофонов фонемы [и] вверх по второй форманте в акустическом пространстве F1–F2 от эталона Reference2, значительный разброс значений по первой форманте аллофонов фонемы [и] и устойчивость значений второй форманты тех же аллофонов. Дискриминативным признаком карачаево-балкарского акцента является неустойчивость произнесения, проявляющаяся в большом разбросе значений по обеим формантам аллофонов фонемы [о]. Отклонение формантных характеристик фонемы [о] по F1 вправо устойчиво и достаточно выражено. Отклонение по F2 относительно эталона Reference2 вниз выражено, однако может использоваться лишь в качестве вспомогательного признака из-за неустойчивости произнесения аллофонов фонемы [о]. Идентифицирующими признаками карачаево-балкарского акцента при произнесении аллофонов [у] являются большой разброс формантных значений по второй форманте, а также систематическое отклонение вверх по второй форманте в акустическом пространстве F1–F2 от гендерно дифференцированного эталона Reference2. Вспомогательным признаком является отклонение аллофонов фонемы [у] вправо-вверх в акустическом пространстве F1–F2 от гендерно дифференцированного эталона Reference2. Этот признак может не проявляться при недостаточном количестве наблюдений.

На рисунке 1 представлены результаты формантных измерений по экспериментальной выборке для аллофонов [а]. На рисунке 2 показано распределение формантных значений гласного [а]. Подробные измерения представлены в работе [Гуртуева, 2024]. В таблице 1 приведены индивидуальные средние формантных значений акцентных гласных L2 спикеров (носителей карачаево-балкарского), общие усредненные по всем дикторам, а также эталонные форманты русских гласных.

Наблюдаемое распределение формантных значений аллофонов [А] в акустическом пространстве F1–F2 для женских голосов характеризуется следующими признаками:

1. Индивидуальные средние значения формант F1 и F2 практически для всех дикторов находятся в пределах одного стандартного отклонения от общего среднего. Лишь для диктора bf4 отклонение превышает значение одного стандартного отклонения по F1. Вместе с тем разброс индивидуальных измерений довольно велик – коэффициент вариации для F1 составляет 19,1 %, для F2 – 12,5 %.

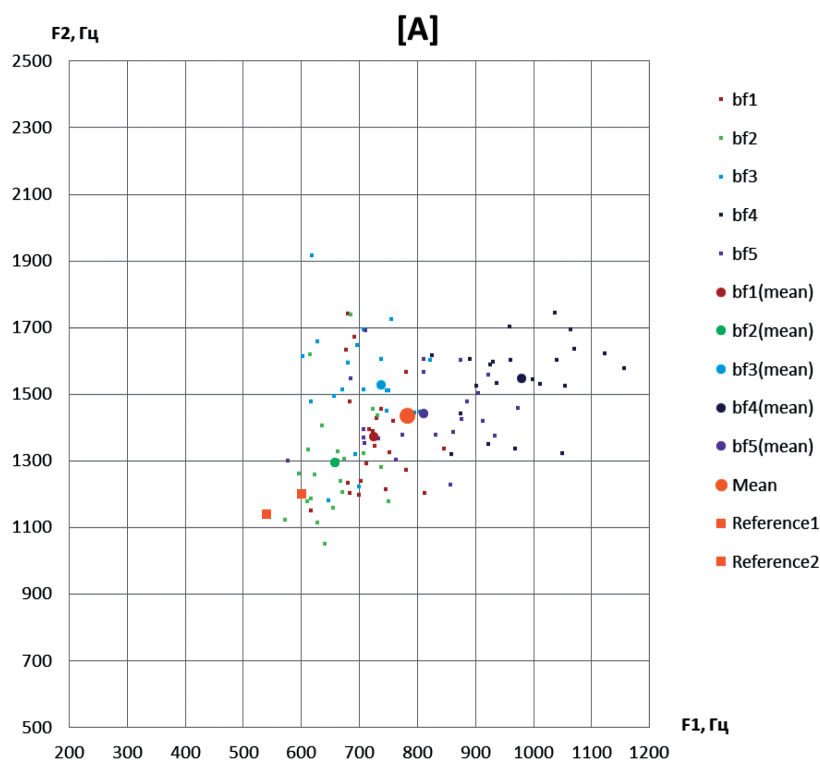

Рис. 1. Формантные значения аллофонов гласного [A] в речи женщин, владеющих карачаево-балкарским (L1) и русским (L2) языками

для F2 – 12,1 %. Это свидетельствует о неустойчивости произнесения данной фонемы. Подобная же ситуация наблюдается и для дикторов-мужчин, как показано ранее.

2. Наибольшее расстояние между индивидуальными средними дикторов составляет 320 Гц по F1 и 250 Гц по F2. Отметим, что неустойчивость произнесения более выражена для F1.

3. Эталонное значение Reference2 находится на расстоянии более одного стандартного отклонения от средних значений и по F1, и по F2. Заметим, что сами по себе значения стандартных отклонений относительно велики.

4. Все индивидуальные средние дикторов находятся выше Reference2 по обоим формантам. Таким образом, смещение в пространстве F1–F2 может быть классифицирующим признаком для карачаево-балкарского акцента.

Цель настоящего исследования – выявление признаков, обладающих достаточной идентификационной значимостью для последующего использования в автоматических системах обнаружения акцентов, лингвистической экспертизы или голосовой биометрии. Как показал статистический анализ первичных данных, на основе спектральных характеристик можно уверенно

идентифицировать акцентную речь, но необходимо избавиться от микросоциолингвистических параметров в ней.

АНАЛИЗ НОРМАЛИЗОВАННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ГЛАСНЫХ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННОЙ РЕЧИ

Для нормировки исходных измерений акцентной речи был использован метод, предложенный Лобановым, так как по результатам оценки 11 подобных процедур данный подход был признан наиболее эффективным для минимизации индивидуальной вариативности речевого сообщения при сохранении фонематической и социолингвистической информации [Lobanov, 1971; Adank, Smits, van Hout, 2004]. Для построения нормированных значений эталонной речи были использованы данные, опубликованные в работе [Черепанова, 2019]. Нормализованные представления исследуемых акцентных и эталонных гласных представлены в общем пространстве на рисунке 3.

В таблице 2 приведены количественные оценки отклонений нормализованных представлений

Таблица 1

КАНОНИЧЕСКИЕ, ГЕНДЕРНО СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЭТАЛОННЫЕ¹ И ИЗМЕРЕННЫЕ ФОРМАНТНЫЕ
ЗНАЧЕНИЯ НОРМАТИВНОГО И НЕНОРМАТИВНОГО ГЛАСНОГО [А] РУССКОЙ РЕЧИ
ЖЕНЩИН-БИЛИНГВОВ

Число наблюдений	[А]	
	F1, Гц	F2, Гц
	139	139
Индивидуальные измерения, Гц		
bf1 медиана	720,24	1340,94
bf1 среднее	724,00	1372,84
bf1 SD	51,33	165,69
bf2 медиана	658,12	1271,58
bf2 среднее	657,60	1295,01
bf2 SD	49,02	162,86
bf3 медиана	702,67	1513,37
bf3 среднее	737,65	1527,53
bf3 SD	171,55	163,11
bf4 медиана	964,37	1583,33
bf4 среднее	979,52	1546,85
bf4 SD	87,64	122,48
bf5 медиана	821,30	1408,03
bf5 среднее	809,76	1441,04
bf5 SD	100,97	116,22
Общие измерения, Гц		
Медиана	736,81	1438,93
Общее среднее	781,71	1436,66
SD	149,37	173,23
Max наблюдение	1453,70	1916,11
Min наблюдение	571,75	1050,18
Reference1	600	1200
Reference2	540	1140

¹Reference1 [Козлачков, Дворянкин, Бонч-Бруевич, 2016], Reference2 [Сорокин, Цыплихин, 2004].

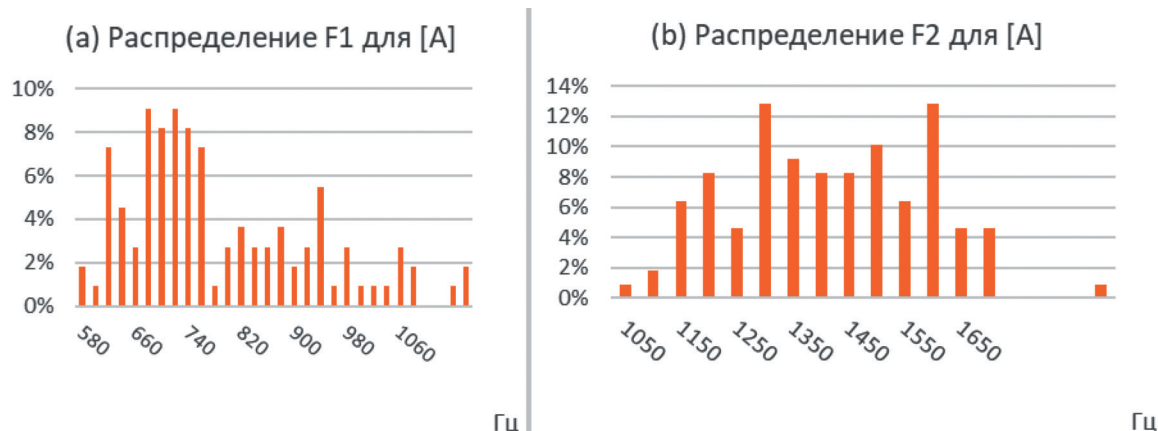

Рис. 2. Плотность распределения значений (а) первой, (б) второй форманты для акцентного [А] речи дикторов-женщин (L1 – карачаево-балкарский, L2 – русский язык)

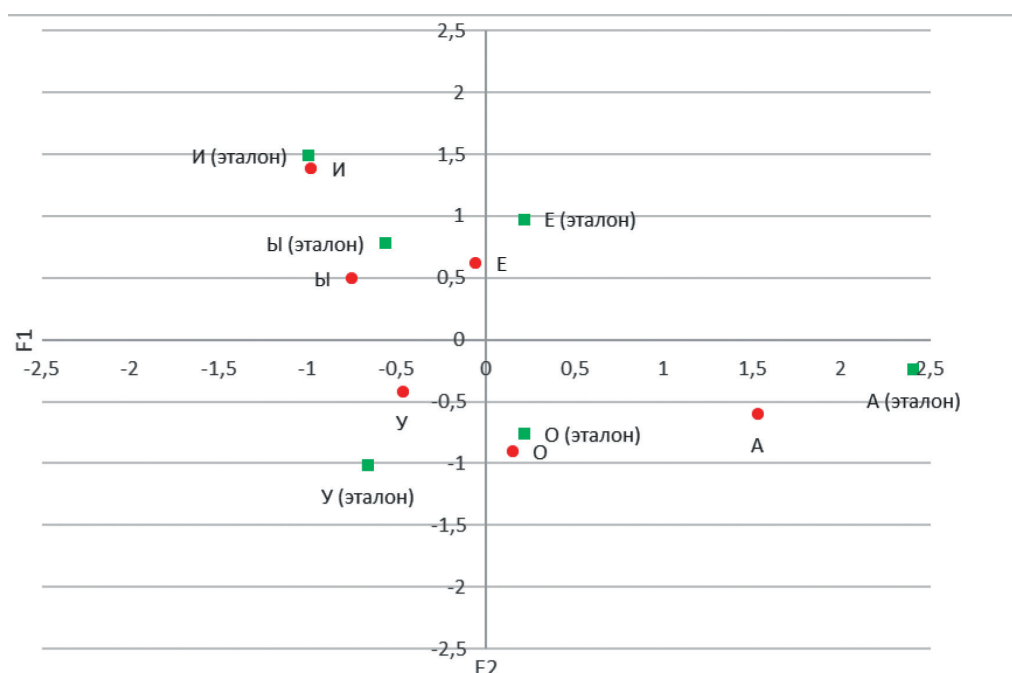

Рис. 3. Усредненные позиции нормализованных гласных акцентной и эталонной речи в пространстве произносительных признаков F1–F2 (карачаево-балкарский акцент)

Таблица 2

ПОКАЗАТЕЛИ РАЗБРОСА ЗНАЧЕНИЙ НОРМАЛИЗОВАННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДЛЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ АКЦЕНТНОЙ РЕЧИ

Фонема	StD _{F1}	StD _{F2}
а	0,195554	0,259153
э	0,187146	0,23364
и	0,178312	0,306358
о	0,238818	0,43556
у	0,193803	0,580393
ы	0,217405	0,202829
Общее среднее по гласным	0,20184	0,336322

интерферируемых русских гласных от соответствующих представлений эталонных. Как показывают вычисления, акцентные гласные можно разделить на три группы: значительно отклоняющиеся, умеренно отклоняющиеся от эталонов и совпадающие с нормативным произношением. В первую группу входит гласная [а], которая находится на расстоянии более трех стандартных отклонений по F1 и более одного стандартного отклонения по F2 (вероятность идентификации более 99,9 %). Во вторую группу – гласные [у] и [э]. Гласные [у] и [э] находятся на расстоянии от одного до двух стандартных отклонений по обоим формантам (вероятность обнаружения более 90 %). Позиции интерферируемых и эталонных гласных [и], [ы] и [о] не превышают одного стандартного отклонения.

Таким образом, акцентные гласные русской речи носителей карачаево-балкарского языка можно надежно идентифицировать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вероятностно-статистический анализ исходных формантных измерений гласных интерферируемой русской речи носителей карачаево-балкарского языка продемонстрировал возможность надежного обнаружения соответствующего акцента. При использовании результатов данного исследования в практике разработки речевых систем для ненативных пользователей необходимо перейти от спектральных данных к нормализованным параметрам, содержащим

информацию о фонетической идентичности и региональной принадлежности дикторов. В связи с этим был проведен анализ эмпирических данных, преобразованных методом Б. М. Лобанова.

Нормализованные представления также характеризуются устойчивым систематическим отклонением достаточной идентификационной значимости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lado R. *Linguistics across Cultures*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957.
2. Wardhaugh R. The Contrastive Analysis Hypothesis // *TESOL Quarterly*. 1970. Vol. 4 (2). PP. 120–130.
3. Oller J. W., Ziahosseiny S. M. The Contrastive Analysis Hypothesis and Spelling Errors // *Language Learning*. 1970. № 20 (2). PP. 183–189. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-1770.1970.tb00475.x>
4. Major R. C. Transfer in second language phonology: A review // *Phonology and Second Language Acquisition* / J.G.H. Edwards, M.L. Zampini (eds.). Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2008. Chapter 3. P. 63–94.
5. Гуртуева И. А. Формантный анализ акцентной русской речи носителей карачаево-балкарского языка (на материале гласных фонем) // *Человек – язык – компьютер. Формальное в неформальном: сборник науч. ст. II науч.-практ. (заочной) конференции с международным участием, Москва, 7 ноября 2024 года*. М.: МГЛУ, 2025. С. 152–158.
6. Гуртуева И. А. Корпусное исследование акцентной русской речи // *Человек – язык – компьютер. Исследователи будущего: материалы науч.-практ. (заочной) конф. с международным участием, Москва, 25 декабря 2023 года*. М.: МГЛУ, 2024а. С. 56–62.
7. Сорокин В. Н., Цыплихин А. И. Сегментация и распознавание гласных // *Информационные процессы*. 2004. Т. 4. № 2. С. 202–220.
8. Козлачков С. Б., Дворянkin С. В., Бонч-Бруевич А. Н. Ограничения формантной теории разборчивости речи в приложениях защиты речевой информации // *Вопросы кибербезопасности*. 2016. № 5 (18). С. 28–35.
9. Гуртуева И. А. Экспериментальное исследование фонетического оформления русской речи носителями карачаево-балкарского языка // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024б. Т. 17. Вып. 9. С. 3098–3105. DOI 10.30853/phil20240439.
10. Гуртуева И. А., Каменский М. В. Интерферирующая русская речь носителей кабардино-черкесского языка: экспериментальное исследование // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2024. Т. 23. № 4. С. 119–141. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.10.
11. Lobanov B. M. Classification of Russian vowels spoken by different speakers // *JASA*. 1971. № 49 (2). P. 606–608.
12. Adank P., Smits R., van Hout R. A comparison of vowel normalization methods for language variation research // *JASA*. 2004. № 116 (5). P. 3099–3107.
13. Черепанова О. Д. Лингвистическое обеспечение фонетических тренажеров при обучении немецкому языку (на материале вокализма русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.

REFERENCES

1. Lado, R. (1957). *Linguistics across Cultures*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
2. Wardhaugh, R. (1970). The Contrastive Analysis Hypothesis. In *TESOL Quarterly*, 4(2), 120–130.
3. Oller, J. W., Ziahosseiny, S. M. (1970). The Contrastive Analysis Hypothesis and Spelling Errors. *Language Learning*, 20(2), 183–189. DOI 10.1111/j.1467-1770.1970.tb00475.x.
4. Major, R. C. (2008). Transfer in second language phonology: A review. In Edwards, J. G. H., Zampini, M. L. (Eds.), *Phonology and Second Language Acquisition* (ch. 3, pp. 63–94). Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing.
5. Gurtueva, I. A. (2025). Formant Analysis of Accented Russian Speech of Karachay-Balkar Speakers (based on vowel phonemes). *Proceedings of II Scientific and Practical Conference* (pp. 152–158). Moscow: MSLU. (In Russ.)
6. Gurtueva, I. A. (2024a). Corpus Study of the Accented Russian Speech. *Proceedings of I Scientific and Practical Conference* (pp. 56–62). Moscow: MSLU. (In Russ.)
7. Sorokin, V. N., Tsyplikhin, A. I. (2004). Vowel Segmentation and Recognition. *Information Processes*, 4(2), 202–220. (In Russ.)
8. Kozlachkov, S. B., Dvoryankin, S. V., Bonch-Bruevich, A. M. (2016). Limitations for Formant Theory of Speech Intelligibility in Speech Information Security Applications. *Voprosy Kiberbezopasnosti*, 5(18), 28–35. (In Russ.)
9. Gurtueva, I. A. (2024b). An Experimental Study of the Phonetic Realization of Russian Speech by Native Speakers of Karachay-Balkar. *Philology. Theory & Practice*, 17(9), 3098–3105. DOI 10.30853/phil20240439. (In Russ.)

10. Gurtueva, I. A., Kamensky, M. V. (2024). Interfered Russian Speech of Native Speakers of the Kabardian-Circassian Language: An Experimental Study. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 23(4), 119–141. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.10. (In Russ.)
11. Lobanov, B. M. (1971). Classification of Russian vowels spoken by different speakers. In JASA, 49(2), 606–608.
12. Adank, P., Smits, R., van Hout, R. (2004). A comparison of vowel normalization methods for language variation research. JASA, 116(5), 3099–3107.
13. Cherepanova, O. D. (2019). Lingvisticheskoe obespechenie foneticheskikh trenazherov pri obuchenii nemetskому языку (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) = Linguistic support of phonetic trainers in teaching German (based on vocalism of Russian and German languages) specialty: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуртуева Ирина Асланбековна

старший преподаватель

Научно-образовательного центра

Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gurtueva Irina Aslanbekovna

Senior Lecturer

Scientific and Educational Center

Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

06.04.2025
12.05.2025
15.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Метафорическое воплощение профессионального риска и ответственности в романах Артура Хейли

Т. М. Грушевская¹, А. М. Данилец²

^{1,2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

^{1,2}kff-kubsu@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является анализ метафорических моделей профессионального риска и ответственности в производственных романах Артура Хейли «Отель», «Колеса», «Аэропорт», «Окончательный диагноз», «Менялы», где концепты «риск» и «ответственность» играют ключевую роль в раскрытии характеров героев, динамике сюжета и передаче моральных дилемм. В работе были использованы компонентный анализ, контекстуальный анализ, описательный метод, дискурсивный анализ, а также метод систематизации и классификации. Доказано, что концепты «риск» и «ответственность» как структурный элемент повествования проявляются не только в сюжетных коллизиях, но и в языковых средствах, создавая многослойную художественную реальность. Дополнительно изучается специфика перевода профессиональных метафор, связанных с лидерством, принятием решений и управлением кризисными ситуациями.

Ключевые слова: метафора, риск, ответственность, перевод, Артур Хейли

Для цитирования: Грушевская Т. М., Данилец А. М. Метафорическое воплощение профессионального риска и ответственности в романах Артура Хейли // Вестник Московского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 50–57.

Original article

The Metaphorical Embodiment of Professional Risk and Responsibility in the Novels by Arthur Haley

Tatiana M. Grushevskaya¹, Alina M. Danilets²

^{1,2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

^{1,2}kff-kubsu@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to analyze metaphorical models of occupational risk and responsibility in Arthur Haley's production novels "Hotel", "Wheels", "Airport", "Final Diagnosis", "Money Changers", where the concepts of "Risk" and "Responsibility" play a key role in revealing the characters' characters, plot dynamics and the transmission of moral dilemmas. The work used component analysis, contextual analysis, descriptive method, discursive analysis, as well as the method of systematization and classification. It is proved that the concepts of "risk" and "responsibility" as a structural element of the narrative are manifested not only in plot collisions, but also in linguistic means, creating a multi-layered artistic reality. Additionally, the specifics of translating professional metaphors related to leadership, decision-making, and crisis management are being studied.

Keywords: metaphor, risk, responsibility, translation, Arthur Haley

For citation: Grushevskaya, T. M., Danilets A. M. (2025). The metaphorical embodiment of professional risk and responsibility in the novels by Arthur Haley. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 50–57. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к метафоре, особенно к индивидуально-авторской, всегда будет привлекать внимание лингвистов, позволяя рассматривать любую метафорическую конструкцию в литературном произведении как определенный семиотический код, который материализует образ, созданный автором посредством языковых знаков. Сказанное обуславливает и подтверждает актуальность настоящего исследования, позволяя наглядно продемонстрировать феномен метафоризации как универсальное когнитивно-коммуникативное явление, что подчеркивает новизну исследования. Материалом послужили текстовые пространства пяти наиболее популярных производственных романов Артура Хейли: «ОТЕЛЬ», «КОЛЕСА», «АЭРОПОРТ», «ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ», «МЕНЯЛЫ», каждый из которых содержит значительный языковой объем.

Задачами исследования являются:

- анализ формирования метафорических моделей риска и ответственности;
- презентация особенностей перевода метафор риска и ответственности;
- анализ взаимодействия концептов «риск» и «ответственность» на разных уровнях повествования.

Результаты исследования в дальнейшем могут быть использованы при изучении закономерностей метафорического моделирования в рамках других художественных произведений, при разработке алгоритмов описания персонажей произведения, в понимании языковой концептуализации художественного мира автора. В работе были использованы методы, позволяющие проследить формирование концептов «риск» и «ответственность» в производственных романах А. Хейли, а именно: компонентный анализ, контекстуальный анализ, описательный метод, дискурсивный анализ, а также метод систематизации и классификации.

В последние десятилетия категории «риск» и «опасность» всё чаще рассматриваются как социально и культурно детерминированные явления, выходящие за рамки технических и экономических интерпретаций. На смену традиционному пониманию риска, сводимому прежде всего к вероятности наступления неблагоприятных событий, приходит представление об обществе риска, где неопределенность и потенциальные угрозы формируют повседневную реальность человека. В своих исследованиях У. Бек подчеркивает, что рост взаимозависимости на глобальном уровне порождает новые формы взаимного влияния: техногенные, экономические и социальные кризисы воспринимаются острее и приобретают всеобщий

характер [Бек, 2000]. Но в то же время Н. Луман вводит идею, что риск как дискурсивная конструкция появляется исторически именно тогда, когда общество начинает осознанно оперировать идеей «ответственности субъекта» за возможные последствия своих решений [Луман, 1994].

Эта эволюция представлений о риске находит отражение и в художественной литературе. Герои (будь то пилоты, медики, банкиры или инженеры) не просто сталкиваются со случайностями, но и осознают, что их решения могут иметь масштабные последствия для окружающих. Подобная многоплановость проявляется особенно ярко в жанре производственного романа, где социальная деятельность и индивидуальные моральные выборы переплетены. Если в техническом смысле риск – это вероятностная оценка ущерба, то в литературном поле он превращается в один из эмоциональных и этических «двигателей» сюжета.

Тесно связанная с риском категория «ответственность» отсылает к более широким вопросам этики и лидерства. Во многих современных социологических и психологических теориях ответственность рассматривается как способность индивида осмысленно и добровольно нести последствия своих поступков и решений. В профессиональной среде – будь то управление аэропортом, работа в больнице или банке – ответственность приобретает дополнительную масштабность. Так, герой художественного произведения может выступать не только «исполнителем должностных инструкций», но и моральным «опорным пунктом» для своего коллектива. В ряде случаев ответственность не ограничивается формальными рамками, а становится решающим фактором в ключевых поворотных точках повествования. Романист Хейли изображает ситуации, где моральный и профессиональный долг сталкиваются с внешними обстоятельствами, требующими немедленного реагирования. В таких условиях ответственность героя становится не только внутренним выбором, но и фактором, определяющим динамику сюжета и развитие его персонажа.

В профессиональных романах важен и эмоциональный аспект ответственности: герой оказывается в конфликтах между личными интересами, интересами команды и общественным благом. Именно из столкновения разных «полюсов» ответственности возникает драматическое напряжение. Будучи тесно переплетенной с риском, ответственность задает фокус на человеческом факторе: от качеств лидера (его умения предвидеть последствия, преодолевать кризисы и адаптироваться) зависит судьба коллективов или даже системы в целом. Так, например, в романах Артура Хейли

прослеживается мотив «неизбежного выбора»: врачи вынуждены быстро реагировать на критические состояния пациентов, авиадиспетчеры – предотвращать аварийные ситуации, а топ-менеджеры – спасти компанию от краха. Во всех случаях ответственность перед читателем предстает как нечто большее, чем простой долг – это осознанная готовность принять решение в ситуациях повышенного риска.

В романах Артура Хейли метафора играет роль когнитивного инструмента, упрощающего восприятие сложных профессиональных процессов. За счет метафорического языка автор не только упрощает технические детали для массового читателя, но и формирует многослойную эмоционально-смысловую сферу, где риск и ответственность предстают как центральные концепты. К примеру, авиационные и медицинские термины в сочетании с эмоционально окрашенными образами («штурвал» судьбы, «перегрузка» решений, «диагноз» как метафора не только тела, но и ситуации) создают особую напряженную атмосферу. Взаимосвязь профессионального риска и ответственности получает развитие в каждом из произведений Хейли через устойчивые метафорические структуры, придающие повествованию ритм и эмоциональную насыщенность. Эти метафоры выполняют не только стилистическую, но и концептуальную функцию, позволяя читателю глубже погружаться в реальность профессионального мира персонажей.

Более того, перевод этих метафорических конструкций на другие языки (например, на русский) ставит перед переводчиками задачу сохранить не только семантическое ядро, но и эмоциональную яркость [Baimyradova, 2024]. В результате выбор переводческой стратегии (калькирование, реметафоризация или опущение метафоры) может серьезно влиять на восприятие центральных концептов в тексте. Это становится особо актуально, когда речь идет о передаче образов, связанных с ответственностью и риском, поскольку они часто выстраивают моральную ось повествования [Яковенко, Шайхалиева, 2021]. Эти метафоры не только формируют художественный стиль произведений [Ван, 2024], но и служат важным инструментом передачи смысловой глубины, позволяя читателю воспринимать профессиональные и этические дилеммы через многослойную систему образов.

Подобная метафорическая репрезентация позволяет проследить, как техническая или медицинская терминология трансформируется в образы, имеющие универсальные экзистенциальные смыслы, каким образом моральный и социальный аспект ответственности переплетается с напряженностью профессиональных рисков [Черткова, 2024], и почему

перевод этих метафор требует особого внимания к смысловым и стилистическим нюансам [Грушко, Динкелакер, Козлова, 2023]. Взаимодействие между этими концептами образует структуру художественного мира Хейли, определяя тональность повествования и создавая многослойные смысловые связи между различными уровнями текста.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РИСКА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В художественной литературе профессиональный риск редко представлен в чисто техническом или вероятностном смысле. Он воспринимается как структурный элемент повествования, который не только формирует драматическое напряжение, но и раскрывает личностные качества персонажей, их этические установки, способность принимать решения в условиях неопределенности. В романах Артура Хейли риск предстает не просто как профессиональная необходимость, но и как концепт, пронизывающий всю систему художественных образов. Через метафорические модели автор передает взаимодействие человека с окружающей средой, системой и обстоятельствами, выходящими за пределы его контроля. Это делает его произведения многослойными, где драматургия профессиональных ситуаций сочетается с экзистенциальным размышлением о природе выбора, ответственности и границах человеческой компетентности [Никитина, Павлова, 2015].

Особенно ярко это проявляется в его описаниях кризисных ситуаций, будь то технические аварии, управленческие конфликты или медицинские кризисы. В таких сценах метафора служит одновременно средством повествования и способом структурирования реальности: риск становится не только элементом профессиональной деятельности, но и символом существования в мире, где человек постоянно вынужден сталкиваться с угрозами, как физическими, так и моральными [Блэк, 1990]. Например, в романе «Аэропорт» (Airport) персонажи действуют в условиях многослойной системы контроля, где каждая ошибка может привести к катастрофическим последствиям. Использование метафор «балансирования на грани», «управления штормом», «непредсказуемой турбулентности» создает образ рискованной деятельности, где любые решения сопряжены с потенциальной опасностью. Это усиливает напряжение и делает профессиональную среду не просто фоном, а частью динамичного конфликта, структурирующего развитие сюжета.

Параллельно с этим в профессиональном дискурсе Хейли метафора риска тесно связана с понятием ответственности. Врач, пилот или управляющий гостиницей не просто выполняют свою

работу, но и несут моральное и социальное бремя за жизни других людей. Их профессиональная роль предполагает необходимость не просто реагировать на происходящее, а активно вмешиваться, изменяя ход событий. В романе «Окончательный диагноз» (The Final Diagnosis) врачи сталкиваются с решениями, требующими оценки вероятностей, но на практике принимаемыми в условиях ограниченного времени и информации. Здесь метафорическая система строится вокруг образов «диагноза» как не только медицинского, но и экзистенциального акта. Ошибки врача приравниваются к «смертельным приговорам», а точный диагноз становится «спасательным кругом». Подобные конструкции позволяют Хейли не только усиливать напряжение, но и подчеркивать глубину морального выбора героев [Горшкова, Метласова, 2020]. Это делает его повествования не только захватывающими, но и поднимающими важные этические вопросы, приближая их к философским трактовкам концепта ответственности.

Метафоры лидерства и контроля над ситуацией также играют важную роль в системе образов риска. Персонажи Хейли часто уподобляются капитанам, штурманам, навигаторам, управляющим сложными системами, балансирующими между стабильностью и хаосом. В романе «Менялы» (The Moneychangers) банковская сфера представлена через метафоры потока, движения капитала, текучести ресурсов, что подчеркивает неопределенность финансовых процессов. Банковский кризис становится «разливом», требующим экстренного «удержания дамбы», финансовые сделки приобретают оттенок «канатов, натянутых до предела». Метафорический язык Хейли создает многослойную картину, в которой риск и ответственность неразрывно связаны с управлением, контролем, лидерством. Именно эта структура позволяет читателю лучше понять, насколько напряженным и критически значимым может быть каждое принятое решение, а также как восприятие профессионального долга меняется под давлением обстоятельств.

Примечательно, что в разных профессиональных сферах А. Хейли использует специфическую терминологию, адаптируя ее к художественным задачам. В медицине преобладают метафоры диагностики, в авиации – управления полетом, в банковском деле – текучести ресурсов. Однако при всей профессиональной дифференциации сквозной концептуальной линией остается баланс между риском и ответственностью [Лисова, 2014]. Эта повторяющаяся модель делает произведения Хейли узнаваемыми, а его героев – представителями профессионалов, принимающих решения в критических условиях. Сравнительный

анализ различных романов позволяет выделить закономерности в построении его художественной реальности: повторяющиеся образы профессиональной деятельности, напряженность между личным и общественным, а также неизбежность столкновения с последствиями собственных решений. В этом контексте особое внимание привлекает переходная природа риска: он постоянно меняет форму, становясь то угрозой, то испытанием, требующим выхода за пределы привычного опыта.

Метафорическая система писателя строится на устойчивых образах риска, неопределенности, баланса, давления, контроля. Эти концепты взаимодействуют на разных уровнях повествования, создавая многослойную структуру [Polischuk, 2024], где риск проявляется не только как элемент профессии, но и как часть внутреннего конфликта персонажей. Наиболее выразительно это заметно в моменты кризиса, когда герои сталкиваются с необходимостью мгновенно принимать решения, изменяющие судьбы. Инструментом передачи подобных смыслов становится профессиональная терминология, трансформированная в художественные образы, которая выступает не просто стилистическим средством, а способом формирования повествовательной динамики, подчеркивающим значимость профессиональной компетентности и морального выбора в целом. Включение профессиональной лексики в художественное полотно позволяет создать достоверный образ мира, где правила и принципы профессионализма определяют судьбы не только главных героев, но и окружающих их людей.

Взаимосвязь риска и ответственности проявляется в каждом из произведений Хейли через постоянное напоминание о цене ошибки, тяжести решений и их последствиях для всех участников системы. В его романах центральные персонажи олицетворяют принцип принятия решений под давлением обстоятельств. Они выступают не просто профессионалами в своей сфере, но и символами глобальной этической дилеммы, где человеческий фактор становится решающим в предельно механизированных и организованных структурах. Повествование передает это состояние через особый ритм: чередование спокойных и кризисных моментов, резкие смены перспективы, интенсивность внутреннего монолога персонажей. Все эти элементы делают произведения Хейли напряженными, а концепт риска в них – универсальным символом выбора и его последствий, раскрывающимся на стыке профессиональной этики и экзистенциального конфликта.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОР РИСКА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Перевод метафор профессионального риска и ответственности в романах А. Хейли представляет собой сложную задачу, требующую не только сохранения смысловой структуры оригинала, но и учета культурных различий в восприятии концептов риска и лидерства. В англоязычном тексте метафоры часто несут в себе не только описательный, но и когнитивный заряд, формируя представления о том, как профессионал взаимодействует со своей средой. Перевод подобных метафор на русский язык требует тонкого баланса между точностью передачи образа и адаптацией к языковым особенностям целевой аудитории. Важно учитывать, что русскоязычные читатели могут интерпретировать некоторые образы иначе, чем англоязычные, что в отдельных случаях требует не только лексической, но и концептуальной адаптации [Маругина, 2008].

Особенно сложны случаи, когда метафора построена на терминах конкретной профессиональной сферы. Например, в романе «Аэропорт» часто встречаются авиационные метафоры, передающие концепцию управления ситуацией: «держат штурвал», «избежать турбулентности», «идти на экстренную посадку». Эти выражения могут быть переданы буквально, но в ряде случаев требуют поиска аналогов, более естественных для русской речи. Например, *navigating through turbulence* можно перевести как «справляться с кризисной ситуацией», сохранив общий смысл, но изменив метафорическую основу. Однако слишком свободная интерпретация может привести к потере стилистического единства текста. В то же время калькирование выражений может привести к их непрозрачности для русскоязычного читателя, что создает дополнительный вызов для переводчика.

В романе «Окончательный диагноз» встречаются медицинские метафоры, связанные с процессом диагностики и лечения, которые также играют роль в раскрытии темы профессиональной ответственности. Например, выражение *a failing system in critical condition* можно перевести как «разрушенная система в предсмертном состоянии», что усиливает драматизм ситуации. Однако такой перевод уже содержит дополнительную эмоциональную окраску, которую в оригинале передает контекст. Альтернативный вариант – «система на грани коллапса» – сохраняет образность, но делает ее менее персонализированной. Это иллюстрирует проблему выбора между сохранением буквального образа и необходимостью адаптации к русскоязычному контексту восприятия. Некоторые медицинские метафоры могут не иметь точных аналогов в русском

языке, что вынуждает переводчиков прибегать к описательному переводу, жертвуя лаконичностью оригинального выражения.

Другой важный аспект перевода – это передача метафорических структур, отражающих концепцию лидерства и контроля над ситуацией. В романе «Менялы» финансовые кризисы описаны через образы стихийных бедствий: *the flood of financial instability* передает ощущение неконтролируемого движения капитала, в то время как в русском языке более естественным будет перевод *волна финансовой нестабильности*. Здесь сохранена динамика оригинала, но форма образа адаптирована под привычные для русской аудитории модели восприятия экономических процессов. Еще один пример: выражение *steering the company through troubled waters*, которое в дословном переводе может потерять естественность. Более органичным вариантом будет «выводить компанию из кризиса», хотя в этом случае теряется часть морской метафоры, присутствующей в оригинале.

Также стоит учитывать различия в восприятии профессионального лидерства в англоязычной и русскоязычной культурах. В английском языке лидер часто представлен как самостоятельный агент, принимающий решения и несущий ответственность за последствия, тогда как в русском языке чаще акцентируется коллективное взаимодействие и распределенная ответственность. Это влияет на перевод фраз, где лидерство представлено как индивидуальное мастерство управления кризисными ситуациями. Например, *taking the helm in a storm* – *взять управление в свои руки*, но в некоторых контекстах логичнее использовать выражения, подчеркивающие командную работу, например, *возглавить команду в сложные времена*.

Перевод профессиональных метафор в текстах Хейли требует комплексного подхода, сочетающего семантическую точность и культурную адаптацию. Основная сложность заключается в том, что многие термины несут в себе не только предметное значение, но и символическое, передавая концепции риска, ответственности, лидерства. Сохранение этих концептов при переводе позволяет не просто донести содержание оригинального текста, но и передать его стилистическую, эмоциональную и концептуальную глубину [Адамчук, 2021]. Дополнительно переводчику приходится учитывать логический, институциональный, экономический и социальные факторы [Гусейнова, Горожанов, 2023], определяющие жанровую специфику произведений Хейли, в которых профессиональная терминология не является лишь фоновым элементом, а служит важным средством раскрытия характера героев и развития сюжета.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование метафорического воплощения профессионального риска и ответственности в романах Артура Хейли позволяет увидеть, как авторская метафорическая система отражает сложные взаимодействия между человеком и его профессиональной средой. В произведениях Хейли риск выступает не просто как угроза или вероятность неблагоприятного исхода, но как структурный элемент повествования, влияющий на характеры героев, динамику их решений и развитие сюжета. Ответственность, в свою очередь, формирует моральную ось произведений, показывая, как профессиональная деятельность переплетается с этическими и социальными дилеммами.

Метафорическая система писателя, основанная на образах управления, кризиса, контроля и баланса, делает произведения Хейли особенно выразительными. Авиацонные, медицинские и финансовые метафоры не только создают эффект достоверности, но и передают экзистенциальные смыслы, связанные с человеческим выбором в условиях давления обстоятельств. Перевод этих метафорических конструкций на русский язык представляет собой отдельную задачу, требующую не только сохранения семантического ядра, но

и адаптации к культурному контексту [Виноградова, Позднякова, 2023].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование позволило показать, что концепт трактуется автором как базовый элемент коммуникации, ключевой фактор, позволяющий шифровать, дешифровать и интерпретировать высказывание, а различия в восприятии риска, лидерства и ответственности в англоязычной и русскоязычной традиции заставляют переводчиков искать баланс между точностью и естественностью передачи образов.

Анализ метафорических моделей риска и ответственности в романах Артура Хейли подтверждает, что его художественная система не только отражает профессиональную специфику разных сфер, но и предлагает читателю глубокий философский взгляд на природу выбора, кризисных решений и этических дилемм. Перевод этих произведений требует внимательного подхода, способного сохранить не только смысл, но и стилистическое своеобразие автора, позволяя русскоязычным читателям воспринимать произведения Хейли в их концептуальной и художественной целостности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Луман Н. Понятие риска // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 5. С. 135–160.
3. Baimyradova V. The use of metonymy and metaphor in literature // Слово о слове: исследование молодых ученых-филологов: Материалы IV Международной научно-практической конференции, г. Астрахань, 4 апреля 2024 г. Астрахань: Астраханский государственный университет им В. Н. Татищева, 2024. С. 269–271.
4. Яковенко Т. И., Шайхалиева А. М. Способы перевода метафор в зарубежной теории перевода // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 4. С. 200–208.
5. Ван С. Метафоры в русском языке: роль образного мышления в коммуникации // Новая наука: История становления, современное состояние, перспективы развития: сб. статей Международной научно-практической конференции, г. Калуга, 25 декабря 2024 г. Уфа: Аэтерна, 2024. С. 203–206.
6. Черткова О. М. Когнитивная метафора как средство выражения авторского стиля // Прикладная лингвистика: наследие и современность: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 22–23 марта 2024 г. Минск: БГУ, 2024. С. 139–142.
7. Грушко Н. В., Динкелакер Л. А., Козлова Д. Е. Метафора как средство поиска ресурсов и путей разрешения ограничений в коммуникации // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2023. № 1. С. 27–34. DOI 10.24147/2410-6364.2023.1.27-34.
8. Никитина Т. Г., Павлова А. Н. Жанровая специфика профессионального романа в произведениях Артура Хейли // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 5 (48). С. 42–47.
9. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.

10. Горшкова Е. О., Метласова Т. М. Художественно-стилистические особенности производственного романа Артура Хейли // Иностранные языки: проблемы преподавания и риски коммуникации / Научные исследования преподавателей и студентов факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени Н. Г. Чернышевского ; под. ред. Г. А. Никитиной: сб. трудов конференции. Саратов, 4–5 июня 2020. Саратов: Саратовский источник, 2020. Вып. 13. С. 55–61.
11. Лисова М. И. Речевые характеристики персонажей как средства создания образов в романах Артура Хейли // Евразийский союз ученых. 2014. № 7–7. С. 50–53.
12. Polischuk V. O. The concept of "metaphor" in Russian and English contexts // Наука молодых – Наука будущего: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции, г. Петрозаводск, 03 декабря 2024 г. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая наука», 2024. С. 156–161.
13. Маругина Н. И. Когнитивный аспект перевода метафоры (на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на английский язык) // Язык и культура. 2008. № 4. С. 42–52.
14. Адамчук А. А. Концепт и художественный концепт как лингвокогнитивные категории // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: материалы IV Международной научно-практической конференции. Симферополь: ИП Корниенко Андрей Анатольевич, 2021. С. 13–19.
15. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Новые подходы к переводческой теории и практике (из опыта создания учебного пособия «основы практики письменного перевода с немецкого языка на русский язык») // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2023. Т. 16. № 2. С. 7–24. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-7-24.
16. Виноградова С. А., Позднякова А. Р. Когнитивно-семантические аспекты признаковой метафоры и метонимии // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2023. № 2 (77). С. 13–19.

REFERENCES

1. Beck, U. (2000). Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu = Risk society. On the way to another modernity. Transl. from German V. Sedel'nika, N. Fedorovoj. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)
2. Luhmann, N. (1994). The concept of risk. THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems, 5, 135–160. (In Russ.)
3. Baimyradova, B. (2024). The use of metaphy and metaphor in literature. In Slovo o slove: issledovanie molodyh uchenyh-filologov (pp. 269–271): Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Astrakhan, 2024, April 4. Astrakhan: Tatishchev Astrakhan State University.
4. Yakovenko, T. I., Shaikhaliyeva, A. M. (2021). Metaphor translation approaches in foreign translation studies. Humanities and Social Sciences, 4, 200–208. Doi: 10.18522/2070-1403-2021-87-4-200-208 (In Russ.)
5. Van, S. (2024). Metaphors in the Russian language: the role of imaginative thinking in communication. Proceedings of the International scientific and practical conference: New science: history of formation, current state, development prospects. Ufa, 203–206 (In Russ.)
6. Chertkova, O. M. (2024). Cognitive metaphor as a means of expressing the author's style. In Prikladnaya lingvistika: nasledie i sovremennost' (pp. 139–142): Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the 85th anniversary of the Faculty of Philology of the Belarusian State University, Minsk, 2024, March 22–23. Minsk: Belarusian State University. (In Russ.)
7. Grushko, N. V., Dinkelaker, L. A., Kozlova, D. E. (2023). Metaphor as a means of finding resources and ways to resolve restrictions in communication. Bulletin of Omsk University. The series "Psychology", 1, 27–34. DOI: 10.24147/2410-6364.2023.1.27-34. (In Russ.)
8. Nikitina, T. G., Pavlova, A. N. (2015). Genre specifics of the professional novel in the works of Arthur Haley. The world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies, 5(48), 42–47. (In Russ.)
9. Black, M. (1990). Metaphor. In Theory of metaphor (pp. 153–172). Moscow: Progress. (In Russ.)
10. Gorshkova, E. O., Metlasova, T. M. (2020). Artistic and stylistic features of the production novel by Arthur Haley = Scientific research of teachers and students of the Faculty of Foreign Languages and Linguodidactics of N. G. Chernyshevsky SSU, 13, 55–61. (In Russ.)
11. Lisova, M. I. (2014). Rechevye kharakteristiki personazhey kak sredstva sozdaniya obrazov v romanakh Artura Kheili = Speech characteristics of characters as a means of creating images in the novels of Arthur Haley. The Eurasian Union of Scientists, 7(7), 50–53. (In Russ.)
12. Polischuk, V. O. (2024). The concept of "metaphor" in Russian and English contexts. In The science of the young is the science of the future (pp. 156–161): collection of articles of the XIV International Scientific and Practical

Conference. Petrozavodsk, 2024, December 3. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science".

13. Marugina, N. I. (2008). The cognitive aspect of metaphor translation (on the basis of the story by m. Bulgakov «The Heart of a Dog» and its translations into English). Language and Culture, 4, 42–52. (In Russ.)
14. Adamchuk, A. A. (2021). Kontsept i khudozhestvennyy kontsept kak lingvokognitivnye kategorii = Concept and artistic concept as linguistic and cognitive categories. In Formirovanie professional'noj kompetentnosti filologa v polikul'turnoj obrazovatel'noj srede (pp. 13–19): Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. Simferopol: Individual Entrepreneur Kornienko Andrej Anatol'evich. (In Russ.)
15. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). New approaches to translation theory and practice (from the experience of creating an exercise book "Foundations of written translation practice from German into Russian language"). Moscow University Bulletin on Translation Studies, 2, 7–24. DOI 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-7-24. (In Russ.)
16. Vinogradova, S. A., Pozdnyakova, A. R. (2023). Cognitive-semantic aspects of sign metaphor and metonymy. TvSU Bulletin. The series «Philology», 2(77), 13–19. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Грушевская Татьяна Михайловна

доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой французской филологии
Кубанского государственного университета

Данилец Алина Михайловна

соискатель кафедры французской филологии
Кубанского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grushevskaya Tatiana Mikhailovna

Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of French Philology
Kuban State University

Danilets Alina Mikhailovna

PhD student of the Department of French Philology
Kuban State University

Статья поступила в редакцию	12.04.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.05.2025	approved after reviewing
принята к публикации	15.05.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42:[811.111:811.161.1]

Лингвопрагматические особенности знаков авторского присутствия в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе

Р. И. Кибкало

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
rostkib@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются коммуникативно-прагматические особенности знаков авторского присутствия в англо- и русскоязычных текстах научно-популярного дискурса астрономии на материале книжных изданий «Космос» К. Сагана и «Разведка далеких планет» В. Г. Сурдина. Цель исследования – установить особенности функционирования эксплицитных и имплицитных форм присутствия автора, определить в сопоставительном аспекте специфику прагматического фокусирования авторской интенции. Для выявления способов актуализации авторской позиции использовались методы целенаправленной выборки и приемы лингвопрагматического, когнитивно-семиотического, контекстуального и сравнительно-сопоставительного анализа, позволившие установить лингвокультурные и индивидуальные различия при реализации коммуникативных интенций авторов. Результатом работы стало обоснование разного удельного веса эксплицитных форм авторизации в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе астрономии, а также тенденции к расширению многообразия имплицитных знаков авторизации.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, авторизация, знаки авторского присутствия, авторская интенция, элитарная языковая личность, субъективизация повествования

Для цитирования: Кибкало Р. И. Лингвопрагматические особенности знаков авторского присутствия в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 58–65.

Original article

Linguopragmatic Peculiarities of Authorial Presence Signs in English and Russian Popular Scientific Discourse

Rostislav I. Kibkalo

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
rostkib@gmail.com

Abstract. The article is devoted to analyzing the communicative and pragmatic features of the author's presence signs in English- and Russian-language texts of popular scientific discourse of astronomy on the material of the books "Cosmos" by K. Sagan and "Exploration of distant planets" by V.G. Surdin. The aim of the study is to identify the peculiarities of the functioning of explicit and implicit forms of the author's presence, to determine the specificity of pragmatic focusing of the author's intention in a comparative aspect. To identify the means of actualization of the author's position we used such methods as purposeful sampling, as well as methods of linguopragmatic, cognitive-semiotic, contextual and comparative analysis, which allowed us to establish linguocultural and individual differences in the implementation of authors' communicative intentions. The present study resulted in the substantiation of different specific weight of explicit forms of authorization in English- and

Russian-language popular science discourse of astronomy and demonstrated the tendency to expand the variety of implicit signs of authorization.

Keywords: popular scientific discourse, authorization, signs of authorial presence, authorial intention, elite linguistic personality, subjectivization of narration

For citation: Kibkalo, R. I. (2025). Linguopragmatic peculiarities of authorial presence signs in English and Russian popular scientific discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(900), 58–65. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрическая направленность современных исследований в области языкознания актуализирует изучение текста как результата лингвокогнитивной деятельности адресанта с целью информационного или эмотивного воздействия на потенциального адресата. Анализуются средства реализации категории автора в текстах разных жанров и типов, при этом в зависимости от текущей коммуникативно-прагматической задачи выделяются разные виды обозначения авторского «присутствия» в системе субъект-объектной интеракции в текстовом пространстве.

Антропологический сдвиг характерен не только для лингвистики, но и для мира науки в целом, где всё большее внимание уделяется читателю как участнику запланированной интеракции, что со всей очевидностью проявляется в процессе популяризации результатов исследований, целевой аудиторией которой становится массовый читатель. Научно-популярный дискурс предполагает изложение научной информации малокомпетентным в данной области читателям, что, однако, не означает неоправданного упрощения содержания, поскольку это может привести к дезориентации читателя и искажению научного знания. В связи с этим значительный интерес представляют знаки эксплицитной и имплицитной авторизации научно-популярного текста, в котором субъект коммуникации занимает ключевую позицию в осуществлении информирующей и побудительно-воздействующей функций. В научно-популярном тексте авторское начало проявляется в речевом поведении адресанта, обусловленном принципами популяризации знаний, предвидением потенциальных действий адресата.

Актуальность данного исследования обусловлена важностью изучения средств эффективной коммуникации в пространстве научно-популярного дискурса, неоднозначностью и вариативностью трактовки знаков присутствия автора, научной значимостью результатов сопоставительного анализа способов авторизации ученого-популяризатора на материале английского и русского языков. Это

позволит установить степень представленности автора в двух лингвокультурах, а также определить его информативно-воздействующую активность в коммуникативной диаде «субъект – объект».

Цель данной работы – выявление коммуникативно-прагматических особенностей знаков авторского присутствия в научно-популярном дискурсе астрономии. В качестве основных задач анализа выступают: определение языковых средств авторизации повествования; установление коммуникативно-прагматических характеристик эксплицитных и имплицитных знаков авторского присутствия; сопоставительный анализ специфики и степени присутствия автора как субъекта дискурса. Подчеркнем, что сопоставительные исследования «традиционно широко привлекаются для получения нового научного знания» [Горожанов, 2021, с. 49]. Материалом анализа послужили научно-популярные издания по астрономии: «Космос»¹ К. Сагана на английском языке, а также его перевод А. Сергеевой², и «Разведка дальних планет»³ В. Г. Сурдина на русском.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗНАКОВ АВТОРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ

Научно-популярный дискурс трактуется как когнитивное пространство речемыслительной деятельности ученого, способ организации результатов дискурсивной деятельности автора, включающей в себе определенную авторскую концепцию [Багиян, 2014], представленную с учетом фактора адресата. На сегодняшний день в области изучения особенностей и характеристик научно-популярного дискурса накоплена обширная база исследований, при этом способам авторизации повествования уделено лишь фрагментарное внимание.

¹Sagan C. *Cosmos*. New York: Random House, 1980.

²Саган К. С. *Космос: Эволюция Вселенной, жизни и цивилизации* / пер. с англ. А. Сергеева. СПб.: Амфора, 2005.

³Сурдин В. Г. *Разведка дальних планет*. 5-е изд., испр. и доп. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2022.

Категория автора в аспекте его внутритекстового бытования в разножанровых текстах рассматривалась с разных позиций. Е. А. Баженова определяет авторизацию как средство выражения авторской рефлексии в ее речевом воплощении [Баженова, 2003]. Языковая личность автора представляет собой «сложный социолингвокогнитивный феномен, обладающий определенной совокупностью знаний и представлений, образующих культурнообусловленное и индивидуально опосредованное культурное пространство» [Багиян, 2024, с. 129]. Речевое поведение ученого-популяризатора определяется сформировавшейся в процессе его профессиональной и социокультурной деятельности индивидуальной когнитивной системой, характеризующейся как глубокими знаниями в своей области, так и образным мышлением и эмотивной оценочностью. Иными словами, языковая личность рассматриваемого нами разноязычного научно-популярного дискурсивного пространства характеризуется двумя ипостасями: специалист в области астрономии, имеющий необходимые знания и компетенции для сообщения объективной информации, и популяризатор, владеющий коммуникативными и риторическими приемами, знаниями о речевых пресуппозициях читателя, позволяющими эффективно и доступно транслировать научные знания и концепции. Ученый-популяризатор является элитарной языковой личностью, профессионально владеющей культурно-речевыми компетенциями, индивидуальным опытом прагматического фокусирования.

Особый интерес для нашего исследования представляет изучение знаков авторского присутствия как маркеров субъективизации повествования и индивидуально-авторской интерпретации описываемых событий и фактов в пространстве научно-популярного дискурса. На данный момент не существует единства в терминологическом обозначении авторского начала. Значительным импульсом принято считать выделенное В. В. Виноградовым в процессе анализа художественной речи понятие «образ автора», релевантное для всех типов текстов: «не просто субъект речи ... а концентрированное воплощение сути произведения» [Виноградов, 2005, с. 139].

Т. В. Шмелева, изучая медийные тексты, обращается к понятию «авторское начало», которое представляет собой один из принципов построения текста, наряду с тематической основой и рематическим сюжетом. К основному признаку авторского начала относится понятие «выявленность» автора, эксплицирующее некоторую шкалу – от «теневое присутствие» автора в абсолютно объективированной

информации ... до откровенного Я с информацией об обстоятельствах добывания информации и ее осмыслении» [Шмелева, 2010, с. 208].

Индикаторы авторского начала выделяют исследователями на разных основаниях. Так, В. Ю. Якубова оперирует понятием «средство авторизации», обозначающим способ выражения авторской категории в двух ипостасях: автор, создающий текст и имеющий возможность оказывать влияние на читателя в процессе диалогического общения, и ученый, обладающий глубокими профессиональными знаниями по данной теме и способностью передать их адресату в объективной форме [Якубова, 2015]. Таким образом, авторизация представляет собой когнитивно-семантическое основание присутствия адресанта в текстовом пространстве. Экспликация авторского начала преследует цели, обусловленные коммуникативными установками, интенцией автора текста и в целом типом дискурсивной практики.

Ю. В. Булдакова использует термин «формы авторского присутствия» для обозначения репрезентации в тексте авторского сознания, выраженного средствами оценки событий и диалогизацией повествования, позволяющими анализировать авторское начало и закрепить позицию автора как субъекта речи и познания [Булдакова, 2016].

По мнению В. И. Габдуллина, эксплицитные и имплицитные формы авторского присутствия являются репрезентацией авторского высказывания, выраженного на разных уровнях текста в прямой или косвенной форме [Габдуллина, 2011].

А. Ю. Багиян, изучая процессы детерминализации в научно-популярном дискурсе, отмечает важность внедрения авторских приемов популяризации, способствующих повышению удельного веса авторского «я» в содержании текста [Багиян, 2014].

Таким образом, речь идет о разных формах реализации авторского начала в процессе смыслообразования и прагматической адаптации научного знания. В отношении текстов научно-популярного дискурса отдается предпочтение понятию «знаки авторского присутствия», функция которых состоит в раскрытии авторской интенции и обеспечении влияния на ход интерпретации текста, поэтому их можно рассматривать в качестве авторских коммуникативных сигналов, направляющих восприятие адресата. Под это понятие подводятся как вербальные средства реализации коммуникативных интенций автора научно-популярного текста, выступающие маркерами субъективизации повествования и индивидуально-авторской оценки описываемых фактов и событий, так и невербальные средства, обеспечивающие наглядность и эстетизацию коммуникации.

Как продукт когнитивно-речевой деятельности субъекта научно-популярные тексты включают целый ряд разноуровневых знаков присутствия автора, отражающих авторскую позицию как эксплицитно, прямо указывая на автора как инициатора коммуникации или его прямую оценочность, так и имплицитно, когда выражение авторского присутствия обеспечивается посредством образных средств, призванных стимулировать когнитивную активность адресата через эмоциональное восприятие фактов окружающей действительности и ее последующей интеллектуальной обработки [Гусейнова, Никитенкова, 2023].

Важную роль в плане обозначения авторской позиции играют эксплицитные маркеры оценочности и выражения с модально-оценочным компонентом значения, закрепляющие эффект присутствия автора как ключевой стратегии обеспечения эффективной коммуникации с привлечением данных о себе, своем опыте, взглядах и впечатлениях. Ученый-популяризатор старается применить разнообразные субъективно-модальные слова, реализуя при этом функции интерпретативного информирования и непрямого воздействия, привлекая внимание адресата с помощью трансляции выводов и оценок и передавая информацию в образном виде с помощью средств экспрессии [Серебрякова, Кибкало, 2024]. Частое использование автором слов и словосочетаний разной степени модальности позволяет избежать прямой категоричности высказываний [Гусейнова, Горожанов, 2023], передать мнение в имплицитном виде, побуждая читателя осуществить собственную интерпретацию изложенных фактов.

Научно-популярное повествование не лишено средств художественной образности, оно часто сопровождается метафорическими и метонимическими переосмыслениями, сравнениями, обеспечивающими адекватное восприятие новой информации в диалоге с адресатом и стимулирующими его интерпретативные усилия. Автор научно-популярного текста выполняет роль оценивающего информатора, сопровождающего изложение объективированного научного знания образными средствами, выражениями с модальным и оценочным компонентом значения, а также синонимичными единицами, отражающими авторскую рефлексию по поводу описываемых явлений и фактов [Серебрякова, 2022]. Степень выраженности авторского присутствия обусловлена не только когнитивным опытом, эмоционально-личностными характеристиками и коммуникативными компетенциями адресанта, но и целевой установкой речевого произведения, т. е. фактором адресата.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗНАКОВ АВТОРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ

Для подтверждения наших рассуждений обратимся к анализу текстовых функций знаков авторского присутствия в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе. Традиционным знаком эксплицитной авторской позиции считается «я позиция», выраженная личным местоимением 1-го л. ед. числа I – Я и свидетельствующая о личном вкладе ученого в процесс и результаты исследования. Уже по этому параметру авторского присутствия наблюдаются различия в разноязычных научно-популярных текстах, в частности, в их явном преобладании в англоязычном дискурсе астрономии. Высокий удельный вес прямых знаков авторизации свидетельствует о приоритетной важности своей собственной позиции по обсуждаемым проблемам и выдвигаемым гипотезам, о стремлении обозначить себя в качестве не только инициатора, но и главного антропоцентра коммуникации. Так, если в русскоязычном источнике зафиксированы 394 знака прямой авторизации, то в англоязычном – 2456, что свидетельствует о шестикратном увеличении средств самоупоминания К. Саганом.

Приведенный ниже контекст реализует коммуникативную интенцию автора, состоящую в акцентировании собственного вклада в проведение исследования. К. Саган приводит имена других коллег, совместно изучающих спектральные признаки частиц пыли в марсианском грунте, но при этом усиливает посредством заключительного компонента перечисления степень авторизации высказывания, подчеркивая собственную «я позицию»:

In analyzing these spectra, **O. B. Toon, J. B. Pollack** and I found that certain features seem best accounted for by montmorillonite and other kinds of clay (C. Sagan. *Cosmos*). – Анализируя эти спектры, **О. Б. Тун, Дж. Б. Поллак** и **я** обнаружили в них детали, которые лучше всего объяснялись присутствием монтмориллонита и других видов глины (пер. А. Сергеева)

Анализ текстов В. Г. Сурдина показал, что характерной формой обозначения своей позиции в русскоязычной научно-популярной коммуникации является, согласно традиции, преобладание коллективного мы, или нейтрального *автор* [Норман, 2009]. В приводимом ниже примере путем использования одной из форм личного местоимения множественного числа ученый-популяризатор стремится изложить читателю не только суть изучаемой темы, но и вовлечь его в круг единомышленников, взглянуть на проблему с точки зрения

адресата, апеллируя к его эмоциям и при этом дистанцируясь вместе с ним от научного сообщества в лице ученых-астрономов:

Но чтобы *тем из нас*, кто ожидал открытия настоящей, крупной планеты, *не было обидно, астрономы* открыли и такие планеты, причем настолько крупные, что даже гигант Юпитер рядом с ними почувствовал бы себя неуверенно (В. Г. Сурдин. *Разведка далеких планет*).

В то же время англоязычный дискурс астрономии, в котором коллективное *we* имеет более общее значение «представители человечества», передает иную прагматическую нагрузку, демонстрируя меньшую степень авторской субъективности при изложении материала. Приведенный ниже контекст, в котором взаимодействуют эксплицитные (*I, our, we*) и имплицитные авторские знаки (метафорическое сравнение *like a mote of dust in the morning sky*), показывает очевидную уверенность автора в будущем, которое, однако, зависит от коллективного знания и научного сотрудничества:

I believe our future depends on how well *we* know this Cosmos in which *we* float like a mote of dust in the morning sky (C. Sagan. *Cosmos*). – *Я верю: наше* будущее зависит от того, насколько хорошо мы будем знать этот Космос, где *мы* плывем, как пылинки в утреннем небе (пер. А. Сергеева).

В качестве универсального маркера авторизации в разноязычном дискурсе астрономии выступают эпистемические модальные слова и конструкции, эксплицирующие «позицию автора текста, его отношение к достоверности пропозиций, а в некоторых случаях и его скрытые установки и представления» [Сахарова, 2023, с. 6], помогая читателю адекватно воспринимать предлагаемые гипотезы, мнения и авторские суждения, не основанные на объективных фактах, и, таким образом, маркируя разную степень уверенности. Так, в англоязычном материале К. Саган часто акцентирует несомненность своих высказываний, дополняя их вводной конструкцией *of course*, в то время как в тексте В. Г. Сурдина наиболее частотным маркером уверенности служат наречия *действительно, естественно*, однако он избегает более категоричного *конечно*. Соответственно, меньшая степень уверенности в русском дискурсе астрономии показывает готовность автора рассматривать альтернативные версии научных фактов в качестве истинных.

В следующем англоязычном примере К. Саган раскрывает многообразие клеточных форм жизни на Земле при помощи метафорического выражения *molecular Garden of Eden*, реализуя посредством

имплицитной авторизации прагматически значимую аллюзию на сюжет из Библии. При этом автор опирается на речевые прессупозиции и установки, закрепившиеся в англоязычной лингвокультуре, и соотносит речевые стереотипы читателя с логикой размышлений, данных в тексте:

Four billion years ago, the Earth was a *molecular Garden of Eden* (C. Sagan, *Cosmos*). – Четыре миллиарда лет назад Земля была *молекулярным Эдемом* (пер. А. Сергеева).

В русском астрономическом дискурсе функция образных средств состоит в выявлении сути научной терминологии, как это наблюдается в следующем отрывке: метафора *в теле планеты*; причастие *увозящий* раскрывает значение терминов *дрейф континентов*, *сетка координат*. При этом автор формализует образное выражение, заключая его в кавычки, маркируя свое присутствие не напрямую, а опосредованно, что позволяет говорить о меньшей степени выявленности автора в образных выражениях русскоязычного астрономического дискурса:

На земные границы могут повлиять только политические коллизии, но не природные (разумеется, если не считать очень мелкого дрожания земной оси *в теле планеты*, сдвигающего *сетку координат*, и крайне медленного *дрейфа континентов*, «увозящих» страны в разные стороны; оба эффекта не превышают нескольких метров в столетие) (В. Г. Сурдин. *Разведка далеких планет*).

Прагматически действенным можно считать выражение авторской позиции в англоязычном тексте посредством взаимодействия эксплицитных и имплицитных знаков авторского присутствия. Так, в приведенном ниже контексте автор употребляет в трансформированном виде устойчивое выражение *to go about your business*, которое имеет значение *заниматься своими делами* для выражения обыденности действий человека по отношению к растениям на Земле. Имплицитный эмоциональный оттенок придает высказыванию личные местоимения *we, our*, которые сопровождаются поясняющими сравнениями *animals, ultimately parasites*, экспрессивно усиливающими коллективную ответственность человека за свои действия. Результатом становится яркое выражение, прямо показывающее отношение автора к этой проблеме:

And *we animals*, who are *ultimately parasites* on the plants, steal the carbohydrates so we can go about *our* business (C. Sagan. *Cosmos*). – А мы, животные, паразитирующие

на растениях, ворует углеводы для достижения наших собственных целей (пер. А. Сергеева).

Использование автором устойчивых выражений имеет место также в русскоязычном дискурсе астрономии. В следующем примере автор употребляет фразеологизм *видеть невооруженным глазом*, активизируя читательское внимание. Это выражение характерно и прагматически значимо для научно-популярного дискурса астрономии, так как возможность зрительного восприятия без специального оборудования может стимулировать читателей к самостоятельному наблюдению за описываемыми явлениями. Будучи своеобразным клише дискурса астрономии, термин утратил изначальную образность, акцентируя внимание на явлениях, доступных для наблюдения широкому кругу лиц. Таким образом, использование данного выражения выполняет функцию стимулирования когнитивной активности адресата.

В результате удалось подробно изучить одну из самых интересных новых в истории астрономии – Новую Лебедь 1975 г. (V 150 °Суг), уникально быструю по скорости нарастания и спадания блеска: **невооруженным глазом** она была видна всего несколько ночей (В. Г. Сурдин. *Разведка далеких планет*).

Таким образом, функциональность знаков авторского присутствия в научно-популярных текстах астрономического дискурса сводится к выражению авторской позиции в прямой и косвенной форме или в их взаимодействии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формы и особенности выражения авторского присутствия в научно-популярных текстах дискурса

астрономии на английском языке свидетельствуют о тенденции к расширению многообразия имплицитных знаков авторского присутствия, использованию интертекстуальных включений, метафорических и устойчивых выражений для раскрытия собственной позиции. На эксплицитном уровне авторизации повествования важную роль играют личные и притяжательные местоимения первого лица, демонстрирующие личный вклад автора в результаты исследования, при этом семантика местоимения *мы* шире, чем в русскоязычном тексте.

В русскоязычном дискурсе астрономии прагматически значимая степень авторского присутствия реализуется посредством использования коллективного *мы* и его производных с целью установления прямого диалога автора с читателем, активизации его когнитивной активности через включение в круг единомышленников. Непрямой план выражения авторизации характеризуется употреблением устойчивых выражений, типичных для дискурса астрономии, а также закавычиванием образных конструкций, не входящих в научно-популярную речевую систему.

Проведенный анализ позволяет констатировать расширение авторского присутствия и многообразие его форм и их взаимодействия в англо- и русскоязычном научно-популярном дискурсе астрономии, свидетельствующих о стремлении авторов к эстетизации и экспрессивности повествования, активизирующих познавательную активность широкого читателя. Разный удельный вес знаков авторского присутствия в русско- и англоязычном дискурсе астрономии обусловлен как лингвокультурными традициями научной коммуникации, так и индивидуальными авторскими предпочтениями в использовании средств обеспечения эффективной коммуникации с массовым читателем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горожанов А. И. Метод компаративного анализа группы текстов (на материале немецкоязычных научных статей) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 5 (847). С. 48–59.
2. Багиян А. Ю. Детерминологизация английской технической терминологии в научно-популярном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2014.
3. Баженова Е. А. Стилистико-речевая организация научного текста // Стил. Белград. 2003. № 2. С. 129–141.
4. Багиян А. Ю. Когнитивно-дискурсивное пространство профессиональной идентичности: системный подход к лингвопроектированию. Пятигорск : Изд-во ПГУ, 2024.
5. Виноградов В. В. О теории художественной речи. 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2005.
6. Шмелева Т. В. Авторское начало в стилистике медийного текста // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации: материалы II Всероссийской науч.-практ. конф., 30 сент. – 2 окт. 2010 г. : в 2 ч. / Тюм. гос. ун-т ; ред. О. В. Трофимова. Тюмень: Мандр и К°, 2010. Ч. 2. С. 207–215.

7. Якубова В. Ю. Средства авторизации в англоязычном научно-популярном тексте // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь – 2014: сборник научных статей. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2015. С. 113–118.
8. Булдакова Ю. В. Формы авторского присутствия в тексте фан-фикшн (интернет-публикация романа Э. Юдковского «Гарри Поттер и методы рационального мышления») // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 212–215.
9. Габдуллина В. И. Проблема дискурсивного выражения авторской позиции в произведениях Ф. М. Достоевского // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 46–52.
10. Гусейнова И. А., Никитенкова К. Г. Амбисемия и гендерный фактор (на материале современной немецкой интернет-прессы) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 120–128.
11. Серебрякова С. В., Кибкало Р. И. Оценочность как прагматически значимый маркер авторского присутствия в научно-популярном дискурсе астрономии (на материале текстов В. Г. Сурдина) // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 72–83.
12. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Минск: БГУ, 2009.
13. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 6. С. 911–920.
14. Серебрякова С. В. Когнитивно-прагматическая обусловленность синонимической аттракции как маркера концептуально значимой информации // Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике: материалы III Международной научной конференции, Майкоп, 27–29 октября 2022 года. Майкоп: АГУ, 2022. С. 235–243.
15. Сахарова А. В. Языковые и лингвопрагматические средства выражения эпистемической модальности в современных естественнонаучных текстах на русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н.-Новгород, 2023.

REFERENCES

1. Gorozhanov, A. I. (2021). Method of comparative analysis of a group of texts (on the material of German-language scientific articles). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(847), 48–59. (In Russ.)
2. Bagiyani, A. Yu. (2014). *Determinologizaciya anglijskoj tekhnicheskoy terminologii v nauchno-populyarnom diskurse* = *Determinologization of English technical terminology in popular scientific discourse: abstract of PhD in Philology*. Moscow. (In Russ.)
3. Bazhenova, E. A. (2003). *Stilistiko-rechevaya organizaciya nauchnogo teksta* = *Stylistic and speech organization of scientific text*. Stil, Belgrade, 2, 129–141. (In Russ.)
4. Bagiyani, A. Yu. (2024). *Kognitivno-diskursivnoe prostranstvo professional'noj identichnosti: sistemnyj podhod k lingvoproektirovaniyu : monografiya* = *Cognitive-discursive space of professional identity: a systematic approach to language design*. Pyatigorsk: PSU Publishing house. (In Russ.)
5. Vinogradov, V. V. (2005). *O teorii hudozhestvennoj rechi* = *On the Theory of Artistic Speech*. 2nd edition. Moscow: Higher School. (In Russ.)
6. Shmeleva, T. V. (2010). Author's beginning in the stylistics of the media text. In *Russkij yazyk kak faktor stabil'nosti gosudarstva i npravstvennogo zdorov'ya natsii* (pp. 207–215): *Proceedings and materials of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference*. Tyumen: Mandr & Co. (In Russ.)
7. Yakubova, V. Yu. (2015). Yu. Means of authorization in English-language popular science text. *Aktual'nye problemy prepodavaniya inostrannyh yazykov v vysshej shkole Respubliki Belarus – 2014* (pp. 113–118): *digest of scientific articles*. Mogilev: A. A. Kuleshov MSU. (In Russ.)
8. Buldakova, Y. V. (2016). Forms of authorial presence in the text of fan fiction (Internet publication of E. Yudkovsky's novel "Harry Potter and methods of rational thinking"). *Phylology and Culture*, 2(44), 212–215. (In Russ.)
9. Gabdullina, V. I. (2011). The problem of discursive expression of the author's position in the works of F. M. Dostoevsky. *Siberian Phylological Journal*, 1, 46–52. (In Russ.)
10. Guseinova, I. A., Nikitenkova, K. G. (2023). Ambisemy and gender in modern German internet media. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 1(32), 120–128. (In Russ.)
11. Serebriakova, S. V., Kibkalo, R. I. (2024). Evaluation as a pragmatically significant marker of authorial presence in popular scientific discourse of astronomy (on the material of V. G. Surdin's texts). *Izvestiya SFedU. Philology*, 28(3), 72–83. (In Russ.)

13. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. *Journal of Siberian Federal University. Humanities*, 16(6), 911–920. (In Russ.)
14. Serebriakova, S. V. (2022). Kognitivno-pragmaticheskaya obuslovlennost' sinonimicheskoy attrakcii kak markera konceptual'no znachimoy informacii = Cognitive-pragmatic conditionality of synonymous attraction as a marker of conceptually significant information. *Cognitive paradigms of linguistic consciousness and the problems of bilingualism in modern linguistics* (pp. 235–243): proceedings of the III International Scientific Conference. Maikop: AGU. (In Russ.)
15. Sakharova, A. V. (2023). Yazykovye i lingvopragmaticheskie sredstva vyrazheniya epistemicheskoy modal'nosti v sovremennyh estestvennonauchnyh tekstah na russkom yazyke = Linguistic and linguopragmatic means of expression of epistemic modality in modern natural science texts in Russian language: PhD in Philology. N. Novgorod. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кибкало Ростислав Игоревич

аспирант департамента лингвистики
Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kibkalo Rostislav Igorevich

Postgraduate student at the Linguistic Department
North Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.04.2025
03.05.2025
16.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Отображение специальных дискурсов в немецкой общей лексикографии (на примере словарных предисловий)

Е. А. Ковтунова¹, И. Е. Езан²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹e.kovtunova@spbu.ru

²i.ezan@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается кодификация специальной лексики в метатекстах немецких общеязыковых словарей в контексте лингводискурсивного обсуждения. Затрагиваются некоторые исторические аспекты языковой критики при формировании данного типа дискурса. Авторы обращаются к вопросам коммуникации о предметных областях, языкового конструирования посреднических специальных дискурсов. Исследование проводилось на материале немецких одноязычных словарей. Удалось проследить особенности отображения дискурсивного сегмента о предметных сферах и специальной лексике внутри общего лексикографического дискурса. Использовались методы лингвистического описания, лингводискурсивного и контекстуально-семантического анализа.

Ключевые слова: немецкая лексикография, лексикографический дискурс, специальная лексика, метатекст, специальный дискурс, критика языка

Для цитирования: Ковтунова Е. А., Езан И. Е. Отображение специальных дискурсов в немецкой общей лексикографии (на примере словарных предисловий) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 66–74.

Original article

Representation of Special Discourses in German General Lexicography (on the example of dictionary forewords)

Elena A. Kovtunova¹, Irina J. Jesan²

^{1,2}St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹e.kovtunova@spbu.ru

²i.ezan@spbu.ru

Abstract. The article is devoted to the discourse-linguistic consideration of the discussion about the codification of the special vocabulary in the metatexts of German general language dictionaries. The article touches some historical aspects of Language Criticism by the formation of this type of discourse. The authors address the issues of communication about special spheres outside of these spheres, the construction of the mediation special discourse by means of language. The study was conducted on the material of German monolingual dictionaries. It was possible to trace the peculiarities of the representation of the discourse segment about special spheres and special vocabulary within the general lexicographic discourse. The methods of linguistic description, discourse-linguistic and contextual-semantic analysis were used.

Keywords: German lexicography, lexicographic discourse, special vocabulary, metatext, special discourse, Language Criticism

For citation: Kovtunova, E. A., Jesan, I. J. (2025). Representation of special discourses in German general lexicography (on the example of dictionary forewords). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 66–74. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Цель данного исследования – изучение отображения специальных сфер коммуникации в комплементарных вводящих метатекстах на примере немецких одноязычных общих словарей с позиций лингводискурсивного подхода. Решались такие теоретические задачи, как критическое осмысление подходов к процессам «онаучивания» и терминологизации общелитературного языка, кодификации специальной лексики общими словарями, уточнение терминов «лексикографический дискурс», «критика языка». Практическими задачами были идентификация и лингводискурсивный анализ контекстов, содержащих упоминания о предметных сферах, специальной лексике, акторах специальных дискурсов. Исследование выполнено на материале предисловий к следующим словарям: „Grammatisch-Kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart“¹, „Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm“², „Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache; in sechs Bänden“³, „Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache; in zehn Bänden“⁴, „Duden. Band 10. Das Bedeutungswörterbuch“⁵, „Wahrig. Deutsches Wörterbuch“⁶.

Методом сплошной выборки в предисловиях изучаемых словарей были идентифицированы соответствующие контексты, в которых затем при помощи контекстуально-семантического анализа были установлены такие лингводискурсивные и лингвокритические характеристики, как использование номинаций предметных областей, факторы оценочности по отношению к данным сферам и языкам, представителям профессий, наук, средства аргументации и др.

¹Grammatisch-Kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart (Ausgabe letzter Hand, Leipzig 1793–1801) digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/23. URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/Adelung?lemid=A00001> (abgerufen am 12.01.2025).

²Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/23. URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/DWB> (abgerufen am 12.01.2025).

³Duden: Das große Wörterbuch der deutschen Sprache; in sechs Bänden, herausgegeben und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und d. Mitarb. der Dudenredaktion unter Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim, Wien, Zürich: Bibliograph. Institut. 1976.

⁴Duden: Das große Wörterbuch der deutschen Sprache; in zehn Bänden, herausgegeben vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. [Red. Bearb.: Werner Scholze-Stubenrecht (Projektleiter)...] 1999-; 3., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim: Dudenverlag.

⁵Duden. Band 10. Das Bedeutungswörterbuch. Reihe: Duden - Deutsche Sprache in 12 Bänden. 5., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Berlin: Dudenverlag, 2018.

⁶Wahrig. Deutsches Wörterbuch. 7., vollständig neu bearbeitete und aktualisierte Aufgabe auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreibregeln. Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2000. 1451 S.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Специальные дискурсы и общая лексикография

Тема и ракурс исследования обусловлены, *во-первых*, актуальными научными дискуссиями вокруг вопросов трансфера специального знания, конструирования специальных дискурсов и междискурсивного взаимодействия [Демьянков, 2015; Зяблова, 2023; Лаврентьева, 2018; Adamzik, 2018], *во-вторых*, обращением современных ученых к разнообразным аспектам лексикографического дискурса [Резунова, 2012; Передриенко, Баландина, 2020].

При изучении специальных сфер как дискурсивных конструктов на первый план выходят как минимум три важных вопроса. *Во-первых*, вопрос об использовании языковых средств для осуществления специальной коммуникации внутри предметных сфер (Kommunikation im Fach). *Во-вторых*, речь идет о коммуникации в предметных областях вне данных сфер, например, об использовании языка для номинации специальных сфер и выражения отношения к специальным сферам коммуникации (Kommunikation über Fächer). *В-третьих*, обсуждается вопрос о том, как специальные сферы становятся социально обязательными конструктами, неотъемлемой частью социальной действительности [Adamzik, 2018]. Аспекты языкового конструирования социально значимых специальных дискурсов в общезыковом поле, в свою очередь, имеют отношение к разработке проблем посреднической, «внешней» специальной коммуникации (fachexterne Kommunikation [там же]) и консубстанциональности как элементу развития общей языковой культуры [Лаврентьева, 2018].

На протяжении веков материальными доказательствами контактов между специальными и неспециальными дискурсами, а также свидетельствами «онаучивания», терминологизации общелитературного немецкого языка были и остаются общезыковые словари. Включение или невключение в нетерминологический словарь специальной лексики (терминов, профессионализмов, профессиональных жаргонизмов) непременно обсуждается на этапе разработки проекта (программы) словаря, однако подобные обсуждения могут быть также элементами вводных словарных метатекстов [Szłęk, 1999; Haß-Zumkehr, 2001].

Термин «лексикографический дискурс» употребляется в отечественном языкознании в разных значениях: *металингвистический текст, вариант научного текста, особый тип коммуникативного взаимодействия* [Передриенко, Баландина, 2020]. При этом часто данный термин применяется при анализе содержимого словарной статьи, которую принято считать «элементарной единицей

лексикографического дискурса» [Резунова, 2012, с. 191]. Наше исследование сосредоточено на комплементарной части общего словаря и составляющих ее метатекстах, которые наряду со словарем, словарными статьями и отсылками формируют макроструктуру изучаемых словарей.

По нашему мнению, лексикографический дискурс включает в себя разные виды коммуникативных практик социального, культурного, исторического, общенаучного, лингвистического, прикладного характера. Таким образом, в рамках общего лексикографического дискурса можно выделить особый дискурсивный сегмент, обращенный к специальным сферам коммуникации. Данный дискурсивный сегмент находится в фокусе внимания авторов статьи.

В то время как объективным воплощением специальных дискурсов в общезыковых словарях являются специальные лексемы, выступающие в роли лемм, а также примеры употреблений и цитаты, в метатекстах (предисловиях, списках сокращений, дефинициях и т. п.) отражен описательный и / или вводящий дискурс о специальных сферах и специальных словах. Вводные метатексты общих словарей (предисловия и т. п.) среди прочего информируют широкий круг адресатов-пользователей о предпосылках и особенностях кодификации лексики отдельных специальных областей, содержат элементы лингвокритической аргументации.

Критика языка как фактор развития немецкой лексикографии

Критика языка как самостоятельное научное направление часто не упоминается в современных работах, однако без критики языка не могли бы в полной мере быть реализованы методы и подходы, используемые в большинстве лингвистических дисциплин. Именно в рамках критики языка в германистике особое внимание уделяется анализу разноуровневых тенденций в развитии немецкого языка в синхронии и диахронии, в том числе и на уровне лексики [Kilian, Niehr, Schiewe, 2016]. Ю. Шиве в предисловии к тематическому двухтомному сборнику подчеркивает важность данного лингвистического направления: «Как вид деятельности языковая критика, вероятно, так же стара, как и сам язык. По всей видимости, критика языка сопровождала развитие языка с самого начала, так что ее можно считать одним из определяющих элементов речевой деятельности человека. Согласно современным данным, термин “критика языка” оформился только на рубеже XIX–XX веков. С тех пор концепции языковой критики осмысливаются и обсуждаются»¹ [Schiewe, 2022, с. 12].

¹Зд. и далее перевод наш. – Е. К., И. Е.

Современные исследования показывают, что становление лексикографического дискурса во многом определялось лингвокритическим подходом к анализу языковых единиц. Отмечается тесная взаимосвязь между основами формирующейся в XVI–XVIII веках критики языка и теории и практики лексикографии на примере революционной по тем временам лексикографической деятельности Г. Лейбница, И. К. Аделунга и других просветителей. По мнению Ю. Шиве, Г. Лейбниц представил четкую методологию лингвокритического подхода задолго до того, как появились и могли появиться термины «языкознание» и «языковая критика». Эта методология заключалась в описании состояния языка, экспликации понятия языка и используемых знаков, выявлении недостатков в использовании языка путем сравнения языков, формулировке языкового идеала; разработке практических рекомендаций по достижению этого идеала [Schiewe, 2022].

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ В ПРЕДИСЛОВИЯХ К НЕМЕЦКИМ СЛОВАРЯМ

Словари Аделунга и братьев Гримм

В своем словаре И. К. Аделунг, который внес неоспоримый вклад в формирование литературной нормы немецкого языка, продолжил так называемую лингвокритическую традицию, что в значительной степени было отражено в названии словаря – «Grammatisch-Kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart». Его попытка составить полный грамматико-критический словарь верхне-немецкого языка и сравнить с другими диалектами стала первым всеобъемлющим словарем, целью которого было документирование современного употребления языка, а также одновременно его нормирование (*Grammatisch-Kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart*). В словарь вошли разные группы употребительной специальной лексики.

В тексте краткого предисловия И. К. Аделунга упоминается лишь предметная область философии. В частности, автор поясняет свое решение сформулировать свои собственные дефиниции для терминов философии, которым ранее дали специальные определения ученые-философы, и критически высказывается об их языковедческой компетенции: *Allein die wenigsten Definitionen dieser Art waren für mich brauchbar, weil jeder Philosoph sie immer nach seinem Systeme modelt, und sie nicht selten so abstract ausdrückt, daß die Definition dunkler wird als das Definitum. <...> Philosophen sind selten so große Sprachkenner, daß sie auf die Etymologie Rücksicht nehmen können, und den Sprachgebrauch kennen sie*

gemeiniglich auch nicht anders, als aus dem Umfange des Systemes. (Однако же очень немногие определения такого рода были мне полезны, потому что каждый философ всегда моделирует их в соответствии со своей системой и нередко выражает их так абстрактно, что определение становится менее понятным, чем определяемое. <...> Философы редко бывают такими большими знатоками языка, чтобы принимать во внимание этимологию, и, как правило, они не знают иного употребления, чем в рамках своей системы).

В данном контексте средствами рационально-эмоциональной аргументации выступают, например, союзы со значениями причины (*weil*) и следствия (*so dass*), метафорическое сравнение (*dunkler als*), местоимение и адverbь с семантикой обобщения (*jeder, gemeiniglich, immer*) и темпоральности (*nicht selten*).

Исследователи «Немецкого словаря Я. и В. Гриммов» («*Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm*») указывают на то, что при выборе предметных областей и конкретных специальных лексем для включения в словарь наиболее весомым для составителей был фактор «исконной объяснительной силы» данных слов и выражений по отношению к общеупотребительному лексикону, планировалось зафиксировать специальную лексику из культурно-исторически релевантных для словаря источников [Szłęk, 1999]. В предисловии Я. Гримма к первому тому словаря специальным языкам посвящен восьмой параграф „*Sprache der hirten, jäger, vogelsteller, fischer u.s.w.*“¹.

Я. Гримм образно и эмоционально пишет о своих поисках старой народной лексики, поскольку уверен, что она важна для понимания истории языка и обычаев (*Ich bin eifrig allen wörtern der ältesten stände des volks nach gegangen, in der sicher begründeten meinung, dasz sie für geschichte der sprache und sitte die ergibigste ausbeute gewähren*). В своих рассуждениях автор опирается на конкретные примеры специальной лексики, словарей. Он одновременно положительно и критически высказывается о словарях, документировавших, например, вокабуляр альпийских пастухов в прошлом и их составителях Штальдере и Шмеллере (Stalder², Schmeller³): *Stalder und Schmeller enthalten schätzbare, doch nicht genügende nachrichten*. Маркером имплицитного аргумента тезиса о

необходимости нового лексикографирования данной лексики служит адверсативный союз *doch* с противительным значением, соединяющий атрибуты *schätzbare* «ценные» и *nicht genügende* «недостаточные» (сведения).

Аналогичным образом – как маркеры имплицитной аргументации – функционируют адverbь *noch* с адверсативно-темпоральной семантикой и отрицательный предлог *ohne* в контексте о «языке горняков», который, несмотря на то, что «предоставляет богатый материал со времен Георга Агриколы и Матезиуса, всё еще не исчерпан и собран без необходимого научного объяснения» (*auch die bergmannssprache, die schon seit Georg Agricola und Mathesius reiches material darbietet, noch unerschöpfend und ohne gelehrte erläuterung, deren sie bedürfte, zusammengestellt ist*). В данном контексте упоминаются имена Г. Агриколы и И. Матезиуса (Georg Agricola⁴, Johannes Mathesius⁵), оставивших научные труды по горнорудному делу, которые, если следовать логике Я. Гримма, могли бы быть более тщательно изучены его предшественниками-языковедами.

Обоснования включения тех или иных групп специальной лексики в словарь часто содержат маркеры эмоциональной аргументации. Например, по отношению к «выражениям из лексиконов охотника, сокольничего и птицелова» (*redensarten des weidmanns, falkners und voglers*) Я. Гримм использует положительные эмоционально-оценочные метафорические номинации, *frische und natürllichkeit* (свежесть и естественность), дискурсивно (для Я. Гримма) оценочное выражение *in hohes alterthum reichen* (восходить к глубокой древности) и распространенное и усиленное суперлативом выражение *aufmerksamste rücksicht verlangen* (требовать внимательнейшего отношения). Далее лингвокритический контекст строится на контрасте и сравнении: «язык рыбака» (*die sprache des fischers*) «кажется» автору «более скудным» (*scheint ärmer*), что Я. Гримм остроумно объясняет «немотой вылавливаемых животных» (*stummheit der thiere... denen er nachstellt*), а «жизнь моряка» (*das schifferleben*) – «тем более оживленной» (*desto lebendiger*), что, однако, вступает в противоречие с «небольшим запасом подобных слов» (*einen kleinen vorrat von wörtern*) в нововерхненемецком. Дело в том, что «почти все слова языка мореходства» были постепенно заимствованы «из Нижней Германии и Нидерландов»: *aus Niederdeutschland und den Niederlanden sind allmählich fast alle wörter der schiffart entliehen worden*.

¹URL: <https://woerterbuchnetz.de/Woerterbuecher/DWB/vor01.html> (дата обращения: 20.01.25).

²URL: <https://archive.org/details/versucheinensch01stalgoog/page/n6/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 20.01.2025).

³URL: <https://web.archive.org/web/20120716044830/http://www.bayerische-landesbibliothek-online.de/schmeller> (дата обращения: 20.01.25).

⁴URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Georgius_Agricola (дата обращения: 20.01.25).

⁵URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb10143509?page=1> (дата обращения: 20.01.2025).

Приемы контраста и сравнения можно проследить в контекстах, оценивающих степень изученности специальных языков. Так, Я. Гримм дает положительную оценку деятельности языковедов и лексикографов по описанию и фиксации «специальной лексики пчеловодства, садоводства и полеводства в целом» – о ней «позаботились лучше» (*Besser gesorgt wurde für die eigenthümlichen wörter der bienenzucht und des gartenbaus, wie der feldbestellung insgemein*). В сочетании с эмоционально-оценочными лексемами (*fleiszig geachtet*) упоминается имя И. К. Аделунга, который «уделял пристальное внимание языку ремесленников» (*was auch von den handwerkern gilt, auf deren sprache schon Adelong fleiszig geachtet hat*).

Аргументация критики юридического языка реализуется при помощи оценочных сравнений и метафор: «язык судопроизводства» (*gerichtssprache*) до XVI века характеризуется положительно – *reich* «богатый», «современный язык права» (*die gegenwärtige rechtssprache*); отрицательно – *ungesund* «нездоровый», *saftlos* «сухой, бездушный», *mit römischer terminologie hart überladen* «сильно перегруженный римской терминологией».

Из философов, работы которых также стали источниками формирования словника «Немецкого словаря», Я. Гримм особенно лестно отзывался о Канте, поскольку именно он, «кажется, уделяет наибольшее внимание традиционному использованию языка, чьи живые выражения, в той мере, в какой они относятся к общему немецкому языку, словарь поэтому не преминул зафиксировать»: *auf ihn [den hergebrachten sprachgebrauch] unter allen scheint Kant die meiste rücksicht zu nehmen, dessen lebendige ausdrucksweise darum, insofern sie dem gebiet der deutschen sprache anheim fällt, das wörterbuch aufzufassen nicht unterlassen hat*.

В приведенном контексте за счет изменения модального плана (*scheint... zu nehmen*) реализуется риторический прием «смягчения категоричности высказывания» [Варгина, 2003, с. 65], который усиливает аргументативный потенциал и способствует усилению персуазивного эффекта.

Изученные контексты позволяют заключить, что, в отличие от современных, предисловия более ранних словарей в силу еще недостаточной сформированности данного типа метатекста, а также более индивидуального характера лексикографической деятельности, обладают некоторыми чертами, не свойственными современным словарным предисловиям. В частности, не-нейтральность предисловий словарей Аделунга и братьев Гримм выражается, во-первых, посредством сочетания рассуждения (о значимости специальной лексики для данного словаря, о степени ее изученности

и лексикографирования), описания (трудностей работы над словарем) и повествования (о прошлом опыте научного осмысления, использования и кодификации специальной лексики). Такая комбинация композиционно-речевых форм достигается, например, использованием наряду с формами настоящего времени (*Präsens Generalis*) форм прошедшего времени (*Präteritum*, *Perfekt*). Во-вторых, обращает на себя внимание эксплицитная персональность (эгореферентность), выраженная, например, лексически – в использовании местоимений *ich*, *mein*, на уровне аргументации – в опоре, прежде всего, на личный научный и лексикографический опыт и интроспекцию при формулировке доказательств, аргументов. Современные предисловия являются более терминологически насыщенными и информативными и, как правило, содержат более обобщенные аргументы включения специальной лексики с опорой на объективные экстралингвистические факторы и достижения лингвистической науки.

Словари Duden и Wahrig. Deutsches Wörterbuch

В предисловиях к многотомным словарям Duden (1976, 1999) содержится категоричное гиперболизированное утверждение о включение в словарь лексики «всех специальных сфер» (*alle Fach- und Sondersprachen*). Однако далее следует смягчающий категоричность контекст, маркированный коннектором с ограничительной семантикой *insofern*: «в той мере, в какой они влияют на общий язык» (*insofern sie auf die Allgemeinsprache hinüberwirken*).

Так же категорично Duden (1976) сообщает о задаче кодификации немецкого языка «во всей его многослойности» (*in ihrer ganzen Vielschichtigkeit*). Уже в самом первом абзаце предисловия содержится указание на акторов специальных дискурсов – возможных адресатов-пользователей – *zahlreiche Berufsgruppen* «многочисленные профессиональные группы», которые нуждаются в «объемном и современном словаре» (*ein modernes umfassendes Wörterbuch*) «для разъяснения языковых и терминологических вопросов на работе и для общения вне профессиональных сфер» (*bei der Arbeit sprachliche und terminologische Fragen klären und sich über die Grenzen ihrer Fachbereiche verständigen*). Таким образом, профессиональная коммуникация преподносится в данном общезыковом словаре как одна из приоритетных. Похожий контекст с небольшим дополнением сохранился и в предисловии к изданию 1999 года.

Непрямое указание на специальные дискурсы содержится в Duden (1976) в контексте об обширной кодификации разговорной речи, когда

в предисловии упоминаются ситуации общения «на рабочем месте» (*am Arbeitsplatz*), «на футбольном стадионе» (*auf dem Fußballplatz*), которые подразумевают использование специальной лексики. В отношении специальных областей это имплицитно включает в словарь не только терминологию, но и профессионализмы и жаргонизмы.

Интересен футуральный контекст, указывающий на междискурсивное взаимодействие: «благодаря высокой степени репрезентативности специальных языков словарь создаст базу для взаимопонимания между специальными сферами» (*Durch die starke Berücksichtigung der Fachsprachen wird es auch eine sichere Basis für die Verständigung zwischen den Fachbereichen schaffen*). Научные дискурсы тематизируются, когда речь идет о значении словаря в «усилении роли немецкого языка как языка науки и языка конференций» (*die Stellung des Deutschen in der Welt als Wissenschaftssprache und als Konferenzsprache stärken*).

В комментарии к формированию словника, который содержит аргументативный маркер – консеквативный коннектор *daher*, эксплицируются условия лексикографирования специальной лексики: «решающим фактором при включении в словарь специальных понятий является их частотность, то есть употребительность в письменной и устной повседневной речи. <...> Термины, не используемые за пределами ограниченных специальных областей, следовательно, в словарь не вошли». *„Ausschlaggebend für die Aufnahme von Begriffen aus Fach- und Sondersprachen sind ihre Häufigkeit, d. h. ihre Verwendung in der gesprochenen und der geschriebenen Alltagssprache. (...) Fachtermini, die außerhalb ihres begrenzten Fachgebietes nicht auftreten, erscheinen daher nicht im Wörterbuch“* (Duden, 1999, *Die Wortauswahl*).

Аргументами невозможности полного отображения специальных языков в словаре (1999) служат количественные данные: сфера электроники (Elektronik) включает в себя 80 тыс. терминов, медицины (Medizin) – 250 тыс., органической химии (organische Chemie) – 3,5 млн специальных единиц.

Список специальных областей составили 183 наименования, большинство из которых представляют собой профессиональные и научные сферы, в этот же список включены, например, студенческий и школьный языки и т. п. Такое совместное рассмотрение социолектов и функциолектов, языков профессиональных и других социальных групп говорит о недостаточно системном подходе редакции словаря к стратификации словарного состава, что довольно типично для немецкой общей лексикографии. Подобное можно наблюдать также в рассмотренном ранее предисловии Я. Гримма.

Десятый том из серии Duden, толковый словарь (2018), значительно меньший по объему, также приводит хоть и очень редуцированный, но смешанный перечень специальных сфер (*Zugehörigkeit zu Fach- und Sondersprachen*), в котором профессиональные и научные области (языки) дополнены языком молодежи.

При изучении современного лексикографического дискурса нельзя не обратиться к богатому традициям словарю „Wahrig. Deutsches Wörterbuch“. Были рассмотрены тексты предисловий 6-и изданий словаря за период с 1975–1997 год, размещенные в 7-м, полностью переработанном и обновленном издании 2001 года.

Как и в метатекстах Duden, в предисловии к словарю Wahrig (2000) содержится информация об ограниченной кодификации специальной лексики, а именно, лишь тех «многочисленных специальных слов, вошедших в современный немецкий язык», при этом они упоминаются отдельно от «основного вокабуляра» (*Dabei wird nicht nur der deutsche Grundwortschatz berücksichtigt, sondern es werden auch zahlreiche fachsprachliche Begriffe, die Eingang in die deutsche Gegenwartssprache gefunden haben, erläutert*). Для авторов словаря большое значение имеет обоснование включения 3000 новых специальных понятий из области информационных технологий, естественных наук, медицины, бизнеса, техники, телевидения, спорта... как отражения современных тенденций в развитии немецкого языка (*Der aktuellen Entwicklung der deutschen Sprache wurde Rechnung getragen, indem ca. 3000 neue Begriffe aus den Bereichen EDV, Naturwissenschaften, Medizin, Wirtschaft, Technik, TV, Sport <...> in das DEUTSCHE WÖRTERBUCH aufgenommen wurden*).

В тексте предисловия 1994 года отдельно обсуждается вошедшая в словарь новая лексика естественных наук (*Die naturwissenschaftlichen Fachgebiete wurden ebenfalls grundlegend überarbeitet und um neue Begriffe ergänzt*), а также новые понятия из сферы электронной обработки данных (EDV), которые уже заметны в повседневном языке (*in der alltäglichen Sprache*). В предисловии к изданию 1986 года авторы уделяют внимание пополнению специального вокабуляра (например, в области информационных технологий, естественных наук, языкознания) (*Ergänzungen des Fachwortschatzes*, з. В. im Bereich EDV, Naturwissenschaft, Sprachwissenschaft).

Кодификация специальной лексики обсуждается в данном словаре не только как доказательство следования составителей новым языковым веяниям, но и в связи с вопросами заимствования. Так, в самом подробном предисловии, написанном немецким лексикографом, основателем данной серии словарей Г. Варигом в 1975 году, был найден

сопоставительный контекст: «...иностранные слова столь же многочисленны, как и специальная лексика из областей науки, техники, торговли и коммерции» (*Fremdwörter sind ebenso zahlreich vertreten wie der Fachwortschatz aus Wissenschaft, Technik, Handel, Gewerbe*).

Следует отметить «ярко выраженный диалогичный характер» данного предисловия, «воплощенный как в представленности фигуры автора текста, так и в прямой адресованности конкретным реципиентам» [Григорьева 2018, с. 31] – пользователям словаря. Автор предисловия убедительно доказывает жизненность концепции словаря. Как отмечает Г. Вариг, в нем «можно увидеть, что слова приобретают вес и значение и становятся “языком” только в результате постоянного взаимодействия» (*...im Wörterbuch zeigt es sich, daß die Wörter erst in einem ständigen Miteinander Gewicht und Bedeutung erlangen und somit „Sprache“ werden*). По этой причине «авторы данного словаря придают особое значение рассмотрению примеров живого использования языка» (*Besonderen Wert legen deshalb die Verfasser dieses Wörterbuches darauf, Beispiele des lebendigen Sprachgebrauchs vorzulegen*).

Эмоциональность и убедительность аргументации придает в примере, приведенном выше, использование обратного порядка слов (устойчивое глагольно-именное словосочетание *aufetwas besonderen Wert legen*) и частотного коннектора *deshalb*, имеющего причинно-следственное значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По нашему мнению, общие словари принимают непосредственное участие в конструировании

общеизвестных специальных дискурсов посредством языка. Возможно, общие словари лишь отчасти «документируют» релевантные для конкретного языкового сообщества сегменты специальных дискурсов, однако, по всей вероятности, кодифицируемые специальные номинации являются наиболее репрезентативными с точки зрения «освоения», с одной стороны, языковым сообществом, массовым носителем языка, с другой – лингвистами и лексикографами того или иного специального дискурса в определенный момент времени, с учетом общественно-политических и научно-технологических факторов.

Дискуссии о значимости немецкой специальной лексики для общенационального языка и ее кодификации в общих словарях образуют особый сегмент лингвокритического лексикографического дискурса. Словарные метатексты представляют собой источник для экспликации дискурсивно релевантных единиц, таких как номинации специальных областей, композиционно-речевые характеристики, аргументативные средства и т. д. Наиболее существенную роль в аргументативном конституировании изучаемого дискурсивного сегмента играют такие средства рациональной аргументации, как языковые факты, количественные данные, коннекторные слова, модальные компоненты; эмоциональная аргументация реализуется при помощи метафор, сравнений, оценочных номинаций и высказываний, эмотивов.

Перспективным представляется лингводискурсивное рассмотрение метатекстов других словарей, а также дальнейшее изучение других сегментов лексикографического дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демьянков В. З. О языковых техниках «трансфера знаний» в гуманитарных науках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4 (45). С. 5–15.
2. Зяблова О. А. Новое понимание языков для специальных целей и их роли в профессиональной деятельности: познание, опыт, дискурс: монография. М.: Русайнс, 2023.
3. Лаврентьева Е. А. Консубстанциональность как один из основных элементов развития общезыковой культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1 (79). Ч. 1. С. 131–134.
4. Adamzik K. Fachsprachen. Die Konstruktion von Welten. Tübingen: A. Francke Verlag Tübingen, 2018.
5. Резунова М. В. К определению лексикографического дискурса // Альманах современной науки и образования: в 3 ч. 2012. № 2 (9). Ч. III. С. 189–191.
6. Передриенко Т. Ю., Баландина Е. С. Репрезентация концептов «общество» и «society» в лексикографическом дискурсе // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 51–73.
7. Szlęk S.P. Zur deutschen Lexikographie bis Jacob Grimm: Wörterbuchprogramme, Wörterbücher und Wörterbuchkritik. Bern: Peter Lang, 1999.
8. Haß-Zumkehr U. Deutsche Wörterbücher – Brennpunkt von Sprach- und Kulturgeschichte. Berlin ; New York: de Gruyter, 2001.

9. Kilian J., Niehr Th., Schiewe J. Sprachkritik. Ansätze und Methoden der kritischen Sprachbetrachtung. Berlin ; Boston: Walter de Gruyter Verlag, 2016.
10. Schiewe J. Sprachkritik. Stationen ihrer Konturierung und Etablierung innerhalb der Sprachwissenschaft // Schiewe J. (Herausgeber). Sprachkritik: Dokumente der Konturierung und Etablierung einer linguistischen Teildisziplin. Teilband 1. (Germanistische Linguistik). Hildesheim: Georg Olms Verlag: 2022. S. 11–209.
11. Варгина Е. И. Риторика научного текста. Универсальные средства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. 2003. Вып. 3 (18). С. 65–72.
12. Григорьева Л. Н. Статус и жанровое разнообразие предисловий // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2018. Т. 8. С. 26–46.

REFERENCES

1. Dem'iankov, V. Z. (2015). On linguistic techniques of knowledge transfer in humanities. Voprosy kognitivnoi lingvistiki, 4(45), 5–15. (In Russ.)
2. Zhablova, O. A. (2023). Novoe ponimanie yazykov dlya special'nyh celej i ih roli v professional'noj deyatel'nosti: poznanie, opyt, diskurs = A new understanding of languages for special purposes and their role in professional activities: cognition, experience, discourse. Moscow: Rusajns. (In Russ.)
3. Lavrent'eva, E. A. (2018). Consubstantiality as one of the basic elements of general linguistic culture development. Philology. Theory & Practice, 1(79)-1, 131–134. (In Russ.)
4. Adamzik, K. (2018). Fachsprachen. Die Konstruktion von Welten. Tübingen: A. Francke Verlag.
5. Rezunova, M. V. (2012). To the definition of lexicographic discourse. In Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia (vol. 3, issue 2(9), pp. 189–191): in 3 vols. (In Russ.)
6. Peredrienko, T. Iu., Balandina, E. S. (2020). Obshchestvo and Society: Concept Representation in Lexicographic Discourse. Voprosy leksikografii, 17, 51–73. (In Russ.)
7. Szłęk, S. P. (1999). Zur deutschen Lexikographie bis Jacob Grimm: Wörterbuchprogramme, Wörterbücher und Wörterbuchkritik. Bern: Peter Lang.
8. Haß-Zumkehr, U. (2001). Deutsche Wörterbücher – Brennpunkt von Sprach- und Kulturgeschichte. Berlin ; New York: de Gruyter.
9. Kilian, J., Niehr, Th., Schiewe, J. (2016). Sprachkritik. Ansätze und Methoden der kritischen Sprachbetrachtung. Berlin ; Boston: Walter de Gruyter Verlag.
10. Schiewe, J. (2022). Sprachkritik. Stationen ihrer Konturierung und Etablierung innerhalb der Sprachwissenschaft. Schiewe J. (Herausgeber). Sprachkritik: Dokumente der Konturierung und Etablierung einer linguistischen Teildisziplin. Teilband 1. (Germanistische Linguistik). (S. 11–209). Hildesheim: Georg Olms Verlag.
11. Vargina, E. I. (2003). Rhetorics of scientific text. Universal devices. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie, 3(18), 65–72. (In Russ.)
12. Grigor'eva, L. N. (2018). Status and genre diversity of forewords. Nemeckaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete (S. 26–46). Vol. 8. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковтунова Елена Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры немецкой филологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Езан Ирина Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры немецкой филологии
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kovtunova Elena Anatolievna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department German Philology

St. Petersburg State University

Jesan Irina Evgenievna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department German Philology

St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

08.04.2025
12.05.2025
16.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Трехчленная пассивная конструкция в аспекте коммуникативного синтаксиса

И. М. Некрасова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия
nekrasova142008@yandex.ru

Аннотация. Назначение и специфика пассива с агентивным дополнением рассматривается в фокусе тема-рематического членения предложения и функций на уровне сверхфразового единства. Цель исследования: анализ текстовых функций трехчленного пассива на материале русского, английского и немецкого языков, на базе корпусных данных. Результаты анализа: 1) установлены базовые функции трехчленного пассива; 2) дано описание анафорических средств, типичных для сопоставляемых языков; 3) выявлено различие в моделях предложения типа *Вопрос решен нами* (пассив) и *Нами решен вопрос* (ролевая структура).

Ключевые слова: трехчленный пассив, агент, тема-рематическое членение, анафорические средства, языковой корпус, ролевая грамматика

Для цитирования: Некрасова И. М. Трехчленная пассивная конструкция в аспекте коммуникативного синтаксиса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 75–82.

Original article

“Long” Passive Construction in the Functional Sentence Perspective

Irina M. Nekrasova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia
nekrasova142008@yandex.ru

Abstract. The purpose and specificity of the passive construction with a by-phrase is considered in the focus of the topic-comment structure and functions at the level of a super-sentence. The aim of the research: text function analysis of the “long” passive in Russian, English and German, on the basis of text-corpus data. The results of the analysis: 1) basic functions of the “long” passive are established; 2) anaphoric means typical of the compared languages are described; 3) a distinction in sentence models of the type *Вопрос решен нами* (passive) and *Нами решен вопрос* (semantic role structure) is revealed.

Keywords: “long” passive, agent, actual division of sentences, anaphoric means, text corpus, semantic role grammar

For citation: Nekrasova, I. M. (2025). “Long” passive construction in the functional sentence perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 75–82. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Благодаря исследованиям ролевой структуры предложения в аспекте синтаксической семантики в современной лингвистике утвердилась точка зрения на залог как оппозицию актив: пассив, маркированным членом которой является пассивная конструкция (ПК). Форма актива, связанная с подлежащим любой семантики (агенса, пациенс, бенефициант и т. д.), противопоставлена пассивной форме, первым актантом которой всегда является пациенс, ср.: *N приглашает* (действие) – *N приглашен* (состояние) / *N приглашается* (процесс, «вхождение в состояние») [Некрасова, 2016]. Назначение двучленной ПК – «обеспечение возможности построения «безагентных» предложений» – считается общей функцией для всех языков, в которых существует страдательный залог [Лайонз, 1978, с. 401].

В этом случае возникает вопрос о целесообразности существования в языке так называемого трехчленного пассива, или пассива с агентивным дополнением (АД). Широко распространенная в традиционных грамматиках точка зрения на трехчленную ПК как «конверсив» актива (*Студент решил задачу. – Задача решена студентом.*) опирается на идею направленности действия и приводит к выводу о том, что трехчленный пассив – «роскошь языка».

Критика теории конверсии связана с аргументами различного рода. *Во-первых*, абсолютные грамматические синонимы являются в языке исключением. Представляя один и тот же факт действительности в разных грамматических ракурсах, актив и пассив сохраняют различительные семы [Шендельс, 1970]. *Во-вторых*, изменение направленности действия не связано с залоговым преобразованием, ср.: «Отец любит сына. – Сын любит отца». Контраст залоговых значений выявляется при трансформации сказуемого в пределах одного и того же предложения: *Он* (агенса) *приглашает*. – *Он* (пациенса) *приглашен*. Кроме того, согласно диахронии, трехчленные ПК появляются в языках позже, чем двучленные [Храковский, 1974]; следовательно, их нельзя рассматривать как «зеркальное отражение» актива.

Принимая во внимание синтаксическую природу залога, рассмотрим назначение трехчленной ПК с точки зрения ее функций на каждом из трех уровней предложения.

1. Семантическая функция залогового преобразования заключается в изменении семантического класса предиката: действие (актив) → процесс / состояние (пассив). Данная функция является естественной для собственно пассива; агенса является семантически избыточным, что

подтверждается статистикой: в разных языках преобладает двучленная ПК, ее частотность варьирует от 70 до 94 % [Есперсен, 1958].

2. Структурно-грамматическая функция связана с исключением агенса, что приводит к сокращению количества партиципантов ситуации и, соответственно, обозначающих их членов предложения.

3. Коммуникативная функция характеризует коммуникативный ранг актанта в зависимости от фокуса внимания говорящего. В двучленной ПК происходит перемещение пациенса в позицию темы как основы высказывания, что приводит к «изменению очередности при дистрибуции новой информации» [Чейф, 1975, с. 252]; в трехчленной ПК ремой, или фокусом высказывания, становится агенса.

Как видим, в функциональном отношении трехчленный пассив связан с коммуникативной структурой предложения, его специфику целесообразно рассматривать на уровне тема-рематического членения предложения и сверхфразового единства (СФЕ). Идея о разграничении «грамматической» и «стилистической» функций пассива была высказана еще в первой половине XX века: «Грамматическая функция страдательной формы – это ее употребление в том случае, когда предложение строится без *agens'a* <...> стилистическую функцию имеет полная (трехчленная) пассивная конструкция» [Курилович, 1946, с. 387]. Эта точка зрения была развита позднее в терминах коммуникативного синтаксиса: «Конверсивное преобразование – второе, помимо «чисто залогового», значение пассива, которое связано с условиями вхождения в текст» [Левицкий, 1978, с. 228]. Это в некоторой степени объясняет утверждение функциональной стилистики о том, что трехчленные ПК присущи книжным стилям.

Сопоставительное исследование трехчленного пассива, проведенное нами на материале английского, немецкого и русского языков, решало следующие задачи:

- анализ текстовых функций трехчленной ПК;
- установление различия в моделях предложения типа *Вопрос решен нами* и *Нами решен вопрос*;
- сопоставление результатов, полученных в русском языке (РЯ), с данными на материале английского (АЯ) и немецкого языков (НЯ).

Объектом сопоставительного исследования послужили ПК с агентивным дополнением в форме творительного падежа (РЯ), с предлогами *by* (АЯ) и *von* или *durch* (НЯ). В качестве репрезентативного источника языкового материала для нашего исследования послужили корпуса с функцией конкорданса на платформе Национального

корпуса русского языка (НКРЯ): основной корпус, параллельные и газетный (СМИ). Запрос на поиск с одушевленным АД дал более 18 тыс. примеров в основном корпусе и более тысячи в параллельных подкорпусах (с неснятой омонимией).

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ТРЕХЧЛЕННОЙ ПАССИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Коммуникативные функции трехчленной ПК, представленные ниже, можно разделить на способы актуализации информации в пределах предложения (актуальное членение предложения, далее – АЧП) и когезийную функцию, которая затрагивает уже СФЕ.

1. Рематизация агенса в процессе актуального членения предложения. При этом следует отметить более высокую встречаемость АД-ремы в английском языке, что, несомненно, связано с фиксированным порядком слов. В русском языке рема может быть выражена как при помощи АД, так и путем синтаксической аранжировки, за счет конечной позиции подлежащего в активе, что невозможно в АЯ. Это различие хорошо прослеживается в текстах параллельного подкорпуса, срав.:

АЯ: Because nearly the whole of the produce of our labour **is stolen** from us by human beings (G. Orwell. *Animal farm*).

РЯ: Потому что едва ли не все плоды нашего труда присваивают себе люди (Дж. Оруэлл. *Скотный двор*).

В немецком языке при рематизации агенса также возможен выбор между активом и пассивом, прежде всего, благодаря подвижной позиции дополнения-пациенса:

РЯ: Размышления мои **были прерваны** приходом одного из казаков... (А. С. Пушкин. *Капитанская дочка*. 1836).

НЯ: Meine Überlegungen **unterbrach** der Eintritt eines Kosaken... (A. Puschkin. *Die Hauptmannstochter*. F. Frisch. 1944).

Возможен и перевод с сохранением пассива:

Meine Überlegungen wurden durch den Eintritt eines Kosaken **unterbrochen**.

В случае рамочной конструкции и конечной позиции основного глагола АД-рема в НЯ фокусируется посредством обособления:

Alarich plünderte das Römische Reich 410. In 455 **wurde** Rom erneut heimgesucht, dieses Mal von

Geiserichs Truppen (H. Müller. *Schlaglichter der deutschen Geschichte*);

либо используется специфичный случай инверсии, когда основной глагол в форме причастия второго занимает позицию темы:

Durchgeführt wurde die Untersuchung von den Mitarbeitern des bahnamtlichen Fundbüros, Frau Paula Blohm und Herrn Henry Neff... (S. Lenz. *Fundbüro*).

Наши наблюдения согласуются с исследованием немецкого пассива как «дискурсивной синтактико-морфологической категории», предоставляющей говорящему возможность «избирать в качестве отправной точки коммуникативного членения информации один из компонентов коммуникативной ситуации и выдвигать в позицию темы либо пациенс, либо агенс, либо само действие» [Казанцева, 2024, с. 65].

2. Трехчленный пассив является средством компрессии текста. Актанты, играющие роль АД, могут распространять один предикат как однородные члены предложения:

АЯ: Two of the pictures were taken by the woman, two by the man, and one appeared to have been shot from the tripod set up on the nightstand (Th. Harris. *The Silence of the Lambs*. 1988).

РЯ: Два снимка были сделаны мужчиной, два женщиной, один автоспуском со стороны (Т. Харрис. *Молчание ягнят* / пер. И. Бессмертной, И. Данилова. 1993).

Сочинительная связь активного и пассивного сказуемого позволяет «свернуть» сложное предложение в простое с одним подлежащим, которое сохраняет позицию топики и выполняет одновременно две семантические роли – агенса и пациенса, например:

РЯ: Симон <...> обитая в городе, каждодневно **был бум** гражданами и скончался от ран, причиненных побоями (И. Бунин. *Аглая*).

АЯ: They **were staying** at the same hotel and **were treated** by the same doctor... (W. S. Maugham. *The Three Fat Women of Antibes*).

НЯ: Marcks **übernahm** 1941 eine Infanteriedivision und **wurde** gleich in den ersten Tagen des Ostfeldzugs schwer verwundet (R. D. Müller. *Der Feind steht im Osten*).

3. Когезийная функция трехчленной ПК сопровождает АЧП. АД обеспечивает анафорическую связь, выступая в качестве antecedenta, или первого

элемента связи. Типичными анафорическими словами являются местоимения-заместители; содержанием анафорической отсылки может быть субстанциональное и / или концептуальное тождество¹. В нашем анализе самыми частотными местоименными словами оказались личные и относительные местоимения, которые составили ядро грамматических средств анафорической связи:

– **личные местоимения:**

- Бывают такие минуты, когда будущее представляется человеком в столь мрачном свете, что он боится останавливать на нем свои умственные взоры (*Л. Толстой. Отрочество*).
- These laws may have been ordained by God, but it seems that He does not intervene in the universe to break the laws (*S. Hawking. Black Holes and Baby Universes*).
- Sie ist besessen von diesem Räuber, er beherrscht all ihr Denken! (*C. Funke. Tintentod*);

– **относительные местоимения:**

- Дед Иван вскоре был поднят медсестрой, которая проверила его пульс (*Л. Петрушевская. Маленькая волшебница*).
- The accuracy of the times and dates was attested to by Terrence W. Steel, Jr., whom I had known simply as Terry (*K. Vonnegut. Hocus Pocus*).
- Die sind vergiftet von all dem Dreck, den die Fabriken auf dem Festland ins Meer pumpen (*C. Funke. Herr der Diebe*);

– **указательные местоимения**

(наиболее типичны для АЯ и НЯ):

- Александр попытался уехать в Карию, чтобы жениться и стать там царем, но его планы были перечеркнуты отцом. Теперь тот готов был устранить его и от власти над Македонией (*А. Волков. И целого мира мало!*)
- In future all questions <...> would be settled by a special committee of pigs, presided over by himself. These would meet in private and afterwards communicate their decisions to the others (*G. Orwell. Animal farm*).
- Gebaut wurde die Brücke vom Konzern Strojgasmontasch. Dieser gehört dem Oligarchen Arkadij Rotenberg... (*Der Spiegel. 23.12.2020*);

– **причастие / причастный оборот (РЯ и АЯ):**

- Следующий шаг был сделан Джоном Гуденафом, родившимся в 1922 году (*Знание – сила. 2020*).
- I sometimes had reason to question conclusions that had been drawn by forensic scientists working for the prosecution (*A. Gallop. When the Dogs Don't Bark*).
- Many of Wikipedia's articles on the British aristocracy were largely written by a user known as Lord Emsworth (*W. Isaacson. The Innovators*).

Кроме того, анафорическая отсылка может осуществляться при помощи лексических средств, в частности:

– **прямой повтор:**

- Дом должен быть населен людьми, а люди наполнены той излишней теплотой жизни, которая названа душой (*А. Платонов. Котлован*).
- Wie mancher König wird durch seinen Minister, wie mancher Minister durch seinen Sekretär regiert! (*J.W. Goethe. Die Leiden des jungen Werther*).

При использовании нарицательных существительных в АЯ и НЯ маркирование нового и данного (при повторе) осуществляется артиклями:

In training, the correct operation of the auto throttle had been dismissed by an instructor as an annoying anomaly. We can imagine the instructor tragically saying, "It does that sometimes" (*D. A. Mindell. Our Robots, Ourselves*);

– **лексическая парадигма:**

- Басурман депортировали с южных территорий превентивно, не дожидаясь, пока край будет занят оккупантами и малые народы и народцы получат возможность перебраться к врагу (*Г. Яхина. Зулейха открывает глаза*).
- The silence was broken abruptly by the jungle of the telephone. The bell sounded again, then stopped (*A. Hailey. Hotel*).
- Das Projekt war umblendet von Millionen! Das Geld des "kleinen Mannes" floß <...> in Strömen. (*B. Kellermann. Der Tunnel*);

– **описание:**

- В Ветхом Завете мы читаем о том, как человек был создан всечеловеком, и в нем <...> заключалось всё и женственное, и мужское (*Антоний (Блум). О браке, о детях*).

¹Падучева Е. В. Анафорическое отношение // БЭС «Языкознание». М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 32

- When the human genome was decoded, scientists discovered that the genome of a chimpanzee was nearly identical to that of a man (*M. Crichton. NEXT*).
- Das Unternehmen wurde von Edmund Neff gegründet, das war mein Großvater... (*S. Lenz. Fundbüro*);
- **словообразовательная парадигма:**
 - Но всё-таки была одна странность в этой прекрасной литературе: вся она была написана мужчинами о мальчиках. Всё о чести, о мужестве, о долге. Как будто всё русское детство – мужское... (*Л. Улицкая. Зелёный шатер*).
 - The timetable about me and Zuzu was signed by the detective and notarized. I knew the Notary (*K. Vonnegut. Hocus Pocus*).
 - Es ist verdrängt von Gegenwart; das kann in dieser Weise nicht gegenwärtig werden! (*R. Musil. Der Mann ohne Eigenschaften*).

Как видим из представленных примеров, «набор» анафорических средств в языках в целом совпадает; различие в типе языка сказывается в том, что в РЯ и НЯ более широко представлены словоизменяемые формы местоимений и существительных, чем в АЯ. Анализ когезийной функции АД подтверждает высказанную ранее идею о том, что трехчленная ПК, «обладая возможностью к размещению значительного объема информации, позволяет развить семантику агенса» [Ишмухаметова, 2010, с. 173–174], т. е. обеспечивает динамику ремы в текстовом развертывании и, таким образом, выходит за пределы предложения, участвуя в организации СФЕ и текста.

РОЛЕВАЯ СТРУКТУРА

В РЯ распространены высказывания, первую позицию в которых занимают существительные / местоимения в форме творительного падежа, своего рода «перевернутый» пассив, когда АД находится в позиции темы, или топики, ср.: *Вопрос решен нами. – Нами решен вопрос*. Одна из попыток интерпретировать такие конструкции опирается на наличие «домысливаемой или явствующей из контекста супертемы, например: *Что можно сказать об Иване? – (Что) Иваном написан отчет*» [Зельдович, 2010, с. 18]. Однако, по мнению автора, во фразах типа *Ланцелотом был убит дракон* или *Здесь фараоном Снофру была построена пирамида* крайне трудно найти подходящую супертему, из чего следует, что «субъект в таких страдательных предложениях является хоть и не совсем привычной с виду, но – ремой»

[там же, с. 19]. Как видим, толкование получается противоречивым и довольно-таки спорным.

Вместе с тем существует иная точка зрения, изложение которой начнем с цитаты: «Будучи воспитанными в “среде” номинативной грамматики, мы уже настолько привыкли рассматривать всё с позиции своих грамматических знаний, что любую реальную единицу коммуникации пытаемся подогнать под единый общий формально-синтаксический стандарт. Однако оказывается, что таких стандартов **несколько**, и, анализируя данную нам непосредственную реальность речи, мы должны исходить из существующего плюрализма стандартов» [Левицкий, 2007, с. 128]. В соответствии с концепцией альтернативных грамматик, изложенной в трудах Ю. А. Левицкого, рассматриваемая конструкция – это не «перевернутый» пассив, а высказывание ролевой структуры с подлежащим в форме «эргативного» падежа, т.е. падежа деятеля. Решающую роль здесь играет первая позиция в предложении, которая ассоциируется для наивного носителя языка с подлежащим. Идею о том, что цивилизованный человек пользуется в своей речевой практике не единственной грамматикой, высказывали А. Гардинер, И. Мещанинов, С. Кацнельсон и др.: «...бок о бок с наиболее виртуозными произведениями ораторского искусства уживаются высказывания, находящиеся на одном уровне с выкриками обезьяны. Из сегодняшней живой речи можно извлечь подтверждение каждой стадии развития языка» [цит. по: Арутюнова, 1972, с. 320]; «будучи разновременными по происхождению, разные синтаксические конструкции могут сосуществовать в языке одновременно» [Мещанинов, 1975, с. 296]. Таким образом, следует разграничивать в РЯ пассивную конструкцию – *Вопрос решен нами*, и ролевую структуру – *Нами решен вопрос* как разные типы предложений, хранящиеся в языковом сознании носителя РЯ.

Примеры основного корпуса НКРЯ (340 вхождений) показали, что рассматриваемая ролевая структура является редкой моделью для жанра художественной литературы, подобные примеры единичны:

- Поваром был приготовлен вкуснейший пирог и зажарена четверть телятины (*А. Ф. Писемский. Мещане*).
- Соловьевым был выдвинут и ряд более мелких замечаний к французской монографии... (*Е. Водлазкин. Соловьев и Ларионов*).

Наиболее типичными оказались такие жанры, как публицистика, мемуары, научно-популярная литература и т. п.:

- Луговским была сочинена огромная речь, произнесенная на заседании правления ВАПП (*В. Шамамов. Начало*).
- Коненковым была выстроена из дерева голова Есенина (*И. И. Старцев. Мои встречи с Есениным*).
- Гегелем была выдвинута принципиально новая концепция логики (*А. А. Ивин. По законам логики*).

Исходя из этого, для иллюстрации примеров был использован газетный подкорпус (СМИ), 3693 предложения с именем существительным и личным местоимением в качестве АД. Содержанием статей является отсылка к текстам следующих жанров:

- **официальные документы**, касающиеся органов власти всех уровней (*законодательная, исполнительная, судебная*):
 - Госдумой был принят закон, чтобы при проектировании домов там закладывалась инфраструктура связи (*Парламентская газета. 15.06.2021*).
 - Правительством были приняты меры по поддержке отрасли (*Парламентская газета. 07.20.2020*).
 - Прокурорами будет дана оценка полноте, своевременности и законности принятия мер должностными лицами... (*Парламентская газета. 26.11.2021*);
- **научный дискурс**:
 - Автором были проведены расчеты диаметров атомных ядер по формуле (9) ... (*Геоинформатика, 2003*). С этой целью нами была создана экспертная система «Лаборантавто», позволяющая... (*Информационные технологии. 2003*);
- **новости, объявления**:
 - Злоумышленники <...> скрылись на машине. Полицией был объявлен план «Перехват» (*Московский комсомолец. 25.09.2019*).
 - Позже общественностью было раскритиковано решение о номинации сериала «Эмили в Париже»... (*Ведомости. 11.05.2021*).
 - Бразильской стороной были нарушены сроки по вызову Малкома, но клуб пошел навстречу и отпустил игрока (*Ведомости. 08.09.2021*).
- **рекламные тексты**:
 - Компанией «Нефтиса» были выделены значительные средства на реконструкцию и ремонт детсадов и школ, скверов и парков, строительство новых детских игровых площадок (*Московский комсомолец. 04.01.2018*).

- «Эндомакет» – динамично развивающаяся компания. Нами была выстроена четкая и структурированная система управления, поставок и логистики, которая доказала свою эффективность (*Коммерсант. 07.10.2020*).

Использование в позиции АД местоимений 3-го лица обусловлено субституцией, таким образом, они выступают как анафорические слова:

- В ходе процесса было установлено, что соучастники готовили покушение. Ими был куплен автомобиль в Литве, который затем доставили в Швецию (*NEWSru.com. 11.01.2021*).
- Первая советская перепись населения проводилась с 28 августа 1920 года, во время Гражданской войны. Ею было охвачено только 72 % населения России (*Парламентская газета. 28.08.2020*).

При использовании местоимений 1-го лица происходит указание на говорящего или группу лиц:

- Власти Москвы могут ужесточить меры по ограничению массовых мероприятий из-за угрозы распространения коронавируса. «Мной был подписан указ об ограничении массовых мероприятий», – цитирует ТАСС Собянина (*Известия. 12.03.2020*).

Семантика существительных в позиции АД представлена следующими тематическими группами:

- **род занятий, должность**:
 - Президентом было принято решение о недельных каникулах (*Vesti.ru. 26.03.2020*).
 - Пилотом была допущена ошибка, из-за чего крыло самолета зацепилось за здание (*Московский комсомолец. 25.06.2019*).
- **группа лиц**:
 - Специалистами были проанализированы причины смерти пожилых людей в одиннадцати европейских странах (*Lenta.ru. 05.12.2020*).
 - Силовиками были обнаружены десять гильз <...> травматического оружия (*Vesti.ru. 23.06.2020*).
- **орган власти**, организация или учреждение, подразумевающие группу лиц как результат метонимического переноса (Дума, комитет, прокуратура, комиссия и т. п.):
 - Командованием была поставлена задача продемонстрировать десант группы вооруженных парашютистов (*Парламентская газета. 02.08.2020*).

- Вузами было принято решение о зачислении поступающих олимпиадников за счет средств университета (*Парламентская газета*. 04.09.2021).

С точки зрения АЧП, занимающее начальную позицию, АД является темой высказывания; таким образом, в денотативном и коммуникативном аспекте предложения ролевая структура сближается с активом:

Вузами было принято решение. –

Вузы приняли решение.

Мной был подписан указ. – **Я** подписал указ.

Различие между этими парами предложений – стилистическое, точнее, функционально-прагматическое: выбор актива или пассива определяется стратегией речевого поведения. «Активная конструкция с субъектом придает формулировке более личный характер, пассивная конструкция увеличивает дистанцию общения, придает ему формальный, официальный тон» [Маркова, 2016, с. 207]. На наш взгляд, ролевая структура позволяет решить одновременно две задачи: использовать грамматическую форму пассива, свойственную официально-деловому и научному стилю, и одновременно «затушевать» личность агенса благодаря форме творительного падежа. Употребление косвенного падежа типично для других высказываний ролевого типа, которые широко распространены в живой речи, ср.: Мне холодно (вместо: *Я мерзну*), Нам кажется (вместо: *Мы полагаем*) и т. п. Характерная черта РЯ как флективного – способность освобождения от жесткого порядка слов путем развития словоизменения. «Словоформа выступает в качестве формального маркера не только члена предложения, но и семантической роли слова» [Левицкий, 2007, с. 130].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Назначение трехчленной ПК связано с коммуникативной структурой предложения. Сопоставительное исследование установило три базовые текстовые функции трехчленного пассива на уровне предложения и СФЕ: тема-рематическое членение, языковую экономию и когезию, когда АД занимает позицию ремы и обеспечивает анафорическую связь, выступая в качестве антецедента. Указанные функции, как и «набор» анафорических средств, являются общими для языков разного типа; при этом наблюдаются некоторые различия, связанные с возможностями синтаксической аранжировки и словоизменительными формами имени. Таким образом, маркируя ядро высказывания и осуществляя стратегию связности, трехчленная ПК выступает как текстообразующая категория, на функции которой в ряде случаев накладывается свой отпечаток тип языка.

Формой, специфичной для РЯ, является «перевернутый» пассив, или ролевая структура, начальную позицию в которой занимают существительные / местоимения в форме творительного падежа. Если обычная трехчленная ПК с АД-ремой широко представлена в текстах разных книжных стилей, включая художественную литературу, «перевернутый» пассив ограничен официально-деловым и научным жанром. Точка зрения на «перевернутый» пассив как высказывание ролевой грамматики, сохранившейся в языковом опыте носителя РЯ, представляется разумной, как и теория альтернативных грамматик в целом, так как она способна объяснить факт наличия множества моделей предложения в РЯ, затрудняющих строгое научное описание. В отличие от АЯ и НЯ, русский язык сохранил черты «доминативного» синтаксиса и обладает большим синтаксическим разнообразием и выразительными возможностями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Некрасова И. М. «Безагентные» структуры: пассив и не только: монография. Пермь: ПГГПУ, 2016.
2. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. яз., под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1978.
3. Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике: (на материале глагольных форм соврем. нем. яз.). М.: Высшая школа, 1970.
4. Храковский В. С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л.: Наука, 1974. С. 24–46.
5. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Иностранная литература, 1958.
6. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975.
7. Курилович Ю. Г. Эргативность и стадильность в языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1946. Т. V. Вып. 5. С. 387–393.
8. Левицкий Ю. А. Пассив в системе глагольных форм // Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978. С. 226–229.
9. Казанцева Ю. М. Типологическое измерение категории залога в современном немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 7 (888). С. 59–66.

10. Ишмухаметова А. З. Гиперсинтаксические функции немецких пассивных конструкций // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 3. С.170–175.
11. Зельдович Г. М. Синтетический пассив совершенного вида на -ся: Почему его (почти) нет? // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 3–36.
12. Левицкий Ю. А. Альтернативные грамматики. Пермь: ПГПИ, 2007.
13. Арутюнова Н. Д. Предложение и высказывание // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. С. 320–328.
14. Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л.: Наука, 1975.
15. Маркова В. А. Употребление активных и пассивных структур в различных видах дискурса в свете функционально-прагматического подхода // Электронный научный журнал. 2016. № 10-1 (13). С. 206–213.

REFERENCES

1. Nekrasova, I. M. (2016). "Bezagentnye" struktury: passiv i ne tol'ko... = "Agentless" structures: passive and beyond... Perm: University Edition. (In Russ.)
2. Lyons, J. (1978). Introduction to theoretical linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.)
3. Shendels, E. I. (1970). Mnogoznachnost' i sinonimiya v grammatike = Polysemy and synonymy in grammar. Moscow: Vysshaya Shkola (In Russ.)
4. Khrakovskiy, V. S. (1974). Passivnye konstruksii = Passive constructions. In Tipologiya passivnykh konstruksiy. Diatezy i zalogi (pp. 24–46). Leningrad: Nauka. (In Russ.)
5. Jespersen, O. (1958). The philosophy of grammar. Moscow: Inostrannaya Literatura. (In Russ.)
6. Chafe, W. (1975). Meaning and the structure of language. Moscow: Progress. (In Russ.)
7. Kurilovych, Y. G. (1946). Ergativnost' i stadial'nost' v yazyke = Ergativity and stadiality in language. Izvestiya Akademii nauk USSR, 5, 387–393. (In Russ.)
8. Levitskiy, Y. A. (1978). Passiv v sisteme glagolnykh form = Passive in the system of verb forms. Problemy teorii grammaticheskogo zaloga (pp. 226–229). Leningrad: Nauka. (In Russ.)
9. Kazantseva, Y. M. (2024). The typological dimension of the category of voice in modern German. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 59–66. (In Russ.)
10. Ishmukhametova, A. Z. (2010). Gipersintaksicheskiye funktsii nemetskikh passivnykh konstruksiy = Hypersyntactic functions of German passive constructions. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 12/3, 170–175. (In Russ.)
11. Zeldovich, G. M. (2010). Sinteticheskiy passiv sovershennogo vida na -s'a: Pochemu yego (pochti) net? = Synthetic passive of perfect aspect with the final -s'a: Why doesn't it (almost) exist? Voprosy yazykoznanii, 2, 3–36. (In Russ.)
12. Levitskiy, Y. A. (2007). Alternativnye grammatiki = Alternate grammars. Perm: University Edition. (In Russ.)
13. Arut'unova, N. D. (1972). Predlozheniye i vyskazyvaniye = Sentence and utterance. Obshchee yazykoznanie. Vnutrenn'aya struktura yazyka (pp. 320–328). Moscow: Nauka. (In Russ.)
14. Meshchaninov, I. I. (1975). Problemy razvitiya yazyka = Problems of language development. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
15. Markova, V. A. (2016). Upotrebleniye aktivnykh i passivnykh struktur v razlichnykh vidakh diskursa v svete funktsional'no-pragmaticheskogo podkhoda = The use of active and passive structures in different types of discourse in the light of functional-pragmatic approach. Elektronnyi nauchnyi shurnal, 10-1(13), 206–213. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Некрасова Ирина Михайловна

кандидат филологических наук, доцент

и. о. заведующего кафедрой романо-германских языков и межкультурной коммуникации
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nekrasova Irina Mikhailovna

PhD (Philology), Associate Professor

Acting Head of the Department of Romanic and Germanic Languages and Cross-cultural Communication
Perm State Humanitarian Pedagogical University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.04.2025
10.05.2025
15.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Репрезентация плача в испанском языке (на материале имен существительных)

Е. А. Попова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ogenia@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантики и культурных коннотаций испанских имен существительных, входящих в лексико-семантическое поле ПЛАЧ. Цель исследования – выявить лингвистические и лингвокультурологические особенности значений существительных, вербализующих плач в испанском языке. Методы исследования – семантический, этимологический, лингвокультурологический анализ, сплошная выборка, статистический метод (анализ частотности употребления языковых единиц). Материал исследования – 48 испанских существительных со значением плача и плачущих субъектов, отобранных из толковых и идеографических словарей. Результатом исследования является классификация лексем плача по смысловым группам, согласно их семантическим особенностям; выявлены стилистические, территориально и культурно обусловленные характеристики исследуемых языковых единиц.

Ключевые слова: испанский язык, имя существительное, плач, семантика, коннотации

Для цитирования: Репрезентация плача в испанском языке (на материале имен существительных) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 83–89.

Original article

Representation of Crying in Spanish Language (based on Spanish nouns)

Evgeniya A. Popova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
o-genia@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the semantics and cultural connotations of Spanish nouns belonging to the lexical-semantic field CRYING. The aim is to identify the linguistic and linguocultural features of nouns that verbalize crying in the Spanish language. The research methods include semantic, etymological, and linguocultural analysis, sampling and statistics (analysis of usage frequency). The research material consists of 48 Spanish nouns with the meaning of crying and people who cry, selected from explanatory and ideographic dictionaries. The research results in a classification of crying-related lexemes into semantic groups according to their semantic features, as well as in the identification of stylistic, territorial, and culturally determined characteristics of the linguistic units under the study.

Keywords: Spanish language, noun, crying, semantics, connotations

For citation: Popova, E. A. (2025). Representation of crying in Spanish language (based on Spanish nouns). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 83–89. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Плач представляет собой эмоциональную реакцию, чаще всего возникающую в ответ на печаль, горе или страдание, однако он также может быть вызван яростью, чувством бессилия или облегчением. При этом плач не всегда сопровождается слезами, хотя этот элемент является частью определения данного понятия. Плачем также называют жалобы, нытье или капризы. Таким образом, исследование языковой репрезентации плача представляется актуальным, поскольку помогает понять, как язык отражает эмоциональные состояния человека. Плач также может служить культурной доминантой, при том что в разных культурах обозначающие его языковые единицы имеют свои уникальные семантические характеристики и оттенки [Товкайло, 2020].

Предметом данного исследования выступают имена существительные, вербализующие плач в испанском языке. Настоящая работа, таким образом, продолжает наши предыдущие изыскания в указанной области применительно к испанскому языку, развивая и дополняя полученные ранее результаты и выводы [Гусева, Попова, 2023; Попова, 2023].

Цель работы – выявить лингвистические и лингвокультурологические характеристики значений существительных, репрезентирующих концепт плача в испанском языке. Круг наших задач включает исследование частотности изучаемых языковых единиц (*далее* ЯЕ), особенностей их происхождения, культурно обусловленных черт в зависимости от национального варианта испанского языка, а также разработку их классификации по семантическим и стилистическим параметрам.

Основными методами исследования выступают семантический, этимологический, лингвокультурологический и статистический анализ ЯЕ лексико-семантического поля «Плач». Материалом для анализа послужили 48 существительных указанного поля; список составлен в результате сплошной выборки из толковых словарей испанского языка (DRAE¹; Moliner, 2009²; RAE amer³), переводного словаря *Multitran*⁴ и тезаурусов – идеографического словаря Р. Дель Морала (*Del Moral*, 2009)⁵ и онлайн-словаря синонимов испанского

языка (*Sinónimos españoles*)⁶. Отобранные существительные представляется целесообразным разделить на два блока, в первом из которых будут находиться неодушевленные, обозначающие сам плач и его виды (*слезы, рыдания, стенания, хныканье, нытье* и т. д.), а во втором – одушевленные, указывающие на плачущих субъектов (*плакса, плакальщик, нытик, рева* и др.).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЛАЧА И ЕГО ВИДОВ

Анализ лексем, составляющих первый блок, показал, что большинство из них образовано от глаголов (*gemir – gemido; llorar – lloradera, llorera; lloriquear – lloriqueo* и др.). Тем не менее самым общим и нейтральным термином для обозначения плача является *llanto*, не имеющий глагольной пары. Близкий к нему по значению, но более разговорный вариант – *lloro*. Отметим и нейтральные эквиваленты указанных понятий в национальных вариантах испанского языка: *llorada* для Мексики, Гватемалы, Эль Сальвадора, Колумбии и Эквадора; *llorido* – для Мексики и США (согласно словарю американизмов RAE amer).

С помощью электронного тезауруса *Sinónimos españoles* на основе данных количественного анализа порядка 750 примеров употреблений ЯЕ *llanto* и его синонимов в режиме онлайн была автоматически составлена схема 20 наиболее частотных неодушевленных существительных, обозначающих плач (см. схему 1). Размер кругов указывает на частотность использования синонимов существительного *llanto*, а числовое обозначение в каждом из них – на количество примеров, в которых они встречаются.

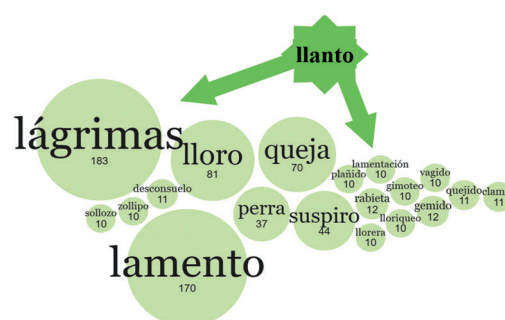

Схема 1. Частотность синонимов существительного *llanto* (плач)⁷

¹DRAE: Diccionario de la Real Academia española. URL: <https://dle.rae.es> (дата обращения: 25.01.2025).

²Moliner M. Diccionario de uso del español. Madrid: Gredos, 2009.

³RAE amer: Diccionario de americanismos. Real Academia Española. URL: <http://lema.rae.es/damer/> (дата обращения: 25.01.2025).

⁴Multitran: электронный словарь. URL: www.multitran.ru (дата обращения: 25.01.2025).

⁵Del Moral R. Diccionario ideológico. Atlas léxico de la lengua española. Barcelona: Herder, 2009.

⁶Sinónimos españoles. URL: <https://www.sinonimos.es/> (дата обращения: 25.01.2025).

⁷Составлена с помощью электронного ресурса *Sinónimos españoles*. URL: <https://www.sinonimos.es/> (дата обращения: 25.01.2025).

Многочисленные существительные, вербализующие плач, мы предлагаем разделить на несколько смысловых групп, согласно их семантическим особенностям. Во-первых, плач может быть связан с определенными физиологическими проявлениями. Так, *sollozo* обозначает рыдание, прерывистый плач с судорожными вдохами; *singulto* имеет то же значение, но его употребление менее частотно; *suspiro* в большей степени характеризуется судорожными вдохами (слезы в таком «плаче», как правило, отсутствуют), а *vagido* – это плач новорожденного, слово часто используется в медицинском или литературном контексте. Синонимом ЯЕ *lloro* в данной группе также выступает метонимическое значение существительного *lágrimas* (букв. 'слезы'). Наконец, *gemido* – плач, как правило, сопровождающийся стоном от физической боли или эмоциональных страданий.

Во-вторых, плач ассоциируется с сильными эмоциями, для чего в испанском языке существуют лексемы *aflicción* (плач, вызванный глубокой печалью и страданиями), *clamor* (воплé отчаяния) и *desconsuelo* (безутешные рыдания, вызванные отчаянием), *berrín* (плач, связанный с разочарованием или обидой). Эквивалентом слова плач также выступает более книжный вариант *plañido*, исторически содержащий религиозный подтекст и ассоциирующийся с глубокой скорбью (ср. описание семантики соответствующего глагола).

Отдельным подвидом эмоционального плача можно назвать детские истерики, для описания которых используется ЯЕ *rabieta* (плач, обусловленный вспышкой гнева, от сущ. *rabia* – гнев) и ее разговорные синонимы – *berrinche* и *verraquera* ономастопозитического происхождения (ср. глаголы *berrear* и *verraquear*, имитирующие звуки животных и метафорически означающие детский капризный плач). Указанные лексемы также выражают ироничное отношение к поведению некоторых взрослых.

Упомянутые группы существительных описывают сильный плач, однако речь может идти о качественно ином – плаче-нытье, зачастую не подразумевающим искренних эмоций. К лексическим единицам, описывающим такие проявления, относятся следующие:

- *queja(s)* – хныканье, обычно выражает обиду;
- *lloriqueo, lamento* – нытье, сетование, причитание; первая ЯЕ часто используется для описания детского плача, а вторая – чрезмерных жалоб;
- *lloradera (разг. llorera, llantina, llantería/-o)* – усиленный причитаниями или продолжительный плач, часто с оттенком раздражения со стороны наблюдателя;

- *jeremiada* – плач или жалобы, с драматическим оттенком (аллюзия на библейский Плач пророка Иеремии; в современном языке слово имеет ироничные коннотации, а в боливиjsком национальном варианте испанского языка его аналогом является *jeremiqueo*);
- *llantera, perra, puchero* – разговорные обозначения плача-нытья, обычно – с оттенком иронии; *perra* (букв. 'собака' (самка); ср. рус. скулеж) и *puchero* (букв. 'горшок', по определению это плач, сопровождающийся надутыми губами) в большей степени характеризуют детские капризы и основаны на метафорическом переносе;
- *guaya* (Андалусия), *zollipo* (Арагон) – разговорные ЯЕ, обозначающие плач, жалобы и нытье в определенных регионах страны.

Испанский язык, таким образом, обладает разнообразной лексикой для описания плача, что отражает сложность и многогранность данного эмоционального состояния. Исследуемый материал иллюстрирует связь лексики плача с культурой: некоторые существительные (*plañido, jeremiada*) имеют исторические или религиозные корни, а наличие региональных вариантов (*guaya, zollipo, jeremiqueo*) демонстрирует влияние локальных культур на язык. С точки зрения семантики, лексика плача в испанском языке передает не только сам факт плача, но и его эмоциональную интенсивность, причины и отношение к нему (например, ирония в *jeremiada* или *perra* или раздражение со стороны наблюдателя – в *lloradera, llorera*).

Отдельным подвидом плача, не включенным в вышеприведенную классификацию, является плач как литературное (поэтическое) или музыкальное произведение, песнь. Использование слова в таком значении связано с его историческим и культурным контекстом. В традиционной культуре, особенно в фольклоре, «плач» (или «причитание») – это особый жанр песенно-поэтического творчества, который выражает скорбь, горе или печаль. Такие песни часто исполнялись во время ритуалов, связанных с похоронами, проводами на войну или другими трагическими событиями. Они служили способом эмоционального выражения и передачи глубоких чувств (см., например, «Плач Ярославны»).

В испанском языке эквивалентами существительного плач в данном значении, помимо слова *llanto* (*Llanto por Ignacio Sánchez Mejías* – «Погребальный плач по Игнасио Санчесу Мехиасу» Ф. Гарсиа Лорки), выступают слова *lamentación /-es* (*Lamentaciones de Jeremías* – «Плач Иеремии»), *planto* (*Planto que hizo la Virgen el día de la Pasión de su Fijo* – «Плач Богородицы в день Страстей Ее

Сына» Г. де Берсео) и *endecha* (*Endecha* – «Плач» композитора Ф. Тарреги). Отдельным, культурно обусловленным жанром в данной области, на наш взгляд, можно считать *llorado* (*llorao*) – плач-песню колумбийских крестьян льянерос, присущую испанскому языку Колумбии¹.

Интересно отметить, что в испанском языке нами было обнаружено в два раза больше существительных плача, чем в русском (согласно онлайн-словарю синонимов русского языка² и работам М. С. Ротовой [Ротова, 1984; Ротова, 2009]), тогда как глаголов в соответствующих семантических полях двух языках – примерно поровну [Попова, 2022]. Факторы и особенности лингвистического и экстралингвистического характера, влияющие на подобные расхождения, могут стать предметом дальнейших исследований в данной области.

Схема 2 обобщает полученные результаты.

Схема 2. Неодушевленные существительные, обозначающие плач и его виды

«АГЕНС АКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ»: ПЛАЧУЩИЕ СУБЪЕКТЫ

По аналогичной схеме можно проанализировать значение лексем, составляющих второй блок – одушевленных существительных, которые обозначают плачущих субъектов. Большинство из них образованы от глаголов, связанных с плачем (*llorar* – *llorica*, *llorador*, *llorón*; *plañir* – *plañidero*), или имеют метафорическое происхождение (*jeremías*, *lagrimoso*). Классифицируя данные ЯЕ по семантическим группам, в первую очередь выделим наиболее общие обозначения для тех, кто плачет, имеющие определенные стилистические нюансы: *llorador* часто используется в литературном контексте, а *llorante* отмечается в словарях как устаревшее или поэтическое. *Llorón* в первом значении – нейтральный

вариант для описания человека, который часто плачет и способен легко удариться в слезы (ср. рус. глаза на мокром месте), однако может также обозначать того, кто постоянно жалуется или сетует на что-либо (согласно словарям *DRAE* и *Moliner*).

Отметим, что вариант женского рода от последней ЯЕ – *llorona* (букв. 'плачущая женщина') обладает ярко выраженными культурными коннотациями. Данное существительное связано с легендами, фольклором и культурными представлениями о скорби, наказании и сверхъестественном в странах Латинской Америки. Самая известная легенда о Льороне происходит из Мексики. Она рассказывает о женщине, которая утопила своих детей в реке из-за ревности или отчаяния, а затем, осознав содеянное, покончила с собой. После смерти ее дух обречен вечно скитаться и плакать, ища своих детей³.

Легенда о Льороне символизирует материнскую скорбь, раскаяние и наказание за грехи. Она часто используется как моральный урок, предостерегающий от ревности, гордыни или пренебрежения семейными ценностями. Льорона считается призраком или духом, который появляется ночью у водоемов, издавая жуткие крики и плач. Ее образ часто используется в страшных историях и фильмах ужасов. В более широком смысле благодаря метонимическому переносу слово *llorona* ассоциируется с глубокой печалью и непреодолимым горем. Оно может использоваться для описания женщины, которая плачет из-за потери близких, несчастной любви или других трагедий.

В фольклоре, литературе и искусстве образ Льюроны часто используется для передачи эмоциональной глубины и драматизма. Так, легенда о Льюроне передается из поколения в поколение, особенно в сельских районах Мексики и Центральной Америки. Она является частью устной традиции и часто рассказывается как история-предупреждение. В некоторых версиях Льюрона связана с доколумбовыми мифами, например, с ацтекской богиней Чиуакоатль, которая также ассоциировалась с плачем и скорбью⁴. Образ Льюроны вдохновил множество произведений искусства, песен и фильмов. Например, известная мексиканская народная песня «La Llorona» стала культурным символом страны и часто исполняется во время празднования Дня мертвых, а в 2019 году вышел фильм ужасов «The Curse of La Llorona» (рус.

¹Richard R. et. al. Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia. Madrid: Laval, S. A., 2006. P. 316.

²Синонимы к слову «плач». URL: <https://text.ru/synonym/плач> (дата обращения: 25.01.2025).

³La leyenda de la Llorona // Enciclopedia del lenguaje. URL: <https://lenguaje.com/la-leyenda-de-la-llorona/> (дата обращения: 25.01.2025).

⁴ La trágica historia de la mujer azteca que dio origen a La Llorona // Cultura colectiva. URL: <https://culturacolectiva.com/historia/la-tragica-historia-de-la-mujer-azteca-que-dio-origen-a-la-llorona/> (дата обращения: 25.01.2025).

проклятие плачущей), который популяризировал легенду за пределами испаноязычного мира.

Большую группу слов составляют разговорные ЯЕ для обозначения плакса и нытиков, используемые с оттенком пренебрежения или являющиеся оскорбительными: *llorica*, *lloricón*, *lloreras*, *llantina*, *lloriqueo*, *llorazas*, *lloraduelos*, *lloramigas*, *lloramico*. Помимо упомянутых выше словарей испанского языка, они зарегистрированы в специализированном «Большом словаре оскорблений» (*El Gran Libro de los Insultos*)¹, где можно найти гораздо более подробное описание оттенков их значения. Так, например, согласно DRAE, *llorica* – человек, который часто плачет или ноет по пустякам; ЯЕ имеет помету «разговорное» и используется с оттенком пренебрежения, тогда как в «*El Gran Libro...*» она имеет также компонент значения «слабак» (*flojo*), а на сленге – ассоциации с «маменькиным сынком» и даже нетрадиционной ориентацией (*mariquita*). Подобные ассоциации вызывает и его синоним *lloricón*, который звучит откровенно грубо за счет соответствующего суффикса (ср. *maricón* – груб. гомосексуалист).

Негативные коннотации становятся следствием особенностей словообразования и других единиц данного синонимического ряда, поскольку как уменьшительные (*diminutivos*), так и увеличительные (*augmentativos*) суффиксы в своей оценочной функции зачастую приносят в слова уничижительный оттенок: ср. *lloreras* vs. *guaperas* («самонадеянный, высокомерный красавчик»); *llorazas* vs. *manazas* (перен. «криворукий»). «*El Gran Libro...*» отмечает региональный характер данных существительных (Уэска, Арагон), а также приводит пример диалектного образования *llorigot* (Граус, Арагон) с помощью пейоративного суффикса в значении *tonto* – «дурак». Так, в некоторых частях Испании в языке отражена ассоциация нытья с глупостью.

Отдельного внимания достойны императивные сложные слова *lloraduelos* (букв. 'плачь + боли'), *lloramigas* (букв. 'плачь + хлебные мякиши'), *lloramico* (букв. 'плачь + ребенок'), состоящие из формы повелительного наклонения глагола *llorar* и существительных в форме единственного или множественного числа. Указанная группа является самой метафоричной и описывает наибольшее число семантических классов [Попова, Лавинская, 2021]. В исследовании, посвященном проблемам морфологии и словообразования в испанском языке, Н. Д. Арутюнова подчеркивает тесную связь образных «императивных» слов с лексикой и фразеологией живого языка, а также их продуктивность

в качестве «агенса активного действия», в первую очередь – для «шуточного обозначения лиц и объектов по тому предмету, который с ними ассоциируется» [Арутюнова, 2007, с. 224]. Кроме того, ЯЕ подобного типа, как правило, являются частью разговорной, фамильярной речи. Вышеприведенные существительные обладают всеми перечисленными характеристиками.

Внутри данной группы выделим несколько существительных, значение «плакса», «нытик» у которых появилось путем метонимического переноса:

1) *huerco* – плакса, капризный ребенок; ЯЕ используется в странах Латинской Америки (согласно словарю RAE amer) и в мексиканском национальном варианте испанского языка означает «мальчик», «юноша»; в данном случае имеет место сужение семантики слова;

2) *perra* – значение «детские капризы» трансформировалось в описание человека, который часто плачет или ноет, имеющее пренебрежительный оттенок;

3) *puchero* демонстрирует тот же процесс, что и *perra*: семантика ЯЕ «детский капризный плач с надутыми губами» распространилась на определение человека, который плачет таким образом, указывая на иронию.

Наконец, еще одна выделенная нами группа включает существительные, которые описывают субъектов, плачущих с драматическим оттенком, в связи с чем лексемы имеют ироничные коннотации. Так, *lagrimoso* (*lacrimoso*) – это склонный к слезам или часто плачущий человек (помимо ироничного подтекста, может использоваться как книжное, поэтическое слово).

Plañidero – человек, который плачет или стелет, ЯЕ часто используется в контексте похорон или траура и может иметь культурные коннотации: у римлян и у греков, как и у еврейского народа, было принято на похоронах нанимать профессиональных плакальщиц – *plañideras*, и их число зависело от достатка семьи умершего (а очень богатые семьи могли позволить себе нанимать плакальщиц-мужчин). С растрепанными волосами, покрытыми пеплом, иногда рвущие на себе одежду, они сочетали плач и громкие крики боли с ударами себя в грудь и заламыванием рук в качестве проявления отчаяния².

Изображения скорбящих *plañideras* можно найти и в египетском искусстве, а в готический период они стали характерными атрибутами европейских гробниц. Отметим, что сегодня в испанском языке лексема *plañidero/-a*, с одной стороны, используется для обозначения человека,

¹Celdrán Gomariz P. El gran libro de los insultos: Tesoro crítico, etimológico e histórico de los insultos españoles. Madrid: Esfera de Libros, 2008.

²DECEL: Diccionario Etimológico Castellano en Línea. URL: <http://etimologias.dechile.net> (дата обращения: 25.01.2025).

который много плачет без причины, пытаюсь вызвать жалость (DRAE), а с другой – обязательных участников традиционных праздников религиозного характера испаноязычных стран.

Существительное *jeremías* используется для описания человека, который постоянно жалуется или плачет, устраивая драму напоказ. ЯЕ имеет религиозное происхождение и, следовательно, культурно обусловлена. Этимология основанной на антономазии лексемы *jeremías* восходит к библейскому контексту. Оно происходит от имени Иеремия (*ucn. Jeremías*), одного из великих пророков Ветхого Завета¹. Иеремия известен своими плачами и скорбными пророчествами о разрушении Иерусалима и страданиях еврейского народа. Его книга в Библии, называемая «Плач Иеремии» (*ucn. Lamentaciones de Jeremías*), представляет собой поэтическое выражение глубокой скорби и печали.

Со временем имя Иеремия стало нарицательным и стало использоваться для обозначения человека, который постоянно жалуется, скорбит или выражает недовольство. Таким образом, слово *jeremías* приобрело значение «человек, склонный к жалобам» или «нытик». Это значение закрепилось в испанском языке и стало основой для производных слов, таких как *jeremiquear* («ныть, жаловаться»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило выявить лингвистические и лингвокультурологические особенности существительных, репрезентирующих концепт плача в испанском языке, обладающем богатой и разнообразной лексикой для описания

¹DECEL: Diccionario Etimológico Castellano en Línea. URL: <http://etimologias.dechile.net> (дата обращения: 25.01.2025).

данного эмоционального состояния. Классификация лексем по семантическим группам позволяет сделать вывод о том, что плач в испанском языке может быть связан с различными физиологическими проявлениями (*sollozo, vagido*), сильными эмоциями (*aflicción, desconsuelo*), детскими истериками (*rabieta, berrinche*), а также с плачем-нытьем, который часто не подразумевает искренних эмоций (*lloriqueo, jeremiada*). Кроме того, были выделены региональные и разговорные выражения (*guaya, zollipo*), которые демонстрируют влияние локальных культур на язык.

Ряд существительных обладает культурными коннотациями, связанными с легендами, фольклором или религиозным подтекстом (*llorona, plañido, jeremías*). Такие лексемы не только передают сам факт плача, но и отражают исторические, социальные и эмоциональные аспекты, связанные с данным явлением. Исследование также показало, что испанский язык обладает большим количеством существительных для описания плачущих субъектов, чем, например, русский язык, что может быть связано с культурной значимостью эмоций в испаноязычных странах, где открытое проявление чувств играет важную роль в социальных взаимодействиях.

Полученные результаты подчеркивают важность дальнейших исследований в области лингвокультурологии и семантики, особенно в контексте сравнительного анализа различных языков. Изучение культурно обусловленных ситуаций и концептов, связанных с плачем, может способствовать более глубокому пониманию того, как язык отражает эмоциональный опыт и ценности испаноязычных народов. Таким образом, данное исследование открывает новые перспективы для дальнейших лингвистических и культурологических изысканий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Товкайло Ю. А. Функционально-семантические особенности образных сравнений смеха и плача // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 4. С. 323–343.
2. Гусева О. А., Попова Е. А. Становление семантики глаголов плача в английском и испанском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 7 (875). С. 40–47. DOI 10.52070/2542-2197_2023_7_875_40.
3. Попова Е. А. Семантические компоненты частотных глаголов плача в испанском языке // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2023. № 4 (44). С. 141–155. EDN VVPJUA.
4. Ротова М. С. Лексико-фразеологические поля обозначений смеха и плача в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1984.
5. Ротова М. С. Обозначения плача в современном русском языке // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2009. № 5 (5). С. 43–46.
6. Попова Е. А. Язык смеха в испанской лингвокультуре: лексика, сочетаемость, идиоматика // Вокруг смеха за шесть языков: коллективная монография. М. : Триумф, 2022. С. 117–151.

7. Попова Е. А., Лавинская М. В. Структурно-семантические особенности сложных существительных в испанском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 8 (850). С. 118–128. DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_118.
8. Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования: на материале испанского языка. М.: Языки славянских культур, 2007.

REFERENCES

1. Tovkaylo, Yu. A. (2020). Functional and Semantic Features of Laughter and Crying Figurative Comparisons. Modern Studies of Social Issues, 12(4), 323–343. (In Russ.)
2. Guseva, O. A., Popova, E. A. (2023). Linguistic and Development of Semantics in English and Spanish “Crying” Verbs. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(875), 40–47. DOI 10.52070/2542-2197_2023_7_875_40. (In Russ.)
3. Popova, E. A. (2023). Semantic Components of Frequent “Crying” Verbs in Spanish. Uchenye zapiski nacional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki = Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics, 3(39), 114–123. (In Russ.)
4. Rotova, M. S. (1984). Leksiko-frazeologicheskie polya oboznachenij smekha i placha v sovremennom russkom yazyke = Lexical and Phraseological Fields of Laughter and Crying in Modern Russian Language. PhD thesis in Philology. Voronezh. (In Russ.)
5. Rotova, M. S. (2009). The Expressions of Weeping in Modern Russian Language. Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Linguistics and Intercultural Communication, 5(5), 43–46. (In Russ.)
6. Popova, E. A. (2022). Language of Laughter in Spanish Linguistics and Culture: Vocabulary, Collocations, Idioms. In Around laughter in six languages (pp. 117–151): collective monograph. Moscow: Triumph. (In Russ.)
7. Popova, E. A., Lavinskaya, M. V. (2021). Structural and Semantic Features of Complex Nouns in the Spanish Language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(850), 118–128. DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_118. (In Russ.)
8. Arutyunova, N. D. (2007). Problemy morfologii i slovoobrazovaniya: Na materiale ispanskogo yazyka = Problems of morphology and word formation: on the material of Spanish language. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Евгения Андреевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры подготовки преподавателей редких языков
Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Evgeniya Andreevna

PhD (Philology), Assistant Professor
Assistant Professor at the Department of Rare Languages Teaching Methodology
The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.04.2025
13.05.2025
15.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Репрезентация эмоции «Angst» / «страх» в немецком кинодискурсе

М. С. Попова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
maria_popova_24@mail.ru*

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение эмоционального концепта «Angst» / «страх» в немецкой лингвокультуре, представленного в креолизированных текстах кино. Проводится анализ креолизованного кинотекста, где рассматривается характер взаимодействия и частота использования визуальных, звуковых и вербальных элементов для передачи эмоции «Angst» / «страх» на материале немецкой кинокартины «Das Leben der Anderen» («Жизнь других»). Результаты исследования показывают, что эмоция «Angst» / «страх» реализуется через следующие комбинации: прямая репрезентация данной эмоции достигается за счет сочетания вербальных и визуальных элементов; косвенная репрезентация основана на взаимодействии невербальных и аудиальных компонентов, что обусловлено механизмами восприятия эмоций реципиентом.

Ключевые слова: креолизированный текст, кинотекст, вербальная составляющая, визуальная составляющая, аудиальная составляющая

Для цитирования: Попова М. С. Репрезентация эмоции «Angst» / «страх» в немецком кинодискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 90–97.

Original article

Representation of the Emotion "Angst" / "Fear" in German Film Discourse

Maria S. Popova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
maria_popova_24@mail.ru*

Abstract. The aim of this study is to examine the emotional concept of "Angst" / "Fear" in German linguaculture as represented in creolized cinematic texts. The analysis focuses on the creolized film text, exploring the nature of interaction and the frequency of use of visual, auditory, and verbal elements in conveying the emotion of "Angst" / "Fear", using the German film "Das Leben der Anderen" ("The Lives of Others") as a case study. The findings of the study reveal that the emotion of "Angst" / "Fear" is realized through the following combinations: direct representation of this emotion is achieved through a combination of verbal and visual elements, while indirect representation is based on the interaction of non-verbal and auditory components, which is determined by the mechanisms of emotional perception by the recipient.

Keywords: creolized text, film text, verbal component, visual component, auditory component

For citation: Popova, M. S. (2025). Representation of the emotion "Angst" / "Fear" in German film discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 90–97. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Кинематограф представляет собой уникальную форму коммуникации, где различные элементы – визуальные, звуковые и вербальные – взаимодействуют для создания целостного художественного произведения. В последние десятилетия особое внимание уделяется креолизированным текстам, которые объединяют эти элементы в единую систему, позволяя реципиенту воспринимать наиболее точно данную информацию, и делают возможным более глубокое представление эмоциональных концептов. Данные концепты не только влияют на интерпретацию сюжета, но также оказывают влияние на реципиента.

На сегодняшний день исследования отечественных и зарубежных ученых в области лингвистических средств репрезентации эмоций говорящего и эмоционального воздействия на адресата сохраняют свою значимость и охватывают широкий спектр вопросов, связанных с пониманием эмоциональных процессов в языке и их влиянием на коммуникацию [Вежбицкая, 1999; Шаховский, 2008; Красавский, 2008; Pavlenko, 2005]. Вместе с тем ведутся работы по изучению восприятия эмоций в кинотексте, а также лингвистических и паралингвистических способов их передачи. Актуальность исследования подтверждается растущим интересом современных лингвистов к анализу таких средств [Нелюбина, 2014; Покровская, 2022], сравнительному анализу передачи эмотивных компонентов при переводе с одного языка на другой [Сероштантова, Чусовлянова, 2021; Палий, Деревянко, Сви-стун, 2022], а также значительным количеством исследований, объектом которых выступает кино-дискурс и его компоненты [Горожанов, 2025; Зыкова, Красикова, 2024; Катермина, Бирюкова, 2023].

Несмотря на возрастающее количество работ, посвященных данному феномену, вопрос исследования способов выражения отдельных эмоций остается недостаточно изученным. Большую роль играют также различия в значении (взаимопереводимых) лексических единиц разных языков и различия в невербальных лингвокультурных способах выражения эмоций, что осложняет перенос данных, полученных на языковом материале одной лингвокультуры, на другую лингвокультуру.

Новизна данного исследования заключается в анализе взаимодействия данных компонентов и в исследовании их синергетического влияния на восприятие эмоций, что позволяет глубже понять механизмы эмоциональной передачи в различных контекстах. Предпринимается попытка моделирования кинематографической репрезентации эмоции «Angst» / «страх».

Необходимо понимать, что под репрезентацией базовых эмоций понимаются не только языковые средства, которые отражают данные эмоции, но и «характер эмоции, причина ее возникновения, степень интенсивности переживания и внешние проявления эмоции» [Белая, 2005, с. 122]. Креолизированные тексты благодаря своей структуре способны передавать сложные эмоциональные состояния и переживания с помощью вербальных средств (диалоги, монологи) и визуальных (образ, цвет, композиция) и по своей эффективности намного сильнее воздействия обычного вербального текста [Слышкин, Ефремова, 2004].

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) определить понятие «страх»;
- 2) выявить механизмы репрезентации эмоции «Angst» / «страх»;
- 3) проанализировать взаимодействие вербальной, визуальной и аудиальной составляющих для репрезентации эмоции «Angst» / «страх».

В качестве практического материала выступает немецкий драматический фильм «Das Leben der Anderen» («Жизнь других») продолжительностью 137 мин.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭМОЦИИ «ANGST» / «СТРАХ»

В Большом толковом словаре русского языка¹ страх характеризуется как «состояние крайней тревоги и беспокойства от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас». В толковом словаре современного немецкого языка «Duden Deutsches Universalwörterbuch»² под лексемой Angst понимается «mit Beklemmung, Bedrückung, Erregung einhergehender Gefühlszustand [angesichts einer Gefahr]; undeutliches Gefühl des Bedrohtseins». Сравнительный анализ данных определений указывает на их схожесть, что позволяет говорить о смежности русской лексики *страх* и немецкой *Angst*. Данные определения отражают состояние тревоги и беспокойства, возникающее в ответ на восприятие опасности.

В Словаре практического психолога³ дано несколько определений эмоции «страх», которые зависят от причины возникновения данной эмоции. Так, страх реальный рассматривается как «рациональное выражение инстинкта самосохранения как нормальная реакция на восприятие внешней

¹Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. М.: Хит-книга, 2020.

²URL: <https://www.duden.de>. (дата обращения: 16.01.2025).

³Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест. 1998.

опасности»¹, а страх свободный выражается в качестве «общей неопределенной боязливости, готовой на время привязаться к любой появившейся возможности и выражаемой в состоянии «страха ожидания» или «боязливого ожидания»². Согласно К. Изарду, страх рассматривается как «базовая эмоция, которая возникает в ответ на реальную или воображаемую угрозу» [Изард, 1977, с. 305]. Страх является врожденным эмоциональным процессом, имеющим генетически предопределенные компоненты и строго определенное выражение. К. Изард определяет страх «как аффективное состояние, которое сопровождается физиологическими изменениями и специфическими мимическими проявлениями» [там же, с. 295], а его вербальное поведение включает в себя различные междометия, например, *Zum Teufel!* или *Mein Gott!*, а также низкооценочную или нецензурную лексику: *Verdammt nochmal, Donnerlittchen*.

Кроме того, репрезентация эмоции «Angst» / «страх» может быть реализована с помощью различных синтаксических средств. Одним из таких средств, согласно М. А. Криволицкой, является парцелляция, при которой предложение делится на несколько частей, и внимание акцентируется на определенных элементах высказывания [Криволицкая, 2018]. Например, в предложениях, где страх выражается через парцелляцию, акцент может быть сделан на эмоциональном состоянии субъекта: *Ich habe mich erschrocken. Er ist gekommen*. Путем последовательного увеличения интенсивности описываемых чувств «...грация также используется для усиления эмоционального воздействия» [Зайкина, 2004, с. 101]. Например, фраза *Zuerst fühlte ich eine leichte Angst, dann verwandelte sie sich in Schrecken* демонстрирует динамику и изменения в эмоциональном состоянии персонажа. Риторические вопросы могут служить еще одним «средством выражения страха и неуверенности» [там же, с. 122], создавая атмосферу тревоги и заставляя читателя задуматься о возможных угрозах: *Was ist, wenn er nicht zurückkommt?* Такие конструкции усиливают эмоциональную нагрузку текста.

В кинотексте паралингвистические и экстралингвистические средства играют важную роль, так как выражение эмоций обычно осуществляется комплексно – вербально и невербально. Одним из основных паралингвистических средств является мимика, которая приобретает особое значение в кинотексте, так как режиссер может показывать кадры с лицом человека крупным планом, акцентируя на нем внимание зрителя. Лицо человека способно передать широкий спектр эмоций через

изменения в выражении. По мнению Е. П. Ильина, внешние проявления страха «весьма характерны и понятны собеседнику: у человека дрожат ноги, руки, нижняя челюсть, срывается голос» [Ильин, 2017, с. 153]. При этом он акцентирует внимание на мимике человека: «...рот открыт или поджаты губы, зрачки расширены. Внутренние углы бровей сдвинуты друг к другу, имеются горизонтальные морщины на лбу» [там же, с. 154]. Кроме того, происходит изменение общего поведения человека, которое связано с вегетативными изменениями. «Наблюдается общая скованность, появляются оцепенение, дрожь, сосредоточенность и заторможенность, в отдельных случаях с угнетением психики и с безучастностью к окружающему» [там же, с. 155]. Таким образом, сокращение лицевых мышц, бледность кожи или изменение характера поведения (более скованные движения) могут сигнализировать о репрезентации концепта «Angst» / «страх». Усиливает восприятие и цветовая палитра, описание которой является важной частью художественного текста. Такие цвета, как красный, серый и черный, «являются доминирующими для репрезентации данной эмоции» [Грибер, Йонаускайте, Мор, 2019, с. 318].

«ANGST» / «СТРАХ» В НЕМЕЦКОМ КИНОТЕКСТЕ

В рамках данной работы, связанной с эмоциональным аспектом дискурса, практической частью является выявление и анализ проявления эмоции «Angst» / «страх» главными героями немецкого драматического фильма «Das Leben der Anderen» («Жизнь других»). Действия фильма разворачиваются в Восточном Берлине 1984 года. Главный герой капитан Штази Герт Вислер получает задание следить за драматургом Георгом Драйманом и его подругой Кристой-Марией. Страх перед репрессиями и утратой свободы становится центральной темой, когда Вислер начинает осознавать человеческие чувства и страдания тех, за кем он наблюдает, что приводит к его внутреннему конфликту между долгом и моралью. Для проведения анализа репрезентации эмоции «Angst» / «страх» были рассмотрены вербальная, иконическая и аудиальная составляющие, а также их взаимодействие в разных фрагментах фильма.

В этом контексте важно было рассмотреть все единицы, которые служат для прямой передачи эмоции «Angst» / «страх» (страх как эмоция персонажей), а также косвенной (способствующей созданию атмосферы тревоги и беспокойства, характерной для жизни в условиях тоталитарного режима).

¹Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест. 1998.

²Там же.

В ходе анализа репрезентации данной эмоции нами было выявлено, что одним из основных способов имплицитной передачи эмоции «Angst» / «страх» является использование лексем, связанных единым семантическим полем «наблюдение и контроль». Персонажи живут в состоянии тревоги, осознавая, что их каждое слово и действие могут быть под пристальным вниманием. Эмоциональная атмосфера в речи героев выражена неодушевленными существительными, такими как *Abhören* (подслушивание), *Überwachung* (наблюдение) и *Spion* (шпион); предикатами *verhaften* (арестовать), *verurteilen* (осудить), *überwachen* (преследовать). Наиболее частотными по употреблению являются лексемы *Abhören* (подслушивание) и *überwachen* (преследовать). Данные лексемы употреблялись персонажами семь и пять раз в течение всего фильма, соответственно. Лексемы *Spion* (шпион) и *Abhören* (подслушивание) были использованы три раза, лексемы *Überwachung* (наблюдение) и *verhaften* (арестовать) – два раза. Эти слова не только описывают действия, происходящие в сюжете, но и создают ощущение постоянного контроля со стороны властей. Важными элементами являются также атмосфера фильма и использование музыкального сопровождения: песни группы Бауен содержат тексты о борьбе за добро и правду, что создает контекст для страха перед репрессиями и подавлением свободы слова.

«Angst» / «страх» как прямое проявление эмоционального состояния героев может в данном произведении рассматриваться как совокупность трех составляющих – вербальной, визуальной и аудиальной, которые могут быть как тесно взаимосвязаны и играть схожую роль в передаче эмоции, так и демонстрировать значительные различия в своем воздействии. В некоторых сценах данного кинофильма вербальная составляющая отсутствует, в то время как визуальные и аудиальные элементы способны полностью передать эмоцию «Angst» / «страх». Это особенно заметно в сценах, где молчание и невербальные жесты персонажей создают более глубокое эмоциональное воздействие, чем слова.

Примером может послужить сцена, где Фрау Майники наблюдает за тем, как Герхард Вислер устанавливает подслушивающее устройство в квартире Георга Драймана, – визуальная составляющая является доминирующей. Сцена построена так, что зритель ощущает напряжение. Вислер действует с холодной решимостью и профессионализмом, что контрастирует с растерянностью и страхом Фрау Майники. Ее тело слегка наклонено вперед, губы поджаты, а руки сжаты в кулаки – это выражение внутреннего беспокойства. Она пытается

оставаться незаметной, но страх перед возможным разоблачением заставляет ее замереть на месте. Звуковое оформление также усиливает напряжение, в том числе и тишина «создает пространство для ожидания и может заставить ожидать чего-то страшного» [Корганов, Фролов, 1964, с. 230]. Тишина в квартире нарушается лишь звуками оборудования Вислера и легким шорохом одежды Фрау Майники. Эти детали в фильме создают ощущение близости к катастрофе – любой звук может выдать ее присутствие.

Хотя в сцене есть элементы вербальной коммуникации, они не играют ключевой роли в передаче эмоции «Angst» / «страх». Основное воздействие достигается через визуальные образы и невербальные жесты персонажей.

В ходе анализа данной кинокартины было выявлено, что наиболее частым способом репрезентации эмоции «Angst» / «страх» является тесная взаимосвязь вербального и невербального компонентов. Доминирующей становится вербальная составляющая, так как вербальная коммуникация позволяет устанавливать контекст и придавать смысл визуальным образам. При этом двойственность восприятия реципиентом данной эмоции снижается. В вербальной составляющей большую роль в передаче эмоции приобретают синтаксические конструкции [Озюменко, 2015].

Ниже приводим их перечень:

- Грамматические повторы:
Wir müssen vorsichtig sein, sehr vorsichtig.
Kann ich etwas für Sie machen? Kann ich machen?
Verzeihe mir, verzeihe mir, verzeihe mir, verzeihe mir
- Парцелляция:
Ich habe Angst. Angst vor dem Minister. Angst vor dem, was er tun kann.
- Эллиптические конструкции:
Wenn sie uns hören...
Ich kann nicht...
Bitte...
- Риторические вопросы и восклицания:
Das kann nicht sein!
Lass es unser Geheimnis sein. Können Sie Geheimnisse bewahren?

Эмоционально оценочная лексика в фильме включает слова и выражения, которые передают страх и тревогу персонажей:

- Метафоры:
Die Mauer der Angst

Таблица 1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ, ИКОНИЧЕСКОЙ И АУДИАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ

№	Вербальная составляющая	Иконическая составляющая		Аудиальная составляющая
		Паралингвистические средства	Фон кадра	
1	Отсутствует	Напряженное лицо, поджатые губы	Квартира, цветовая палитра в серо-зеленых тонах	Тишина
2	Крик, затем дрожащий голос: Verzeihe mir, verzeihe mir...	Нахмуренные брови, губы открыты, дрожащие руки	Безлюдная темная улица	Отсутствует
3	Kann ich etwas für Sie machen? Kann ich machen?	Дрожащие руки, напряженное лицо	Квартира, цветовая палитра в серо-зеленых тонах	Отсутствует
4	Отсутствует	Напряженное лицо, поджатые губы	Квартира, цветовая палитра в серо-зеленых тонах	Громкая музыка, которая отражает атмосферу тревоги
5	Können Sie Geheimnisse bewahren?	Расширенные зрачки, резкие, скованные движения	Коридор подъезда, черные стены, темно-серая палитра	Отсутствует

- Определения из тематического поля «Страх»: Bedrohlich
Angsterfüllt
- Глаголы, называющие типичные действия, которые испытывают при эмоции «Angst» / «страх»: Zittern
Verstecken

Невербальные элементы находятся во взаимосвязи с вербальными. Мимика и жесты каждого из персонажей, чьи эмоции «Angst» / «страх» были показаны в кинокартине, выражаются следующим образом: персонажи нервно оглядываются по сторонам, путают речь, замирают или начинают вести себя более сдержанно и осторожно. Фоновые элементы, такие как серые стены квартир или темные улицы Берлина, создают мрачную атмосферу, что усиливает чувство безысходности и страха перед окружающим миром.

Аудиальная составляющая фильма включает напряженную музыку и звуковые эффекты, однако в тех сценах, где персонаж испытывает страх, звуковое сопровождение отсутствует.

Часть вербальных и невербальных средств используется комплексно, однако иногда некоторые из них отсутствуют. Характер их взаимодействия представлен в таблице 1. Данные, отраженные в таблице 1, демонстрируют комплексное

взаимодействие вербальных, визуальных и аудиальных компонентов в формировании креолизованного текста. Вербальная составляющая характеризуется вариативностью от нулевой манифестации до эмоционально насыщенных высказываний. Иконическая составляющая представлена двумя аспектами. Имеются в виду: паралингвистические средства, отражающие высокий уровень эмоционального напряжения персонажей посредством мимики и кинестетики; фоновые элементы, реализующие функцию создания атмосферы через использование специфической цветовой гаммы и пространственных решений.

Аудиальная составляющая варьируется от полного отсутствия звукового сопровождения до использования интенсивного музыкального фона, что служит дополнительным средством эмоционального воздействия на реципиента. Тишина определяется как полное отсутствие звукового сопровождения, включая вербальную составляющую. При этом отсутствие аудиальной составляющей означает наличие вербальной составляющей при исключении музыкального сопровождения и иных звуковых элементов.

Таким образом, наблюдается синергетический эффект при взаимодействии различных семиотических систем, что обеспечивает формирование многоуровневого коммуникативного сообщения с высоким потенциалом эмоционального воздействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В кинокартине «Das Leben der Anderen» («Жизнь других») наблюдается двойственная динамика в использовании различных составляющих для передачи эмоции «Angst» / «страх». В случае прямой репрезентации эмоции (персонаж испытывает страх) наиболее распространенными являются комбинации вербальной и визуальной составляющей (при этом наибольшее значение приобретают позы и мимика), а также визуальной и аудиальной. В таких случаях словесные выражения, произносимые персонажами, в сочетании с их общим поведением создают мощное эмоциональное воздействие. Косвенная репрезентация эмоции, необходимая для создания напряженности на уровне всей

кинокартины, основана на комбинации невербальной и аудиальной составляющих. Данный вывод о том, что комбинация вербальной и визуальной составляющей эффективна для передачи индивидуального страха персонажей, а невербальная и аудиальная составляющие играют ключевую роль в создании общего эффекта страха в фильме, основывается, по нашему мнению, на понимании механизмов восприятия эмоций и психологии зрителями.

Приведенный перечень комбинаций элементов репрезентации эмоции не является исчерпывающим и может быть дополнен после углубленного изучения механизмов передачи эмоций в кинематографе, в частности, посредством вербальных, визуальных и аудиальных составляющих, на большем объеме материалов в разных жанрах кинематографа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
3. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008.
4. Pavlenko A. Emotions and multilingualism. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
5. Нелюбина Ю. А. Кинотекст в кругу смежных понятий // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2014. № 4 (40). С. 26–29.
6. Покровская Н. В. Исследование кинодискурса в зарубежной лингвистике начала XXI века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 3. С. 936–941.
7. Сероштантова Ю. С., Чусовлянова С. В. Особенности передачи эмоциональной информации при переводе специального текста (на материале учебника по менеджменту) // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 4 (28). С. 127–132.
8. Палий Ю. В., Деревянко А. А., Свистунов А. С. Лексические средства выражения экспрессивности и их отражение в переводе // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2022. № 5 (85). С. 178–187.
9. Горожанов А. И. Скрипт телесериала как объект корпусного исследования (на материале саги «Звездный путь») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 3 (897). С. 17–24.
10. Зыкова И. В., Красикова Е. А. Эмотивная лексика в кинодискурсе с позиции лингвокреативности (на материале фильмов на английском, русском и китайском языках) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21. № 1. С. 182–207. DOI: 10.21638/spbu09.2024.110.
11. Катермина В. В., Бирюкова П. С. Гендерный потенциал неологизмов англоязычного кинодискурса. Краснодар: КубГУ, 2023.
12. Белая Е. Н. Репрезентация эмоций человека в языке (обзор литературы за 80-е гг. XX – нач. XXI вв.) // Вестник Омского университета. 2005. № 1. С. 119–122.
13. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004.
14. Изард К. Э. Эмоции человека. М.: Прогресс, 1977.
15. Кривоуцкая М. А. Лингвистические средства выражения состояния страха в творчестве Л. Петрушевской (на материале сборника «Странствия по поводу смерти») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. Т. 12 (90). № 1. С. 134–138. DOI 10.30853/filnauki.2018-12-1.28.
16. Зайкина С. В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах: сопоставительный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
17. Ильин Е. П. Психология страха. СПб.: Питер, 2017.
18. Грибер Ю. А., Йонаускайте Д., Мор К. Цвета эмоций: экспериментальное исследование ассоциативных связей в современном русском языке // Litera. 2019. № 1. С. 1–18. DOI 10.25136/2409-8698.2019.1.28892.

19. Корганов Т. И. Фролов И. Д. Кино и музыка. Музыка в драматургии фильма. М.: Искусство, 1964.
20. Озюменко В. И. Выражение эмоций грамматическими средствами английского языка // Russian Journal of Linguistics. 2015. № 1. С. 126–143.

REFERENCES

1. Wierzbicka, A. (1999). Semanticheskie universalii i opisanie yazykov = Semantic universals and description of languages. Trans. by A. D. Shmelev, ed. by T. V. Bulygina. Moscow: Languages of Russian Culture. (In Russ).
2. Shakhovsky, V. I. (2008). Lingvisticheskaya teoriya emocij = Linguistic theory of emotions. Moscow: Gnosis. (In Russ).
3. Krasavsky, N. A. (2008). Emocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah = Emotional concepts in German and Russian linguocultures: monograph. Moscow: Gnosis. (In Russ).
4. Pavlenko, A. (2005). Emotions and multilingualism. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Nelyubina, Yu. A. (2014). Kinotekst v krugu smezhnyh ponyatij = Film text in the circle of related concepts. Humanitarian Vector. Series: Philology, Oriental Studies, 4(40), 26–29. (In Russ).
6. Pokrovskaja, N. V. (2022). Film discourse study in foreign linguistics at the beginning of the 21st century. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 15(3), 936–941. (In Russ).
7. Seroshtanova, Yu. S., Chusovlyanova, S. V. (2021). Aspects of transferring emotional information when translating a specialized text (based on a management textbook). Russian Linguistic Bulletin, 4(28), 127–132. (In Russ).
8. Paliy, Yu. V., Derevyanko, A. A., Svistunov, A. S. (2022). Lexical means of expressing expressiveness and their reflection in translation. Philological Aspect: International Scientific and Practical Journal, 5(85), 178–187.
9. Gorozhanov, A. I. (2025). TV series script as an object of corpus research (based on "Star Trek" saga). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(897), 17–24. (In Russ).
10. Zyкова, I. V., Krasikova, E. A. (2024). Emotive units in the cinematic discourse from the position of linguistic creativity (the case study of films in English, Russian and Chinese). Vestnik of Saint Petersburg University. Language and literature, 1(21), 182–207. DOI 10.21638/spbu09.2024.110. (In Russ).
11. Katermina, V. V., Biryukova, P. S. (2023). Gendernyj potencial neologizmov angloyazychnogo kinodiskursa = Gender potential of neologisms in English film discourse. Krasnodar: Kuban State University. (In Russ).
12. Belaya, E. N. (2005). The representation of human emotions in language (literature review for the 80s of the XX – early XX century). Vestnik of Omsk University, 1, 118–121. (In Russ).
13. Slyshkin, G. G., Efremova, M. A. (2004). Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza) = Film text (an experience of linguocultural analysis). Moscow: Vodolei Publishers. (In Russ).
14. Izard, C. E. (1977). Emocii cheloveka = Human emotions. Moscow: Progress. (In Russ).
15. Krivolutsкая, M. A. (2018). Linguistic means of expressing the state of fear in L. Petrushevskaya's works (by the material of the collection "Wanderings regarding death"). Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 12(90), 1, 134–138. DOI doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.28. (In Russ).
16. Zaikina, S. V. (2004). Emocional'nyj koncept «strah» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah: sopostavitel'nyj aspekt = The emotional concept of "fear" in English and Russian linguocultures: a comparative aspect: PhD thesis abstract. Volgograd. (In Russ).
17. Ilyin, E. P. (2017). Psihologiya straha = Psychology of fear. St. Petersburg: Piter. (In Russ).
18. Griber, Yu. A., Ionauskaite, D., Mor, K. (2019). Cveta emocij: eksperimental'noe issledovanie asociativnyh svyazej v sovremennom russkom yazyke = Colors of emotions: An experimental study of associative connections in modern Russian. Litera, 1, 1–18. DOI 10.30853/phil20220149. (In Russ).
19. Korganov, T. I., Frolov, I. D. (1964). Kino i muzyka. Muzyka v dramaturgii fil'ma = Cinema and music. Music in film dramaturgy. Moscow: Iskustvo. (In Russ).
20. Ozyumenko, V. I. (2015). Grammatical means of expressing emotions in English discourse. Russian journal of linguistics, 1, 126–143. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Мария Сергеевна

преподаватель

кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Maria Sergeevna

Lecturer

Department of Grammar and History of the German Language

Faculty for the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.04.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	12.05.2025	approved after reviewing
принята к публикации	16.05.2025	accepted for publication

Перевод реалий в свете их рецепции иноязычной аудиторией

М. Б. Раренко

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия
rarenc@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуются рецепции реалий в переводных произведениях. Актуальность статьи объясняется отсутствием на данный момент работ, всесторонне изучающих проблему восприятия реалий в переводных текстах, с одной стороны, и их важностью для формирования в сознании иноязычного реципиента адекватного понимания текста – с другой. В качестве основных методов исследования использовались методы сопоставления и сравнения. Материалом для написания статьи послужил текст романа на французском языке современного швейцарского писателя Ж. Диккера «Правда о деле Гарри Квеберта» (2012) и его перевод на русский язык, выполненный И. Стаф (2014). Отмечается, что перевод реалий необходимо рассматривать с точки зрения их восприятия целевой аудиторией.

Ключевые слова: перевод, художественный перевод, реалии, рецепция, «свое», «чужое», Ж. Диккер, «Правда о деле Гарри Квеберта»

Для цитирования: Раренко М. Б. Перевод реалий в свете их рецепции иноязычной аудиторией // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 98–104.

Original article

Translating Culture-Bound Items in the Light of Their Reception by a Foreign-Speaking Audience

Maria B. Rarenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
rarenc@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the reception of culture-bound items in translated works. The relevance of the article is explained by the current lack of works comprehensively investigating the problem of perception of culture-bound items in translated texts, on the one hand, and their importance for forming an adequate understanding of the text in the mind of a foreign-language recipient, on the other. The methods of comparison and comparison were used as the main research methods. The material for writing the article was the text of the novel in French by the modern Swiss writer J. Dicker “La vérité sur l'affaire Harry Quebert” (2012) and its translation into Russian by I. Staf (2014). It is noted that the translation of culture-bound items should be considered from the point of view of their perception by the target audience.

Keywords: translation, translation of fiction, culture-bound items, reception, “own”, “alien”, J. Dicker, “La vérité sur l'affaire Harry Quebert”

For citation: Rarenko, M. B. (2025). Translating culture-bound items in the light of their reception by a foreign-speaking audience. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 98–104. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Важной составляющей любой культуры являются слова-реалии, хранящие в себе память о культурных кодах и выступающие индикаторами национально-культурной принадлежности ее носителей, их установок и ценностей и опознаваемые данным лингвокультурным сообществом.

В настоящей статье ставится задача рассмотреть перевод реалий с точки зрения их восприятия целевой аудиторией, для этого предлагается использовать методы сравнения и сопоставления текстов художественного произведения на языке оригинала и языке перевода.

Актуальность исследования объясняется отсутствием работ, посвященных исследованию восприятия реалий в художественных произведениях.

В настоящее время известны несколько типологий реалий, каждая из которых заслуживает внимания. Согласно классификации, предложенной В. С. Виноградовым, выделяются следующие виды:

1) бытовые (жилище и имущество, одежда и головные уборы, пища и напитки, виды труда и занятия, денежные знаки, единицы меры, народные танцы, песни, праздники и обращения);

2) этнографические и мифологические (этнические и социальные общности и их представители, различные божества, сказочные существа и легендарные места);

3) мир природы (животные, растения, ландшафт и пейзаж);

4) государственно-административное устройство (административные и государственные единицы и институты, организации, партии и их участники, предприятия, торговые заведения, воинские подразделения, чины, а также должности, профессии и звания);

5) ономастические (антропонимы, т. е. имена и фамилии, топонимы, т. е. названия географических объектов, а также названия компаний, музеев, театров, дворцов и т. д.);

6) ассоциативные (вегетативные и анималистические символы, цветовая символика, фольклорные, исторические, языковые и литературные аллюзии) [Виноградов, 2001].

Традиционно принятыми приемами передачи реалий в художественном тексте являются: 1) транскрипция (и транслитерация), 2) собственно перевод; 3) замена «чужой» реалии на подобную «свою» [Влахов, Флорин, 1980].

Статистические данные свидетельствуют, что до 70 % реалий транскрибируются или транслитерируются, ничтожно малый процент реалий опускается (никак не передается) при переводе с одного языка на другой.

Таким образом, перевод реалий довольно успешно реализуется на практике. В то же самое время вопрос о распознавании и, следовательно, рецепции «чужих» реалий реципиентом «вторичного» (по А. И. Новикову), т. е. переводного, текста до сих пор не получил должного освещения в работах отечественных и зарубежных исследователей [Новиков, 2007].

ФУНКЦИИ РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

В целом можно выделить три основные функции реалий:

- номинативную функцию,
- функцию создания местного колорита,
- социально-стилистическую функцию [Фененко, 2014; Харитоновна, 2017; Мельничук, 2019].

Реалии помогают читательской аудитории погрузиться в культурное пространство художественного текста, особенно «чужое». Вводя реалии в ткань художественного произведения, функции которых прежде всего состоят в отображении национального и исторического колорита описываемых людей и местности, автор создает эффект правдоподобия. Мысль М. М. Бахтина, высказанная им в «Эстетике словесного творчества», о том, что «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» [Бахтин, 1979, с. 334], находит подтверждение в работах других исследователей [Тер-Минасова, 2007; Тер-Минасова, 2012]. В то же самое время, реалии, содержащие в себе национально-культурную информацию, для представителей других культур представляют определенную сложность, заключающуюся в необходимости не только реалию опознать, но и расшифровать ее культурный код.

Что касается переводного художественного текста, здесь важнейшей функцией реалии следует признать знаковую, поскольку реалия в переводном тексте в большинстве случаев выступает как знак чужой культуры. Будучи элементом чужой культуры, реалия не имеет непосредственного соответствия в культуре языка, на который перевод осуществляется, и нередко обозначается как лакуна. На основании такого понимания реалии исследователи рассматривают ее как «парную лакуне категорию, обозначающую наличие в одном языке готовой номинации для обозначения сигнификата языковой единицы соответствующей лингвокультуры, на фоне отсутствия такой номинации в другом языке» [Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации, 2013, с. 22].

ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ В СВЕТЕ РЕЦЕПТИВНОЙ ЭСТЕТИКИ

В 60–70-е годы XX века в европейском литературоведении появилось направление, известное под названием рецептивной эстетики. Особую популярность направление получило в Германии. Сторонники рецептивной эстетики исходят из того, что речевое произведение существует как результат «встречи» читателя (аудитории) и автора, т. е. главным в цепочке «автор текста – текст – читатель текста» впервые оказался именно получатель текста. Среди ключевых принципов рецептивной эстетики можно выделить следующие:

1) понимание текста возможно только как процесса взаимодействия между автором текста и его читателем, в ходе которого читатель участвует в конструировании смысла текста;

2) в результате такого взаимодействия (постепенно) возможно расширение «горизонтов ожидания» реципиента текста.

Так, в книге «Акт чтения» В. Изер, описывая отношения реципиента и автора текста, поясняет, что движение между писателем и читателем не одностороннее, оно не сводится к схеме отправитель – получатель (Sender–Empfänger). Исследователь подчеркивает, что в литературных произведениях происходит взаимовлияние (Interaktion), в процессе которого читатель воспринимает смысл текста путем конституирования этого смысла [Iser, 1987].

Сформулированные представителями так называемой «констанцской школы» – Гансом Робертом Яуссом и Вольфгангом Изером – принципы рецептивной эстетики не только возможно, но и необходимо иметь в виду, когда речь идет о переводных текстах. При переводе с одного языка на другой, шире – из одной культуры в другую, следует помнить о том, что восприятие текста в данном случае осложняется принадлежностью писателя и читателя к разным культурным сообществам.

Для определения отношений автора и читателя основателями направления рецептивной эстетики было введено понятие «горизонт ожидания», под которым понимался комплекс эстетических, социально-политических, психологических и прочих представлений, которые и определяют отношение читателя к произведению. Он обуславливает как характер воздействия произведения на читательскую аудиторию, так и его восприятие читателями [Яусс, 1995]. Таким образом, «горизонт ожидания» реципиента – это то, что ждет от текста его реципиент. Автор текста при создании речевого произведения ориентируется на свой «горизонт ожидания» – образ имплицитного реципиента, который он (автор) конструирует в своем

воображении и на который направляет свой текст. В случае с переводным произведением ситуация осложняется тем, что писатель не может себе этот образ представить. Вероятно, эта функция может быть / должна быть возложена на переводчика.

ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ И ИХ РЕЦЕПЦИЯ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Ж. ДИККЕРА «ПРАВДА О ДЕЛЕ ГАРРИ КВЕБЕРТА»

«Правда о деле Гарри Квеберта» («La vérité sur l'affaire Harry Quebert»), роман современного швейцарского писателя Жюэля Диккера¹ (род. 1985), имеющего российские и итальянские корни, вышел в 2012 году на французском языке и сразу стал бестселлером. Он был благосклонно принят не только читательской аудиторией, но и литературными критиками: роман удостоился сразу двух наград – Гран-при Французской академии за лучший роман и Гонкуровской премии лицеистов.

Действие этого отчасти детективного романа, написанного от первого лица, с неожиданным концом, происходит в США, в маленьком городке Аврора в штате Нью-Гэмпшир, куда главный герой, молодой, но уже успешный писатель, автор единственного романа, принесшего ему славу «идола американской литературы», Маркус Гольдман отправляется к своему бывшему университетскому преподавателю и известному писателю Гарри Квеберту за советом и помощью. Маркус оказался в весьма сложной ситуации: он заключил с одним из престижных нью-йоркских издательств выгодный для себя, но и обременительный, в случае его нарушения, контракт. Он не может приступить к написанию нового романа из-за отсутствия вдохновения. Приехав в Аврору, маленький городок на берегу океана, где теперь живет его преподаватель, Маркус неожиданно выясняет, что в его помощи нуждается сам Гарри, которого обвиняют в двойном убийстве, произошедшем 33 года назад. Маркус принимает решение принять участие в расследовании этого запутанного уголовного дела, поскольку понимает, что он – единственный, кто может спасти Гарри от наказания. Более того, погружаясь в события 33-летней давности, он получает материал для своего нового романа.

Действие романа в трех частях (и 31 главах, нумерация которых идет в обратном порядке), предваряемого прологом и имеющего эпилог, происходит в двух временных плоскостях: октябрь

¹Dicker, J. La vérité sur l'affaire Harry Quebert. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/79449-jo-l-dicker-la-v-rit-sur-l-affaire-harry-quebert.html#text> (дата обращения: 21.03.2025). Далее цитируется оригинал и переводы фрагмента этого же издания.

2008 года – октябрь 2009 года и конец августа 1975 года – середина сентября 1975 года.

В прологе и в первых главах первой части читатель узнает историю Маркуса Гольдмана, жившего некоторое время, до его поездки в Аврору, в Нью-Йорке.

Несколькими штрихами, в том числе благодаря включению в текст реалий, рассказчик формирует у читателя образ себя как успешного молодого человека. Рассмотрим: 1) фрагмент оригинального текста на французском языке; 2) подстрочный перевод, выполненный нами; 3) перевод на русский, выполненный Ириной Стаф в 2014 году¹.

Je déménageai de chez mes parents à Newark pour m'installer dans un appartement cossu du Village, je troquai ma Ford de troisième main pour une Range Rover noire flambant neuve aux vitres teintées, je me mis à fréquenter les restaurants huppés, je m'attachai les services d'un agent littéraire qui gérait mon emploi du temps et venait regarder le base-ball sur un écran géant dans mon nouveau chez-moi. Je louai, à deux pas de Central Park, un bureau dans lequel une secrétaire un peu amoureuse et prénommée Denise traitait mon courrier, préparait mon café et classait mes documents importants (*Dicker J. La vérité sur l'affaire Harry Quebert*).

Я переехал из дома своих родителей в Ньюарке в роскошную квартиру в Виллидж, обменял свой подержанный Ford на совершенно новый черный Range Rover с тонированными стеклами, начал посещать высококлассные рестораны, нанял литературного агента, который управлял моим расписанием и приходил смотреть бейсбол на огромном экране в моем новом доме. Я снял в двух шагах от Центрального парка офис, в котором слегка влюбленная секретарша по имени Дениз сортировала мою почту, готовила мне кофе и сортировала мои важные документы².

Я съехал из дома моих родителей в Монклере, штат Нью-Джерси, и обосновался в дорогой квартире в Гринвич-Виллидж, я сменил свой весьма потрепанный «форд» на новенький черный «рейнджровер» с тонированными стеклами, я сделался завсегдатаем фешенебельных ресторанов, я прибегнул к услугам литературного агента, который ведал моим времяпрепровождением и приходил в мой новый дом смотреть бейсбол на гигантской плазменной панели. Я снял офис в двух шагах от Центрального парка, где слегка влюбленная секретарша по имени Дениза разбирала мою почту, варила мне кофе и сортировала мои важные бумаги» (*пер. с фр. И. Стаф*).

¹Диккер Ж. Правда о деле Гарри Квеберта / пер. с фр. И. Стаф. М.: АСТ: CORPUS, 2019.

²Подстрочный перевод наш. – М. Р.

В приведенном фрагменте обратим внимание на несколько реалий. Во-первых, рассказчик упоминает несколько локаций – это *Newark*, *le Village*, *Central Park*, во-вторых, марки автомобилей – *Ford* и *Range Rover*, в-третьих, женское имя – *Denise*.

В переводе И. Стаф мы видим замену локаций *Newark* на «Монклер, штат Нью-Джерси», *le Village* на «Гринвич-Виллидж», в то время как локация *Central Park* в переводе оказывается сохранена. Марки автомобилей *Ford* и *Range Rover* в русском переводе передаются при помощи приемов транслитерации и транскрипции – «форд» и «рейнджровер», соответственно. Женское имя приобретает в русском переводе более привычное для русского читателя форму – «Дениза».

Конечно, обращает на себя прежде всего замена локаций *Newark* на «Монклер, штат Нью-Джерси» и *le Village* на «Гринвич-Виллидж». Можно предположить, что переводчик посчитала замену необходимой именно по причине того, что Монклер – город в округе Эссекс в штате Нью-Джерси, в силу того, что является коммерческим и культурным центром Северного Джерси, лучше известен русскоязычному читателю и поэтому вызовет у него больше ассоциаций, нежели Ньюарк, упомянутый в тексте оригинала, несмотря на тот факт, что является самым густонаселенным городом штата Нью-Джерси, но менее знакомым русскоязычной аудитории. Более того, во избежание недоразумений переводчик посчитал необходимым указать штат. Квартал на западе Нижнего Манхэттена (2-й округ) Гринвич-Виллидж (точнее Гринич-Виллидж) местные жители часто называют сокращенно Виллидж, однако переводчик решил использовать официальное название, видимо, опасаясь, что разговорное название не известно русскоязычному читателю и не будет ему понятно. В то же самое время информация о том, что жители Гринвич-Виллидж славятся своим либеральным образом жизни и несколько заносчиво относятся к обитателям части Нью-Йорка севернее 14-й улицы, называя ее «сельской местностью» (*upstate*), передана не была, а это, как нам представляется, довольно важно для характеристики рассказчика, который, подчеркивая свой приобретенный социальный статус, им гордится.

Поскольку Центральный парк в Нью-Йорке – место довольно известное, можно сказать, знаковое, и не только для американской культуры, неоднократно упоминается в художественной литературе, становится местом действия во многих современных фильмах и пр., переводчик посчитал возможным оставить реалию без уточнения и использовал при ее передаче пословный, калькированный, перевод, несмотря на то, что реалия также часто передается транслитерацией – Сентрал-парк.

Рассказывая об Авроре, городке на берегу океана, в пятнадцати минутах езды от границы Массачусетса, в котором живет Гарри Квеберт, рассказчик упоминает несколько локаций, в их числе, залив, на берегу которого находится дом писателя, ресторанчик, пляж и пр. Также в тексте романа упоминаются литературные премии, которыми удостоиваются писатели, периодические издания и др.

Так, некоторые реалии подвергаются переводу: упомянутый в оригинале залив *Goose Cove* в переводе называется «Гусиной Бухтой», влиятельное нью-йоркское издательство, с которым у Маркуса заключен договор на новую книгу, *Schmid & Hanson* – «Шмид и Хансон» (используется прием транслитерации), роман Гарри Квеберта, сделавший его знаменитым, «*Les Origines du mal*» («Истоки зла»). Локация *Martha's Vineyard* (букв. 'виноградник Марты'), будучи довольно известным островом в 6 км от мыса Кейп-Код на юго-востоке Массачусетса, по вполне понятным причинам в переводе выступает как «Мартас-Виньярд», а местная забегаловка *au Clark's* (букв. 'у Кларка') – как «Кларкс». Отметим, что фигурирующий в романе залив *Goose Cove* по форме совпадает с названием базы канадских вооруженных сил Гуз-Бей, расположенной в муниципалитете Хэппи-Вэлли-Гуз-Бей в провинции Ньюфаундленд и Лабрадор, поэтому перевод, предложенный И. Стаф, на наш взгляд, является удачным переводческим решением, направленным на разграничение двух локаций.

В то же самое время университет, в котором преподавал Гарри и учился Маркус, в оригинале обозначенный как *l'université de Burrows* в переводе фигурирует как «*Университет Берроуза, в Массачусетсе*», издания *Boston Globe* и *New York Times* сохраняют свои названия в переводе: *Boston Globe* и *New York Times*, а с названиями литературных премий *le Booker Prize* и *le National Book Award*, упомянутых в оригинале, происходит и вовсе «детективная история»: название первой трансформируется почему-то в «*National Literary Award*», в то время как название второй переводчик принимает решение сохранить – «*National Book Award*».

Следует отметить, что переводчик при передаче реалий не ограничивается одним приемом, а выбирает тот, который, как ему кажется, наиболее подходит ситуации, активно используя и прием опущения, однако какой-то определенной переводческой стратегии, которой следует переводчик, мы отследить не смогли. Показательным в этом отношении представляется нам следующий фрагмент, в котором главный герой рассказывает о том, как он уезжает из Нью-Йорка в Аврору, чтобы поддержать своего наставника и друга Гарри Квеберта. Сравним текст оригинала, подстрочный

перевод фрагмента, выполненный нами, и перевод И. Стаф.

À la première heure du lundi 16 juin 2008, je mis mes valises dans le coffre de ma Range Rover et je quittai Manhattan par la Franklin Roosevelt Drive qui longe l'East River. Je vis défiler New York : Brooklyn, Harlem, le Bronx, le stade des Yankees au bord de l'eau, le grand pont George Washington et la promenade Rockefeller du bord de l'autoroute, d'où la ville semble être un minuscule îlot au milieu d'une jungle sauvage. Ce n'est que lorsque je fus assez enfoncé dans le New Jersey pour ne pas risquer de me laisser convaincre de renoncer et de rentrer bien sagement chez moi, que je prévins mes parents que j'étais en route pour le New Hampshire (*Dicker J. La vérité sur l'affaire Harry Quebert*).

Ранним утром в понедельник, 16 июня 2008 года, я положил свои чемоданы в багажник своего Range Rover и выехал из Манхэттена по улице Франклина Рузвельта, которая проходит вдоль Ист-Ривер. Я вижу, как проносится Нью-Йорк: Бруклин, Гарлем, Бронкс, стадион Янки на набережной, большой Мост Джорджа Вашингтона и набережная Рокфеллера на обочине шоссе, откуда город кажется крошечным островком посреди диких джунглей.. Только когда я был достаточно погружен в Нью-Джерси, чтобы не рисковать, что меня убедят сдаться и благоразумно вернуться домой, я сообщил родителям, что еду в Нью-Гэмпшир»¹.

Ранним утром в понедельник, 16 июня 2008 года, я захватил чемоданы в багажник своего «рейнджровера» и выехал из Манхэттена по Франклин-Рузвельт-драйв, идущей вдоль Ист-Ривер. Мимо меня проплывал Нью-Йорк – Бронкс, Гарлем; наконец я свернул на шоссе I-95 и поехал на север. И только когда забрался достаточно далеко в глубь штата Нью-Йорк, чтобы уже никто не смог убедить меня отступить и благоразумно вернуться домой, предупредил родителей, что еду в Нью-Гэмпшир (*пер. с фр. И. Стаф*).

В тексте оригинала упоминаются следующие локации: Manhattan (*Манхэттен*), la Franklin Roosevelt Drive (*улица Франклина Рузвельта*), l'East River (*Ист-Ривер*), New York (*Нью-Йорк*) и его районы – Brooklyn (*Бруклин*), Harlem (*Гарлем*), le Bronx (*Бронкс*), а также le stade des Yankees (*стадион Янки*), le grand pont George Washington (*большой Мост Джорджа Вашингтона*), la promenade Rockefeller (*набережная Рокфеллера*), штаты le New Jersey (*Нью-Джерси*) и le New Hampshire (*Нью-Гэмпшир*).

¹Подстрочный перевод наш. – М. Р.

В переводе И. Стаф три локации – Бруклин, стадион Янки и Мост Джорджа Вашингтона – опущены, вместо набережной Рокфеллера упоминается «шоссе I-95», ведущее на север. Ответа на вопрос, почему И. Стаф, воспроизведя в переводе Гарлем и Бронкс, не посчитала нужным сохранить Бруклин, у нас нет. Нет у нас и объяснения тому, зачем вводить в текст перевода на русский язык название самой длинной в США магистрали I-95, соединяющей 15 штатов, с ошибочным пояснением «шоссе», при том, что в оригинале она даже не упоминается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, подчеркнем еще раз: реалии – неотъемлемая часть любого художественного текста, придающая ему особый колорит и создающая у читателя эффект правдоподобия. Именно благодаря реалиям происходит «погружение» читателя в создаваемый писателем мир. Проблема перевода реалий в художественном тексте, в частности, заключается не только и не столько в возможности / невозможности передачи реалий переводчиком – для этого существуют «универсальные» технические возможности: приемы транскрипции и транслитерации, которые

весьма успешно справляются с поставленными задачами в тех случаях, когда реалии «узнаваемы» иноязычной аудиторией. Сложность перевода реалий связана с тем, может ли читатель иноязычного текста распознать заключенный в реалии культурный код и правильно его «расшифровать».

Отметим как любопытное наблюдение то, что роман Ж. Диккера «Правда о деле Гарри Квеберта» относится к так называемым американским романам, которые становятся в последние несколько десятилетий весьма популярны в Европе: главные его герои – американцы, действие романа также происходит в Америке. Роман написан на французском языке, поэтому есть все основания полагать, что его целевая аудитория – франкоязычные читатели. При этом в романе в большом количестве присутствуют реалии американской культуры. В то же самое время И. Стаф, выполняя перевод романа на русский язык и имея в виду русскоязычную аудиторию в качестве целевой аудитории, ряд реалий американской культуры по каким-то причинам заменяет и даже опускает.

Возможно, вопрос о наличии национальных особенностей восприятия чужой культуры требует специального исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Института общего и среднего образования РАО, 2001.
2. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
3. Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты. М.: Институт языкознания РАН, 2007.
4. Фененко Н. А. Функциональный потенциал реалий во французском художественном тексте // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 151–172.
5. Харитонов О. А. Стилистические функции исторических реалий в романе А. Н. Толстого «Петр Первый» // Вопросы лингводидактики и переводоведения: сборник научных статей. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический ун-т имени И. Я. Яковлева, 2017. С. 301–304.
6. Мельничук И. М. Функции лингвокультурных реалий в художественном переводе произведений национальной литературы // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 1 (61). С. 17–22.
7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
8. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. М.: АСТ : Астрель : Хранитель, 2007.
9. Тер-Минасова С. Г. Национальные литературы в диалоге культур в эпоху глобализации. Аспекты национальной идентичности // Россия и Запад: диалог культур. 2012. № 1. С. 7.
10. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации: монография / под ред. Н. А. Фененко, А. А. Кретьева. Воронеж: ИПЦ Воронежского государственного университета, 2013.
11. Iser W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response. London: The Johns Hopkins Press Ltd, 1987.
12. Яусс Г. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.

REFERENCES

1. Vinogradov, V. S. (2001). Vvedenie v perevodovedenie (obshhie i leksicheskie voprosy) = Introduction to Translation Studies (general and lexical issues). Moscow: Izdatel'stvo instituta obshhego i srednego obrazovaniya RAO. (In Russ.)

2. Vlahov, S. I., Florin, S. P. (1980). *Neperevodimoe v perevode* = The untranslatable in translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
3. Novikov, A. I. (2007). *Tekst i ego smyslovye dominanty* = Text and its semantic dominants. Moscow: Institut jazykoznanija RAN. (In Russ.)
4. Fenenko, N. A. (2014). The functional potential of realities in the French literary text. In *Language, communication and social environment*, 12, 151–172. (In Russ.)
5. Haritonova, O. A. (2017). *Stilisticheskie funkcii istoricheskikh realij v romane A. N. Tolstogo «Petr Pervyj»* = Stylistic functions of historical realities in A.N. Tolstoy's novel "Peter the Great". In *Voprosy lingvodidaktiki i perevodovedenija* (pp. 301–304): collection of papers. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovleva. (In Russ.)
6. Mel'nychuk, I. M. (2019). The functions of linguistic and cultural realities in the artistic translation of works of national literature. *Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 1(61), 17–22. (In Russ.)
7. Bahtin, M. M. (1979). *Jestetika slovesnogo tvorchestva* = Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
8. Ter-Minasova, S. G. (2007). *Vojna i mir jazykov i kul'tur: voprosy teorii i praktiki* = War and the world of languages and cultures: issues of theory and practice. Moscow: AST : Astrel' : Hranitel'. (In Russ.)
9. Ter-Minasova, S. G. (2012). National Literatures in a Dialogue of Cultures. *National Identity Aspects. In Russia and West: Dialogue of Cultures*, 1, 7. (In Russ.)
10. Fenenko, N. A., Kretova, A. A. (Eds.) (2013). *Francuzskie i russkie realii v aspekte teorii mezhjazykovoj renominacii: monografija* = French and Russian realities in the aspect of the theory of interlanguage renomination: monograph. Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.)
11. Iser, W. (1987). *The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response*. London: The Johns Hopkins Press Ltd.
12. Jauss, G. (1995). The history of literature as a provocation of literary criticism. In *Novoe literaturnoe obozrenie*, 12, 34–84. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раренко Мария Борисовна

кандидат филологических наук

ведущий научный сотрудник

Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rarenko Maria Borisovna

PhD (Philology)

Leading Research Fellow of Linguistics Department,

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.04.2025
03.05.2025
15.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Сферы применения корпусных менеджеров в российском и зарубежном научном пространстве

С. А. Романова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
s.a.romanova@linguanet.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору сфер применения корпусных менеджеров в российских и зарубежных научных публикациях за последние 10 лет. Установлено, что корпусные менеджеры и программное обеспечение на основе искусственного интеллекта применяются для анализа изменений, происходящих в языке в течение времени (десемантизации, дизамбигуации, транстерминологизации), тематических исследований конкретных типов текстов, составления терминологических словарей и баз данных, обучения иностранному языку.

Ключевые слова: научный дискурс, корпусный менеджер, лингвистический корпус, обучение иностранному языку, дизамбигуация, транстерминологизация

Для цитирования: Романова С. А. Сферы применения корпусных менеджеров в российском и зарубежном научном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 105–112.

Review article

Application Areas of Corpus Managers in the Russian and Foreign Scientific Space

Svetlana A. Romanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
s.a.romanova@linguanet.ru

Abstract. The article is devoted to the review of the areas of application of corpus managers in Russian and foreign scientific publications over the past 10 years. It has been established that corpus managers and artificial intelligence-based software are used to analyze changes occurring in a language over time (desemantization, disambiguation, transterminologization), case studies of specific types of texts, compilation of terminological dictionaries and databases, and teaching a foreign language.

Keywords: scientific discourse, corpus manager, linguistic corpus, teaching a foreign language, disambiguation, transterminologization

For citation: Romanova, S. A. (2025). Application areas of corpus managers in the Russian and foreign scientific space. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 105–112. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня лингвисты, занимающиеся темой корпусной лингвистики, или разрабатывают локально для своих исследовательских задач закрытые корпусные менеджеры и корпуса, или используют корпусные менеджеры (AntConc, Sketch Engine, WordSmith и др.) и корпуса (например, НКРЯ, ГИКРЯ, СОСА, FLEURON, CQP и др.), находящиеся в открытом доступе в Интернете. И в том, и в другом случае корпусные менеджеры применяются для лингвистического анализа оперируемых ими корпусов текстов различного жанра и объема, изучения изменений языка в реальной жизни, оценки качества перевода и для обучения студентов иностранным языкам [Gorozhanov, Guseynova, 2020; Палийчук, 2022; Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2022; Титова, Игнатова, 2024]. Отдельного интереса заслуживают исторические корпуса [Баранов, 2023].

При этом корпусные менеджеры могут включать в себя технологии искусственного интеллекта, расширяя технические возможности по сбору и частотному анализу корпусов текстов больших объемов, визуализации текстовых данных и постоянному их обновлению [Клочихин, 2024].

Целью исследования является обзор сфер применения корпусных менеджеров в гуманитарных исследованиях на примере современных российских и зарубежных научных публикаций.

В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие задачи:

- 1) отобрать и проанализировать русскоязычные и англоязычные научные публикации о применении корпусных менеджеров в гуманитарных исследованиях (корпусной лингвистике);
- 2) определить особенности использования корпусных менеджеров в гуманитарных науках.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили русскоязычные и англоязычные научные публикации о применении корпусных менеджеров в корпусной лингвистике, изданные за последние 10 лет. Критериями выбора научных публикаций являются следующие: а) опубликованы в открытом доступе в российских рецензируемых научных изданиях; б) опубликованы в открытом доступе в англоязычных рецензируемых научных изданиях по лингвистике (рубрика по классификатору научных направлений OECD «Languages and literature», а также по классификатору ASJC в базе данных Scopus «Arts and Humanities. 1203. Language and Linguistics», «Social Sciences. 3310. Linguistics and Language», «Computer Science. 1702. Artificial Intelligence»).

Отобраны статьи на русском языке по ключевым словосочетаниям «корпусный менеджер», «язык для специальных целей» и англоязычные статьи из базы данных Scopus по ключевым словосочетаниям «artificial intelligence in language learning», «corpus linguistics».

В работе использовались общенаучные методы описания и обобщения, анализ источников.

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассмотрим сферы применения корпусных менеджеров в русскоязычных научных публикациях.

Корпусное исследование Т. Р. Беляевой дисциплинарных подкорпусов академической части Корпуса современного американского английского (далее СОСА) с использованием корпусного менеджера «Word and Phrase» Академического подкорпуса СОСА выявило, что трех-, четырех- и многокомпонентные образования, употребляемые в терминологии прикладной математики и статистики, взаимодействуют с терминологией гуманитарных наук и общенаучной лексикой, способствуя появлению новых многокомпонентных номинативных терминов. При этом коэффициент лексической плотности новых терминов в гуманитарных науках отличается. По результатам исследования лексически более плотными являются тексты на английском языке точных, естественных, психологических и педагогических наук, менее плотными – тексты по истории, филологии, культурологии и философии [Беляева, 2021].

В 2022 году Т. Р. Беляева с помощью корпусного менеджера Sketch Engine создала репрезентативный корпус научных текстов BIOMED медико-биологической тематики (молекулярной и клеточной биологии, генетики, эндокринологии и др.). Корпус содержал более пяти млн словоупотреблений из 872 научных статей и предназначался для проведения сравнительного количественного анализа наиболее частотных академических прилагательных на английском языке в общенаучной и медицинской лексике, а также выявления у прилагательных корреляции высокой или низкой частотности с тремя разновидностями научного дискурса – социологическим, историческим и гуманитарным [Беляева, 2022]. Как показало исследование, плотность лексических единиц общенаучного характера (на примере изученных Т. Р. Беляевой глаголов-коллокатов прилагательного *significant*) возрастает при переходе от гуманитарного к естественно-научному дискурсу.

Е. И. Шпит и ее соавторы исследовали студенческий научный корпус с использованием инструментов компьютерной лингвистики Coh-Metrix

и Gramulator, чтобы продемонстрировать отличие студенческих научных работ российских студентов-инженеров, написанных на английском языке, от работ состоявшихся международных ученых, экспертов в своей области.

Исследователи применили метод машинного определения дифференциалов (Machine Differential Diagnosis) в совокупности с методом сравнительного корпусного анализа (Contrastive Corpus Analysis) для получения инструмента – «дифференцирующих наборов n-грамм», т. е. сочетаний слов, свойственных только одному из анализируемых корпусов текстов, в данном случае написанных студентами или состоявшимися учеными (экспертами) на английском языке. Этот инструмент позволил обнаружить множество расхождений в выборе российскими студентами лексико-грамматических и риторических средств на английском языке.

В итоге студенческие научные работы отличались от экспертных научных работ плотностью именных фраз, разбросом в длине предложений, низким лексическим разнообразием, отсутствием употребления предикативных придаточных предложений и средств хеджирования, что привело исследователей к предположению об использовании российскими студентами автоматического переводчика на английский язык для предварительно составленных текстов научных статей на русском языке. Таким образом, Е. И. Шпит и ее соавторы выявили проблему на стыке лингвистики и педагогики, для решения которой необходимо продолжать обучать российских студентов устному и письменному английскому академическому языку, чтобы их научные публикации и выступления были понятны международному научному сообществу [Шпит, Куровский, 2022].

В процессе взаимодействия преподаватели и студенты для улучшения письменной и устной научной коммуникации на английском языке могут использовать различное программное обеспечение (чат-ботов, тематические онлайн-платформы и социальные сети) [Беспалова, Тастемирова, Волкова, 2024]. Это программное обеспечение может также помочь в исследовании корпусов текстов [Uchida, 2024].

Большой интерес для исследователей, например, представляет проверка эффективности обработки запросов и точности работы модулей корпусного менеджера при вводе материалов на языке изолирующего типа – китайском.

В эксперименте по обработке в закрытом корпусном менеджере частеречной разметки комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» текстов китайских электронных СМИ с учетом типологических свойств

китайского языка был установлен уровень точности работы модуля – 7 % [Горожанов, 2024]. Наиболее частотными оказались запросы по идентификации нарицательного имени существительного и глагола, менее частотными – собственное имя существительное, частица, числительное, имя прилагательное. Погрешность работы модуля «китайский язык» составила 7 %, что побудило продолжить исследование с помощью специального ручного запроса и формирования списка «стоп-слов» для уменьшения погрешности. Специальный ручной запрос позволяет лингвистам находить последовательности токенов в корпусе по заданным ими параметрам, например, многокомпонентные имена собственные, которые впоследствии включаются в банк данных на основе частотного списка [Горожанов, Красицова, 2024].

Корпусный менеджер применяется и для создания текстовых заданий во время обучения иностранным языкам. Текстовое задание создается в формате XML на основе загруженных в модуль корпусов текстов на выбранном для обучения языке – английском, французском, немецком и пр. Функция генерации тестового задания прописывается в коде корпусного менеджера на языке программирования Python и обязательно содержит временную метку для защиты XML-файла от «затирания» [Горожанов, Гусейнова, 2024; Горожанов, Степанова, 2024].

Корпусные менеджеры используются при изучении языка в специальных целях. Во-первых, для составления из подготовленного корпуса электронного терминологического переводного словаря, т. е. списков слов, словосочетаний и определений для конкретной предметной области, помогающих студентам в освоении лексики и терминологии изучаемой дисциплины на иностранном языке [Васильева, Салимов, 2023]. Во-вторых, для создания из корпуса электронной терминологической базы лексики по конкретной научной дисциплине на иностранном языке [Шмелева, 2021]. При составлении терминологического словаря и базы лингвисты должны учитывать транслерминологизацию и экстралингвистические факторы, обуславливающие перенос термина из одной дисциплины в другую [Мусаева, Сложеникина, 2024].

В корпусной лингвистике также применяется NLP-инструментарий (например, библиотека обработки естественного языка spaCy и др.), который позволяет автоматически распознавать человеческую речь, анализировать, рубрицировать и обобщать текст и осуществлять машинный перевод. Несмотря на постоянные программные обновления и модификации инструментов по обработке естественного языка, ученые отмечают

наличие общей для всех систем на базе искусственного интеллекта проблемы – дизамбигуации – лексической многозначности слов [Гаджиев, Хмелёв, 2019; Зарипова, Лукашевич, 2023]. Слова в разных языках могут иметь как одно, так и несколько значений и употребляться в переносном значении. К тому же, омонимия, заимствованная узкоспециализированная терминология из точных и естественных наук, многозначность и неоднозначность сокращений и аббревиатур, нехватка аннотированных по значениям текстовых данных затрудняют устранение лексической многозначности слов в гуманитарных науках [Большина, 2022; Awotunde, 2025].

В случае непонимания искусственным интеллектом значения слова и контекста, в котором оно употребляется, возможны серьезные ошибки в машинном переводе [Коврижкин, 2022]. Для решения проблемы дизамбигуации (многозначности слов) необходимо выявление гипо-гиперонимических отношений в лексике [Alexeyevsky, Temchenko, 2016], разработка специализированных аннотированных наборов текстовых данных и создание стандартизированных контрольных показателей [Большина, 2022; Awotunde, 2025].

Перейдем к рассмотрению англоязычных научных публикаций о применении в гуманитарных науках корпусных менеджеров и об анализе корпусов.

Наибольшую сложность для зарубежных исследователей представляет работа по созданию и анализу корпусов текстов разных эпох, например на ранненовоанглийском [Säily et al., 2024]; текстов на урду (язык Пакистана и Индии) [Sadia et al., 2024]; арабском языке [Hassanein, Moustafa, 2024]; лингала (язык Демократической Республики Конго) [Sene-Mongaba, 2015] и на редких языках, например, микенском (древнегреческом языке) [Aurora, 2015] с применением как корпусных менеджеров (Sketch Engine), так и различного программного обеспечения на базе искусственного интеллекта (ChatGPT 3.5, mBART-large и др.). В некоторых случаях (например, при изучении антонимов) исследователи обращаются непосредственно к носителям языка, поскольку только они могут дать достоверную информацию о значении того или иного слова, включенного в корпус.

В исследовании потенциала большой языковой модели ChatGPT 3.5 по составлению списка наиболее частотных слов в сравнении с возможностями корпусного менеджера COCA по аналогичной исследовательской задаче было выявлено, что ChatGPT 3.5 демонстрирует на 75 % совпадение результатов с COCA [Uchida, 2024]. Тем не менее делается вывод о таких существенных

ограничениях большой языковой модели ChatGPT для исследования, как невозможность точно определить жанровую принадлежность слов, отсутствие воспроизводимости результатов и риск возникновения галлюцинаций (неподтвержденного текста) [Curry, Baker, Brookes, 2024].

При работе с корпусом исследователь точно знает, из какой предметной области взят текст, чего нельзя сказать о результатах обработки текстового запроса пользователя, выдаваемых большими языковыми моделями ChatGPT, GenAI и др. [Crosthwaite, Baisa, 2023]. В больших языковых моделях количество токенов в обучающих данных исчисляется миллиардами и триллионами, тогда как в закрытых корпусах – тысячами и миллионами. При этом сочетание корпусного подхода («жесткости» корпусных данных) и выдаваемых результатов больших языковых моделей («дифференциации» языка для пользователей с разным уровнем владения иностранным языком и знаний по запросу / промту «перепиши этот текст») при изучении языка дает, по мнению Crosthwaite и Baisa, больше сведений о его изменении во времени и контексте и сокращает время на подготовку тестовых заданий для обучающихся.

Из последних достижений в области корпусной лингвистики можно отметить создание Сиднейским центром информатики вместе с Сиднейской лабораторией корпусов текстов семантического разметчика (Semantic Tagger. v1.0., 2022)¹ для извлечения семантических тегов на уровне токенов из помеченного текста, лемм и тегов частей речи и многословных выражений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор сфер применения корпусных менеджеров в гуманитарных исследованиях на примере современных российских и зарубежных научных публикаций показал, что распространение корпусных менеджеров на основе искусственного интеллекта и NLP-инструментария облегчает работу исследователям-лингвистам при условии, что это программное обеспечение протестировано на наличие возможных ограничений производительности для хранения и обработки больших данных и защищено от DDoS-атак. При этом использование открыто размещенных в интернете корпусных менеджеров и корпусов, а также программного обеспечения на основе искусственного интеллекта во время обучения иностранным языкам (ChatGPT, чат-ботов и др.) должно гарантировать пользователям защиту их персональных данных.

¹URL: <https://github.com/Australian-Text-Analytics-Platform/semantic-tagger> (дата обращения: 13.03.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gorozhanov A. I., Guseynova I. A. Korpusanalyse der Konstituenten Grammatischer Kategorien im Literarischen Text mit Berücksichtigung der Linguoregionalen Komponente // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Vol. 13. № 12. P. 2035–2048. DOI 10.17516/1997-1370-0702. EDN KFHPIJ.
2. Палийчук Д. А. Корпусные технологии в лингвистических исследованиях // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 72–79. DOI: 10.24412/2713-0231-2022-6-72-79. EDN VLMGJT.
3. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Стандартизированная процедура получения статистических параметров текста (на материале цикла рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смок и Малыш») // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2022. № 4 (119). С. 7–13. EDN PXAVUX.
4. Титова С. В., Игнатова С. Д. Технология применения мультимодальных лингвистических корпусов для развития умений иноязычной интеракции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 6. С. 1539–1549. DOI 10.20310/1810-0201-2024-29-6-1539-1549. EDN CBJDQP.
5. Баранов В. А. Кирилло-Мефодиевская и Восточноболгарская лексика в рукописях X–XV вв. (корпусное исследование) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 6. С. 5–20. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.6.1. EDN CRRTSY.
6. Ключихин В. В. Корпусные технологии искусственного интеллекта в обучении сочетаемости слов и исследовательской работе // Иностранные языки в школе. 2024. № 3. С. 39–46. EDN JFYLFH.
7. Беляева Т. Р. Атрибутивное существительное во множественном числе в многокомпонентных синтагмах английской научной речи // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2021. № 1 (33). С. 57–72. EDN NZQDSU.
8. Беляева Т. Р. Корпусный подход к изучению общенаучной лексики английского языка: имя прилагательное // Казанская наука. 2022. № 3. С. 91–97. EDN WCSSBE.
9. Шпит Е. И., Куровский В. Н. Англоязычное научное письмо: затруднения начинающих русскоязычных авторов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. 2022. № 3 (61). С. 193–219. DOI 10.25146/1995-0861-2022-61-3-363. EDN EXQKUF.
10. Беспалова Ю. Е., Тастемирова З. К., Волкова М. В. Корпусный анализ перефразирования в научном дискурсе: закономерности, стратегии и последствия для улучшения письма и общения в академических текстах // Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (89). С. 23–29. EDN MRAPDZ.
11. Uchida S. Using early LLMs for corpus linguistics: Examining ChatGPT's potential and limitations. Applied Corpus Linguistics. 2024. Vol. 4. Iss. 1. P. 100089. DOI 10.1016/j.acorp.2024.100089.
12. Горожанов А. И. Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 11 (892). С. 24–30. EDN BCSCXQ.
13. Горожанов А. И., Красикова Е. А. Получение значимых данных из неподготовленного текста путем его автоматической обработки авторскими лингвистическими инструментами (на материале электронных китайских СМИ) // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. № 54. С. 115–138. DOI 10.25076/vpl.54.05. EDN GGUQXL.
14. Горожанов А. И., Гусейнова И. А. Применение элементов технологии управляемого искусственного интеллекта для наполнения онлайн-курса иностранного языка // Язык в эпоху цифровых трансформаций и развития искусственного интеллекта: сб. науч. ст. Международной научной конф., Минск, 23–24 октября. 2024 года. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2024. С. 26–32. EDN RQRSJA.
15. Горожанов А. И., Степанова Д. В. Лингводидактический потенциал сбалансированного корпуса текстов (на материале английского языка) // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: сб. материалов XI Международной науч.-практ. конф. Москва, 17–18 апреля 2024 года. М.: РУДН, 2024. С. 343–345. EDN TNKAPX.
16. Васильева Т. В., Салимов Ф. Н. Предпосылки создания цифрового переводного терминологического словаря тезаурусного типа для иностранных пользователей вузов инженерного профиля // Русский язык за рубежом. 2023. № 1 (296). С. 38–45. DOI 10.37632/PI.2023.296.1.006. EDN OPTNFC.
17. Шмелева О. Н. Краткий обзор переводных словарей противопожарной лексики (на материале немецкого и русского языков) // Культура и безопасность. 2021. № 4. С. 64–70. DOI 10.25257/KB.2021.4.64-70. EDN IPPZAH.
18. Мусаева А. С., Сложеникина Ю. В. Когнитивная обработка термина в процессе транслерминализации (на примере терминов искусственного интеллекта) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 6 (123). С. 103–113. DOI 10.23859/1994-0637-2024-6-123-9. EDN VBWFAM.

19. Гаджиев А. А., Хмелев А. К. Алгоритм Леска и система BabelFu для дизамбигуации // Вопросы прикладной лингвистики. 2019. № 4 (36). С. 54–77. DOI 10.25076/vpl.36.03. EDN PVWXOG.
20. Зарипова Д. А., Лукашевич Н. В. Подходы к автоматическому разрешению многозначности на основе неравномерности распределения значений слов в корпусе // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 6. С. 40–51. DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-4. EDN ALEVII.
21. Большина А. С. Методы автоматического формирования семантически размеченных корпусов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 2. С. 173–183. EDN QHGJLK.
22. Awotunde J. B. Chapter 28 – Word sense disambiguation in biomedical applications // Mining Biomedical Text, Images and Visual Features for Information Retrieval. Editor(s): Sujata Dash, Subhendu Kumar Pani, Wellington Pinheiro Dos Santos, Jake Y. Chen. Academic Press. 2025. P. 587–605. DOI 10.1016/B978-0-443-15452-2.00028-5.
23. Коврижкин А. А. Семантические проблемы машинного перевода // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием, Москва, 23 декабря 2021 года. М.: МГОУ, 2022. С. 295–302. EDN EZPPCR.
24. Alexeyevsky D. A., Temchenko A. V. WSD in monolingual dictionaries for Russian Word Net: Proceedings of the 8th Global Word Net Conference, GWC 2016: 8, Bucharest, 27–30 January 2016. Bucharest, 2016. P. 10–15. EDN WSTVXB.
25. Säily T. et al. Changing styles of letter-writing? Evidence from 400 years of early English letters in a POS-tagged corpus / Säily T., Vartiainen T., Siirtola H., Nevalainen T. // Unlocking the History of English: Pragmatics, prescriptivism and text types. Ed. by Luisella Caon, Moragh S. Gordon and Thijs Porck. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2024. P. 154–179. DOI 10.1075/cilt.364.07sai.
26. Sadia B. et al. Meeting the challenge: A benchmark corpus for automated Urdu meeting summarization / Sadia B., Adeeba F., Shams S., Javed K. // Information Processing & Management. 2024. Vol. 61. Iss. 4. P. 103734. DOI 10.1016/j.ipm.2024.103734.
27. Hassanein H. S. A., Moustafa B. S. M. Sequential order of antonym pairs in Modern Standard Arabic: A corpus-based analysis // Lingua. 2024. Vol. 306. P. 103742. DOI 10.1016/j.lingua.2024.103742.
28. Sene-Mongaba B. The Making of Lingala Corpus: An Under-resourced Language and the Internet // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 198. P. 442–450. DOI 10.1016/j.sbspro.2015.07.464.
29. Aurora F. DĀMOS (Database of Mycenaean at Oslo). Annotating a Fragmentarily Attested Language // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 198. P. 21–31. DOI 10.1016/j.sbspro.2015.07.415.
30. Curry N., Baker P., Brookes G. Generative AI for corpus approaches to discourse studies: A critical evaluation of ChatGPT // Applied Corpus Linguistics. 2024. Vol. 4. Iss. 1. P. 100082. DOI 10.1016/j.acorp.2023.100082.
31. Crosthwaite P., Baisa V. Generative AI and the end of corpus-assisted data-driven learning? Not so fast! // Applied Corpus Linguistics. 2023. Vol. 3. Iss. 3. P. 100066. DOI 10.1016/j.acorp.2023.100066.

REFERENCES

1. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A. (2020). Korpusanalyse der Konstituenten Grammatischer Kategorien im Literarischen Text mit Berücksichtigung der Linguoregionalen Komponente. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 13(12), 2035–2048. DOI 10.17516/1997-1370-0702.
2. Paliychuk, D. A. (2022). Corpus technologies in linguistic research. Humanitarian Research. History and Philology, 6, 72–79. 10.24412/2713-0231-2022-6-72-79. (In Russ.)
3. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2022). Standardized procedure for obtaining statistical parameters of a text (on the material of the stories by J. London “Smoke Bellew. Smoke and Shorty”). Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology, 4(119), 7–13. (In Russ.)
4. Titova, S. V., Ignatova, S. D. (2024). Technology of using multimodal linguistic buildings for the development of foreign language interaction skills. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities, 29(6), 1539–1549. DOI 10.20310/1810-0201-2024-29-6-1539-1549. (In Russ.)
5. Baranov, V. A. (2023). Cyril-Methodian and Eastern Bulgarian Words in the Manuscripts of the 10th-15th Centuries (Text Corpus Study). Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 22(6), 5–20. DOI 10.15688/jvolsu.2023.6.1. (In Russ.)
6. Klochikhin, V. V. (2024). Corpus technologies of artificial intelligence in teaching word compatibility and research work. Foreign Languages at School, 3, 39–46. (In Russ.)

7. Belyaeva, T. R. (2021). Attributive noun in the plural in multicomponent syntagmas of English scientific speech. *Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics*, 1(33), 57–72. (In Russ.)
8. Belyaeva, T. R. (2022). A corpus approach to the study of the general scientific vocabulary of the English language: An adjective. *Kazan Science*, 3, 91–97. (In Russ.)
9. Shpit, E. I., Kurovsky, V. N. (2022). English-language scientific writing: The difficulties of novice Russian-speaking authors. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University Named After V. P. Astafiev*, 3(61), 193–219. DOI 10.25146/1995-0861-2022-61-3-363. (In Russ.)
10. Beshpalova, Y. E., Tastemirova, Z. K., Volkova, M. V. (2024). Corpus analysis of paraphrasing in scientific discourse: Patterns, strategies, and consequences for improving writing and communication in academic texts. *Humanitarian Studies*, 1(89), 23–29. (In Russ.)
11. Uchida, S. (2024). Using early LLMs for corpus linguistics: Examining ChatGPT's potential and limitations. *Applied Corpus Linguistics*, 4(1), 100089. DOI 10.1016/j.acorp.2024.100089.
12. Gorozhanov, A. I. (2024). Architecture of a balanced linguistic corpus built automatically (experience of Moscow State Linguistic University). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(892), 24–30. EDN BCSCXQ. (In Russ.)
13. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). Obtaining meaningful data from an unprepared text by automatically processing it with author's linguistic tools (based on the material of electronic Chinese media). *Questions of Applied Linguistics*, 54, 115–138. DOI 10.25076/vpl.54.05. (In Russ.)
14. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A. (2024). Application of elements of controlled artificial intelligence technology to complete an online foreign language course. *Language in the era of digital transformations and the development of artificial intelligence* (pp. 26–32): Proceedings of the International scientific conference. Minsk. (In Russ.)
15. Gorozhanov, A. I., Stepanova, D. V. (2024). Lingvodidactic potential of a balanced corpus of texts (based on the English language). *Current issues of linguistics and linguodidactics of foreign language for business and professional communication* (pp. 343–345): Proceedings of the XI International scientific and practical conference. Moscow. (In Russ.)
16. Vasilyeva, T. V., Salimov, F. N. (2023). Prerequisites for creating a digital translated thesaurus-type terminological dictionary for foreign users of engineering universities. *Russian Language Abroad*, 1(296), 38–45. DOI 10.37632/PL.2023.296.1.006. (In Russ.)
17. Shmeleva, O. N. (2021). A brief overview of translated dictionaries of fire vocabulary (based on the material of German and Russian languages). *Culture and Safety*, 4, 64–70. DOI 10.25257/KB.2021.4.64-70. (In Russ.)
18. Musayeva, A. S., Skladenikina, Yu. V. (2024). Cognitive processing of a term in the process of transterminologization (using the example of artificial intelligence terms). *Bulletin of Cherepovets State University*, 6(123), 103–113. DOI 10.23859/1994-0637-2024-6-123-9. (In Russ.)
19. Gadzhiev, A. A., Khmelev, A. K. (2019). The Leska algorithm and the Babelfy system for disambiguation. *Questions of Applied Linguistics*, 4(36), 54–77. DOI 10.25076/vpl.36.03. (In Russ.)
20. Zaripova, D. A., Lukashevich, N. V. (2023). Approaches to automatic resolution of ambiguity based on the uneven distribution of word meanings in the corpus. *Bulletin of the Moscow University. Episode 9: Philology*, 6, 40–51. DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-4. (In Russ.)
21. Bolshina, A. S. (2022). Methods of automatic formation of semantically marked buildings. *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*, 2, 173–183. (In Russ.)
22. Awotunde, J. B. (2025). Word sense disambiguation in biomedical applications. In Dash, S., Pani, S. K., Dos Santos, W. P., Chen, J. Y. (Eds.), *Mining Biomedical Text, Images and Visual Features for Information Retrieval* (pp. 587–605). Academic Press. DOI 10.1016/B978-0-443-15452-2.00028-5.
23. Kovrizhkin, A. A. (2022). Semanticheskie problemy mashinnogo perevoda = Semantic problems of machine translation. In *The Role and Place of Linguistic and Cultural Adaptation of Literary Text in the Theory and Practice of Translation. Translation Strategies and Tactics* (pp. 295–302): Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Moscow, December 23, 2021. Moscow: Moscow State Regional University. (In Russ.)
24. Alexeyevsky, D. A., Temchenko, A. V. (2016). WSD in monolingual dictionaries for Russian WordNet. In *Proceedings of the 8th Global WordNet Conference* (pp. 10–15), GWC 2016, Bucharest, January 27–30. Bucharest.
25. Säily, T. et al. (2024). Changing styles of letter-writing? Evidence from 400 years of early English letters in a POS-tagged corpus. In Caon, L., Gordon, M. S., Porco, T. (Eds.), *Unlocking the History of English: Pragmatics, Prescriptivism and Text Types* (pp. 154–179). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. DOI 10.1075/cilt.364.07sai.
26. Sadia, B., Adeeba, F., Shams, S., Javed, K. (2024). Meeting the challenge: A benchmark corpus for automated Urdu meeting summarization. *Information Processing & Management*, 61(4), 103734. DOI 10.1016/j.ipm.2024.103734.

27. Hassanein, H. S. A., Moustafa, B. S. M. (2024). Sequential order of antonym pairs in Modern Standard Arabic: A corpus-based analysis. *Lingua*, 306, 103742. DOI 10.1016/j.lingua.2024.103742.
28. Sene-Mongaba, B. (2015). The making of Lingala corpus: An under-resourced language and the Internet. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 198, 442–450. DOI 10.1016/j.sbspro.2015.07.464.
29. Aurora, F. (2015). DĀMOS (Database of Mycenaean at Oslo). Annotating a fragmentarily attested language. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 198, 21–31. DOI 10.1016/j.sbspro.2015.07.415.
30. Curry, N., Baker, P., Brookes, G. (2024). Generative AI for corpus approaches to discourse studies: A critical evaluation of ChatGPT. *Applied Corpus Linguistics*, 4(1), 100082. DOI 10.1016/j.acorp.2023.100082.
31. Crosthwaite, P., Baisa, V. (2023). Generative AI and the end of corpus-assisted data-driven learning? Not so fast! *Applied Corpus Linguistics*, 3(3), 100066. DOI 10.1016/j.acorp.2023.100066.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романова Светлана Андреевна

специалист отдела научного менеджмента и наукометрии
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanova Svetlana Andreevna

Specialist of the Department of Scientific Management and Scientometrics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.04.2025
04.05.2025
15.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Вербализация образа французов сквозь призму метафоры

Д. Р. Щербакова

*Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
vedernikovad2000@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности образа французов, вербализованного с помощью метафор в романах современных французских авторов – Анны Гавальды и Франсуазы Саган. Автор прослеживает историю изучения метафор в художественном дискурсе. Рассматриваются виды метафор, функционирующих в художественном тексте, и их основные типологии. Излагается сущность описания лингвистического подхода к понятию «образ». Автор изучает взаимосвязь понятий «образ» и «метафора». На материале романов «Просто вместе» Анны Гавальды и «Здравствуй, грусть» Франсуазы Саган автор выделяет периферийные характеристики образа французов, переданные сквозь призму метафор: эмоциональность, чувствительность и индивидуализм.

Ключевые слова: образ, лингвокультурология, французский язык, метафора, концепт, французская литература

Для цитирования: Щербакова Д. Р. Вербализация образа французов сквозь призму метафоры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 113–118.

Original article

Verbalization of the Image of French People Through the Prism of Metaphor

Daria R. Scherbakova

*Kuban State University, Krasnodar, Russia
vedernikovad2000@gmail.com*

Abstract. The article examines the peculiarities of the image of the French, verbalized with the help of metaphors in the novels of modern French authors – Anna Gavalda and Françoise Sagan. The author traces the history of the study of metaphors in artistic discourse. The types of metaphors functioning in a literary text and their main typologies are considered. A description of the linguistic approach to the concept of “image” is given. The author studies the relationship between the concepts of “image” and “metaphor”. Based on the material of the novels “Just Together” by Anna Gavalda and “Hello Sadness” by Françoise Sagan, the author highlights the peripheral characteristics of the image of the French, conveyed through the prism of metaphors: emotionality, sensitivity and individualism.

Keywords: image, linguoculturology, French language, metaphor, concept, French literature

For citation: Scherbakova, D. R. (2025). Verbalization of the image of French people through the prism of metaphor. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 113–118. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Образ – объект изучения многих гуманитарных наук, в том числе и лингвистики. Исследователи изучают речевые, характерные, индивидуальные, архетипичные образы персонажей литературного произведения, образы-мотивы и образы-топосы [Ребезова, 2020]. Образ в литературном произведении может через индивидуальное представлять коллективное. По этой причине образ является ценным объектом для анализа. В свою очередь метафора – важнейшая часть любого художественного образа, инструмент, с помощью которого автор текста воссоздает образ.

Долгая история изучения метафоры дает возможность проследить эволюцию трактовки понятия, сущности и его функций.

По сей день метафора является ценным объектом для исследования. Со времен Античности метафора прочно зафиксирована в естественном языке и трансформируется вместе с человеком. Сегодня лингвисты, изучая метафору, определяют взаимосвязь между метафорой и человеческим мышлением – такой подход характерен для когнитивной лингвистики.

Цель исследования – изучение образа жителей Франции сквозь призму метафоры художественных текстов современных французских писательниц – Анны Гавальды и Франсуазы Саган, чьи романы являются прекрасным источником метафор, функционирующих в современном французском языке, с позиций лингвистической относительности.

Задачи исследования:

- определение понятий «метафора» и «образ» и их взаимосвязь;
- рассмотрение структуры понятия «образ»;
- компонентный анализ метафор, вербализующих образ французов в романах современных французских авторов.

Так, в настоящем исследовании в центре внимания не только авторские метафоры, которые чаще всего изучаются в рамках художественного дискурса, но и метафоры, свойственные французскому языку в целом. Такие метафоры совершенно незаслуженно остаются без внимания, тогда как в них закодирована информация о языке, о его носителях, об их характере и о ментальности. В свою очередь, современные художественные тексты отражают состояние языка сквозь призму актуальных языковых метафор, используемых сегодня носителями языка. Лингвокультурный подход позволяет исследовать метафоры с точки зрения их влияния на восприятие художественного образа.

Методы исследования:

- описательный, используемый для демонстрации примеров метафор;

- метод логического сопоставления, благодаря которому сравниваются различные виды языковых метафор;
- метод компонентного анализа, с помощью которого в работе исследуются отдельные компоненты метафор.

Материалом исследования послужили романы современных французских авторов – «*Bonjour Tristesse*» («Здравствуй, грусть») Франсуазы Саган, «*Ensemble, c'est tout*» («Просто вместе») Анны Гавальды, представляющие ценность с точки зрения изучения современного французского языка.

МЕТАФОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Теоретические проблемы настоящего исследования заключаются в соотношениях понятий «образ» и «метафора». Кроме того, важно выделить виды метафор, вербализующих образ персонажей в тексте, а также определить структуру понятия «образ».

Античное понимание метафоры актуально и сегодня, так как универсально и лежит в основе множества других определений. Аристотель одним из первых определил природу метафоры, для него метафора это – «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид» [Аристотель, 2018, с. 207]. Иными словами, метафора – искусство, подражающее какому-либо явлению из реальной жизни.

С момента определения метафоры как термина из области риторики, теория метафоры активно развивается, как развиваются и трансформируются языки. Сначала метафора рассматривалась лишь как средство риторики и поэтики. Однако после античного расцвета изучения метафоры, ее исследования сошли на нет, что было связано в первую очередь с упадком риторики. Долгое время к метафоре относились лишь как к украшению языка, образному словосочетанию, которое далеко не всегда уместно в речи [Лагута, 2004]. Так, А. Ричардс утверждает, что метафора на протяжении ее долгой истории изучения воспринималась как гибкость слов, необходимая для украшения текста, а не как особая языковая форма [Richards, 1965].

Современное понимание метафоры иное. Метафора не только служит писателю или поэту средством речевой художественной выразительности, осуществляющим эстетическую функцию [Бахчоян, 2017]. Сквозь призму метафоры формируется сознание человека, что находит отражение в национальных языках. О влиянии метафоры на язык в XX веке заговорили крупные ученые. Лингвисты и антропологи, сравнив метафоры, закрепившиеся в разных языках, и сопоставив их с различными факторами (например, географическими,

историческими, социальными), пришли к выводу, что метафоры влияют не столько на язык, сколько на сознание, на мышление носителей [Сорокина, 2024]. Лингвист Дж. Лакофф и философ М. Джонсон выделяют такое понятие, как «метафорическое мышление» [Лакофф, Джонсон, 2023, с. 23]. В первую очередь это понятие характерно для когнитивной лингвистики, в рамках которой изучаются метафоры, влияющие на когнитивные процессы человека. В книге «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон рассуждают о месте метафоры в жизни человечества. Ученые видят место метафоры как в естественном языке, так и за его пределами. Это «новое место» метафоры – значительный поворот в философии языка, заставивший лингвистов переосмыслить функции метафоры в художественном тексте [Алексеев, 2014].

При изучении метафоры художественного текста очень важно выделить функциональные типы метафоры и отметить их в анализируемом тексте. Н. Д. Арутюнова выделила следующие типы: *номинативный*, *когнитивный*, *образный*, *генерализирующий* [Теория метафоры, 1990]. В *номинативном* функциональном типе перенос свойства с одного предмета на другой основан на сходстве признаков. *Образный* тип метафоры заключается в отражении оценочного значения, в передаче зрительного образа. *Когнитивный* тип выражает общность предметов (реальную или выдуманную). *Генерализирующий* тип стирает границы порядка логики в лексическом значении.

Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют иные три функциональных типа метафор: *онтологический*, *ориентационный* и *структурный* [Лакофф, Джонсон, 2023]. Разделение основано на особенностях происхождения метафор. Так, *онтологические* метафоры основаны на переносе свойств предметов или человека на абстрактные концепты и понятия, при переносе характеристики той или иной вещи, например, на эмоциональную сферу, носитель языка даже не всегда замечает метафоризации. Такие метафоры приживаются в языке и свободно в нем функционируют. *Ориентационный* тип метафоры связан с пространством, что видно из его названия. Данные метафоры направлены также на организацию различных абстрактных понятий, но в соответствии с ощущениями человека в пространстве, сформированными благодаря моторному опыту. *Структурные* метафоры передают абстрактные понятия с помощью грамматических структур и категорий.

Кроме того, стоит упомянуть разделение метафор на *индивидуально-авторские*, которые создает писатель в процессе написания художественного текста, а также *языковые*, которые функционируют

в языке. Как индивидуально-авторские, так и языковые метафоры встречаются в художественном тексте и являются инструментами вербализации образов в художественном дискурсе.

Из классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона мы видим, что для исследователей природа метафоры в первую очередь заключается в кодировании и передаче абстрактных концептов, которые сложны для передачи в речи, поэтому они поддаются процессу метафоризации, для их вербализации в языке образуются метафоры, которые легко доступны для понимания носителям языка, но далеко не всегда понятны иностранцам, так как в другом языке эти же абстрактные явления могут быть закодированы по-иному. Языковые метафоры, с точки зрения исследователей, – это результат процесса осмысления человеком окружающей действительности.

Еще одна важная функция метафоры при создании образа, кроме упрощения передачи абстрактных концептов, – это сокращение. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает, что метафора – лаконична [Теория метафоры, 1990]. Она делает текст более емким, вмещающим в себя точные образы-отражения персонажей, при этом не распространяя предложение. Это утверждение одинаково справедливо как для авторских метафор, так и для языковых.

Изучение метафоры в художественном тексте влияет не только на анализ художественных образов, но и способствует более глубокому восприятию основных концептов текста, мыслей автора.

ОБРАЗ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Важнейшее понятие, характерное для анализа художественного дискурса, – это образ. С точки зрения характера образов персонажей художественный текст изучают в первую очередь литературоведы, для которых представляет ценность образ сам по себе. Образ в его историческом аспекте изучают философы. Для лингвистов в первую очередь важна языковая составляющая образа.

Образ французов является частью концепта «Франция» и ярко представлен во французской литературе. Как отмечает Е. Б. Борисова, «образ» является носителем информации о культуре, нравах, обычаях, социально-историческом фоне запечатленного общества, в тот или иной исторический период [Борисова, 2009]. Исследователь дает емкое определение понятия «образ», которое применимо как к художественному тексту, так и к любому другому, в котором вербализуются различные образы: «конкретная и в то же время обобщенная картина бытия, созданная

при помощи вербальных средств и художественно-композиционных приемов, и имеющая эстетическое значение» [Борисова, 2009, с. 21]. Из определения Е. Б. Борисовой мы можем вывести структуру образа, базовый слой которого смысловая составляющая, зашифрованная с помощью художественно-композиционных приемов, в этот слой входят основные, самые важные характеристики образа, часто абстрактные, именно поэтому, вербализованные с помощью метафор, несмотря на их возможный абстрактный характер, они являются периферийными.

Базовый слой образа – центральная, но в то же время непостоянная часть образа, так как она меняется в зависимости от типов образа. Бытие человека глобально, оно включает в себя всё сущее, так и образы очень дифференцированы, и ядро урбанистического образа и образа человека не могут быть равны. Метафора занимает важное место в структуре образа как инструмент, с помощью которого автор текста переносит из своего сознания на бумагу ядро целого образа. Отдельные признаки образа расположились вокруг ядра, они имеют большую значимость, однако эти характеристики менее конкретные. Таков, например, исторический признак образа. Исторический слой образа «безумия» в мировой литературе показал М. Фуко, исследовавший историческую эволюцию изучаемого образа [Фуко, 2010]. При разных второстепенных слоях одного и того же образа в разные эпохи, в периферии образа «безумия» всегда обнаруживается единство.

Метафоры и образ. Языковые метафоры, представляя собой продукт групповой языковой деятельности, а не индивидуальной, вербализуют периферию образа французов, так как содержат общее представление о бытии.

Проанализировав языковые метафоры в романах Ф. Саган и А. Гавальда, мы можем отметить базовый уровень образа французского народа, презентуемый в современном художественном тексте. В центре – периферийные характеристики, такие как *чувствительность, эмоциональность и индивидуализм*.

О французах как о людях эмоциональных и чувствительных говорят многочисленные онтологические метафоры, например: *l'ennui, la douceur m'obsèdent* – скука, плавность преследуют меня (F. Sagan. *Bonjour tristesse*). Глагол *obséder* (одолевать, преследовать, мучать) употребляется по отношению к абстрактным именам существительным, простой троп – олицетворение эмоций, говорит об их важности, об их частом присутствии.

Эпитеты, используемые во французском языке по отношению к эмоциям, создают подобные

ориентационные метафоры, например: *c'est un sentiment si complet, si égoïste* – это чувство такое полное, такое эгоистичное; *très absorbée par sa pensée* – очень напуганная своими мыслями (F. Sagan. *Bonjour tristesse*).

Не менее частотны ориентационные метафоры, передающие эмоциональную составляющую образа французов, например: *espérant vaguement* – надеясь смутно (A. Gavalda. *Ensemble, c'est tout*). Согласно толковому словарю *Larousse*, *vaguement* означает: «de façon imprécise, peu distincte, peu visible»¹ (неточно, не очень отчетливо, не очень заметно), т. е. ближайший по смыслу перевод – *смутно*. Однако, интересно, что при морфемном разборе наречия, видно, что в корне слова – существительное *vague* (волна). Самое наречие *vaguement* образовано с помощью ориентационной метафоры, переносящей свойства волны, ее ориентации в пространстве на чувства и эмоции.

Метафоры, функционирующие в сознании французов, говорят о том, какое важное место занимают эмоции в их жизни, они одушевляют эмоции и отводят их описанию большое место.

Об индивидуализме французов говорят многочисленные языковые метафоры, прочно закрепленные в языке. Такие фразы, как *elle avait raison* (она была права, букв. 'она имела причину'), *elle avait froid* (ей было холодно, букв. 'у нее был холод'), *elle avait mal* (ей было больно, букв. 'у нее была боль') – включают в себя глагол *avoir* (иметь), являются языковыми метафорами (A. Gavalda. *Ensemble, c'est tout*). Лишь дословный перевод фраз помогает понять, что перед нами устойчивые выражения, метафоричные по своей сути. Использование глагола *иметь* заостряет проблему человека, возникшую именно у него, метафора-обладание очень характерная метафора для французского языка. Французы *обладают голодом* (*avoir faim*) и *жаждой* (*avoir soif*), *обладают* даже своим *возрастом* (*avoir un âge*), когда они неправы – признают вину с помощью фразы *иметь вину, ошибку* (*avoir tort*)².

В ходе анализа нами были обнаружены метафоры, характеризующие современные реалии. Такие метафоры универсальные, выражают скорее общечеловеческие проблемы, например: *les gamins, ils sont tous un portable* – *дему, они все в телефонах* (A. Gavalda. *Ensemble, c'est tout*).

К универсальным метафорам можно отнести и следующую метафору: *elle savait comment finissent les vieilles femmes* – она знала, как заканчивают старые женщины. В этом случае метафора понятна абсолютно всем, приблизительно

¹Larousse: онлайн-словарь. URL: <https://www.larousse.fr> (дата обращения: 15.02.2025).

²URL: <https://www.larousse.fr> (дата обращения: 15.02.2025).

одинаково она звучит в других языках, так как затрагивает общий для всего человечества страх – страх смерти.

Также в тексте романов современных писательниц встречаются метафоры, представляющие концепт «savoir-vivre» (фр. умение жить), так ярко представленный в классической французской литературе и фигурирующий во многих современных исследованиях в сфере лингвокультурологии. Характеристика, действительно архетипичная для французского общества. Например, вспоминая давнюю подругу своей матери, главная героиня романа Ф. Сеган произносит: «Elle m'avait habillée avec goût et appris à vivre». – «Она одела меня со вкусом и научила жить» (F. Sagan. *Bonjour tristesse*). В данном случае *appris à vivre* (научила жить) – это метафора, впитавшая в себя концепт, распространенный во французской лингвокультуре «savoir-vivre» (букв. 'уметь жить'), влияющий на разные сферы жизни французов. Компоненты концепта – умение жить со вкусом и удовольствием, знание норм этикета. Данная метафора позволяет сделать вывод, что концепт «savoir-vivre» – часть исторического слоя образа французского народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, метафора является инструментом, помогающим автору художественного текста вербализовать различные аспекты образа, в первую очередь метафоризации подвергаются его основные, периферийные уровни, так как часто они связаны с абстрактными явлениями или эмоциями.

В работе мы проследили соотношения понятий «образ» и «метафора» в художественном дискурсе и пришли к выводу, что данные понятия функционируют в тесной взаимосвязи, а анализ метафоры является неотъемлемым элементом изучения образа.

Метафора наделяет художественный дискурс лаконичностью и экспрессивностью, кроме этих важнейших функций, метафора выполняет и другую – передает «непередаваемое», то, что является содержанием человеческого бытия и вербализуется в естественном языке через метафоричное осмысление человеком. Метафорика романов современных французских авторов является ценным источником информации о современном французском народе, его особенностях и характере. Образ французов вербализуется в первую очередь в языковых метафорах, функционирующих во французском языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ребезова О. И. Основные теоретические подходы к изучению метафоры // Science Time. 2020. № 2 (74). С. 35–38.
2. Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: АСТ, 2018.
3. Лагута О. Н. Метафорика: границы исследовательского объекта // Сибирский филологический журнал. 2004. № 1. С. 102–116.
4. Richards I. A. The Philosophy of Rhetoric. Oxford: Oxford University Press, 1965.
5. Бахчоян А. М. Функции метафоры в разных типах дискурса // Инновационная наука. 2017. № 4–3. С. 158–160.
6. Сорокина Е. А. Классификация когнитивных метафор в современном языкознании // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. 2024. № 1. С. 79–83.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: ЛКИ, 2023.
8. Алексеев К. И. Метафоры и их presuppositions: воздействие в научном дискурсе // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Институт психологии РАН, 2014. С. 112–120.
9. Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990.
10. Борисова Е. Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского Государственного университета. Серия: искусствоведение, филология. 2009. № 35. С. 20–26.
11. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010.

REFERENCES

1. Rebezova, O. I. (2020). Osnovnye teoreticheskie podhody k izucheniyu metafor = Basic theoretical approaches to the study of metaphor. Science Time, 2(74), 35–38. (In Russ.)

2. Aristotle. (2018). The rhetoric. Poetics. Moscow: AST. (In Russ.)
3. Laguta, O. N. (2004). Metaforika: granicy issledovatel'skogo ob»ekta = Metaphorics: the boundaries of a research facility. Siberian Philological Journal, 1, 102–116. (In Russ.)
4. Richards, I. A. (1965). The philosophy of Rhetoric. Oxford: Oxford University Press.
5. Bahchoyan, A. M. (2017). Funkcii metafor v raznyh tipah diskursa = The functions of metaphor in different types of discourse. Innovative Science, 4–3, 158–160. (In Russ.)
6. Sorokina, E. A. (2024). Classification of cognitive metaphors in modern linguistics. Scientific notes of the Shadrinsky State Pedagogical University, 1, 79–83. (In Russ.)
7. Lakoff, G., Johnson, M. (2023). Metaphors We Live By. Moscow: LKI. (In Russ.)
8. Alekseev, K. I. (2014). Metafor i ih presuppozicii: vozdejstvie v nauchnom diskurse = Metaphors and their presuppositions: impact in scientific discourse. In Psychological impact in interpersonal and mass communication. (pp. 112–120). Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
9. Arutyunova, N. D., Zhurinskaya, M. A. (Eds.). (1990). Teoriya metafor = The theory of metaphor. Moscow: Progress. (In Russ.)
10. Borisova, E. B. (2009). O sodержanii ponyatij “hudozhestvennyj obraz” i “obraznost” v literaturovedenii i lingvistike = On the content of the concepts of “artistic image” and “imagery” in literary criticism and linguistics. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history, 35, 20–26. (In Russ.)
11. Foucault, M. (2010). The story of madness in the classical era. Moscow: AST. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щербакова Дарья Романовна

преподаватель кафедры французской филологии
Кубанского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Scherbakova Daria Romanovna

Lecturer in the Department of French Philology
Kuban State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.04.2025
10.05.2025
18.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Bayrisch – на пути от диалекта к региональному языку

Е. А. Юкляева

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e.yuklyaeva@linguanet.ru*

Аннотация. Целью исследования является краткий анализ основных точек зрения на статус баварского диалекта, представленных в современном лингвистическом и социолингвистическом дискурсе Германии. В ходе исследования наряду с методом дискурсивного анализа применялся описательный метод и метод обобщения. Материалами для исследования послужили работы современных немецких лингвистов, занимающихся проблемами диалектологии и изучением региональных языков, а также официальные материалы с сайта Европейской хартии региональных языков и языков национальных меньшинств. В результате исследования делается вывод о соответствии баварского диалекта основным критериям для признания диалекта региональным языком, отмечается необходимость сохранения уникальной «диглоссии» в Баварии как коллективного культурного наследия этой федеральной земли.

Ключевые слова: баварский диалект, региолект, региональный язык, вариантность, формы существования немецкого языка, Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств

Для цитирования: Юкляева Е. А. Bayrisch – на пути от диалекта к региональному языку // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 119–125.

Original article

Bayrisch – on the Way from Dialect to Regional Language

Elena A. Yuklyaeva

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e.yuklyaeva@linguanet.ru*

Abstract. The objective of the research introduced in the article was to briefly analyze basic viewpoints on the status of Bavarian dialect represented in German current linguistic and sociolinguistic discourse. In the course of the research discourse analysis method, descriptive method as well as method of generalization have been applied. A number of scientific works of modern German linguists exploring problems of dialectology along with regional languages and official information published on the website of the European charter of regional and minority languages have served as research materials. As the result of the research the conclusion about the conformity of Bavarian dialect with main criteria for the recognition of a dialect as regional language is drawn; the necessity for preservation of unique “diglossia” in Bavaria as joint cultural heritage of the mentioned federal state is pointed out.

Keywords: Bavarian dialect, regional dialect, regional language, variance, German language existence forms, European charter of regional and minority languages

For citation: Yuklyaeva, E. A. (2025). Bayrisch – on the way from dialect to regional language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 119–125. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В 2024 году в ФРГ значительно активизировалась дискуссия о статусе баварского диалекта (Bayrisch). Основными темами этой дискуссии являются следующие: находится ли баварский диалект на грани исчезновения и какие меры можно предпринять для стабилизации позиции баварского диалекта в федеральной земле Бавария. Вопросом, непосредственно связанным с вышеуказанными темами, является вопрос о том, что же в настоящее время представляет собой баварский диалект – «еще» диалект или «уже» региональный язык.

Лингвисты-историки утверждают, что в Баварии со времен Реформации и Мартина Лютера для письма используется не родной баварский диалект, а немецкий литературный язык (Standardsprache), который всё более проникает и в устную речь. Именно поэтому уже в 2009 году ЮНЕСКО присвоила баварскому диалекту статус «потенциально подверженного угрозе исчезновения» (potentially vulnerable)¹. Против такой угрозы активно выступают две самые известные языковые ассоциации Баварии: Ассоциация содействия баварскому языку и диалектам (der Förderverein Bairische Sprache und Dialekte (FBSD) и Союз Баварского языка (Bund Bairische Sprache (BBS), которые в 2024 году обратились в земельный парламент Баварии с конкурирующими предложениями по «спасению» диалекта. Ассоциация содействия баварскому языку и диалектам (FBSD) предлагает зарегистрировать баварский диалект в Европейской хартии региональных языков и языков национальных меньшинств и тем самым наделить баварский диалект статусом регионального языка; вследствие этого диалект будет находиться под защитой Совета Европы. Союз Баварского языка (BBS), напротив, считает подобное предложение контрпродуктивным и выступает против «конвертации» баварского диалекта в региональный язык в связи с отсутствием письменности на диалекте.

Цель исследования – проведение краткого анализа основных точек зрения на статус баварского диалекта, представленных в современном лингвистическом и социолингвистическом дискурсе Германии. Методика проведения анализа включает решение следующих задач:

- 1) определить основные отличительные признаки региональных языков (региолектов) и диалектов как форм проявления вариантности (немецкого) языка;

- 2) выявить характеристики баварского диалекта, позволяющего классифицировать его в будущем как региональный язык;
- 3) рассмотреть прецедентные случаи признания некоторых европейских диалектов региональными языками.

Для решения этих задач использовались не только лингвистические и лингводиакронические сведения, но также данные социологических опросов и социолингвистических наблюдений. В связи с этим в ходе исследования наряду с методом дискурсивного анализа применялся описательный метод и метод обобщения.

Междисциплинарный контекст анализа современного статуса баварского диалекта и амбивалентность подходов к его рассмотрению в лингвистическом дискурсе Германии обусловили новизну статьи. В практическом отношении полученные результаты могут быть использованы как в ходе теоретической, так и практической профессиональной подготовки устных и письменных переводчиков.

Материалами исследования послужили работы современных немецких лингвистов Л. Цехетнера, Э. Роули, Х. Шойтца, Р. Керайна и др., а также официальные материалы с сайта Европейской хартии региональных языков и языков национальных меньшинств².

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ КАК ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ВАРИАНТНОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Диалекты и региолекты как варианты немецкого языка активно исследуются в современном немецком лингвистическом сообществе, поскольку изучение указанных языковых явлений и их взаимоотношений с немецким литературным языком позволяет делать выводы об изменениях языка, происходящих в синхронии. Тем не менее в германистике в настоящее время не существует четкого разграничения дефиниций «региональный язык» и «диалект»; указанные понятия различаются учеными, скорее, на основании своих признаков и критериев. Немецкий лингвист Р. Керайн формулирует следующие признаки региональных языков, отличающие их от диалектов [Kehrein, 2019]:

1. Нормирование (стандартизация). Одним из признаков регионального языка является стандартизация. Диалекты, как правило, не нормированы.
2. Унифицированная орфография. Еще одним признаком самостоятельного регионального языка является унифицированная орфография, которой не обладают диалекты. Разумеется, может

¹URL: <https://en.wal.unesco.org/languages/bavarian> (дата обращения: 18.03.2025).

²URL: <https://www.coe.int/de/web/european-charter-regional-or-minority-languages> (дата обращения: 18.03.2025).

существовать так называемая народная письменность (поэзия) на диалекте, которая, однако, не следует единым правилам, скорее, она представляет собой фиксирование на письме устного диалекта.

3. Взаимопонимание в ареале распространения регионального языка.

Немецкие лингвисты Ю. Шмидт и Й. Херрген в монографии «Языковая динамика: Введение в современные исследования региональных языков» («Sprachdynamik: Eine Einführung in die moderne Regionalsprachenforschung») представили основные теоретические концепции диалектологии и исследования региональных языков [Schmidt, Herrgen, 2011]. Так, в частности, они определяют понятия «вариант», «диалект», «литературный язык» и «региональный язык» с точки зрения теории языковой динамики, которая, в свою очередь, понимается авторами как наука о множестве влияний на постоянно изменяющийся язык, а также о вытекающих из этого стабилизирующих и модифицирующих процессах, основными из которых являются следующие:

1. Вертикальные лингводинамические процессы: речь идет о процессах, возникающих в результате контактов носителя диалекта с литературным языком. Результаты таких контактов традиционно изображаются в виде коммуникативной основы, состоящей из диалектов (диалекты определяются авторами как наиболее удаленные от литературного языка и имеющие локальное распространение «полные варианты»), и надстройки, представляющей собой новонемецкий литературный язык; между этими двумя полюсами по вертикали происходят разнонаправленные лингводинамические процессы, к которым относится также возникновение региолектов. Современные региолекты соответствуют более ранним ориентированным на письменную речь региональным литературным языкам, которые, однако, в связи с введением общегерманских орфоэпических норм в начале XX века постепенно утратили свое прежнее влияние и приобрели статус некой «престижной вариантности» (Prestigevarietät) [там же].

2. Горизонтальные лингводинамические процессы – процессы, возникающие в результате контактов соседних региональных вариантов и усиливающиеся в настоящее время благодаря возрастающей мобильности населения.

На основании изучения вертикальных и горизонтальных лингводинамических процессов Ю. Шмидт и Й. Херрген делают вывод о том, что региональные языки сегодня – это «сетевая совокупность вариантностей и социолектов, ограниченная горизонтально структурными границами диалектных союзов или диалектных регионов,

а вертикально – девиантами по отношению к национальным нормам устной речи стандартной вариантности» [Schmidt, Herrgen, 2011, с. 66]. Всем региональным языкам свойственны отклонения от норм литературного языка, вызванные наличием существенных региональных особенностей.

Самый известный исследователь баварских диалектов Л. Цеетнер (L. Zehetner) считает, что диалекты представляют собой ограниченные конкретными регионами варианты языка, в то время как региолект является супрарегиональным литературным языком, использование которого, тем не менее, также ограничено определенным ареалом [Zehetner, 1985].

Немецкое лингвистическое сообщество полагает, что ввиду недостатка лингвокультурного образования широкой общественности мало известно о существовании региональных вариантов немецкого литературного языка. Очень часто образцовым литературным языком считается лишь северогерманский вариант немецкого языка. С целью исправить существующую ситуацию за два последних десятилетия в Германии было реализовано несколько научных проектов, посвященных изучению региональных языков и диалектов. Одним из самых известных подобных проектов является проект Regionalsprache.de (REDE)¹ (Региональный язык.de), стартовавший в 2008 году и продолжающийся до 2026 года. Руководит проектом Академия наук и литературы Майнца; результаты проекта обрабатываются Исследовательским центром Немецкий языковой атлас (Forschungszentrum Deutscher Sprachatlas)².

Цели проекта REDE:

- 1) интеграция всех имеющихся лингворегиональных данных (карт ареалов, аудиозаписей носителей, библиографической информации) в бесплатную информационную систему «REDE SprachGIS»³, размещенную на платформе www.regionalsprache.de;
- 2) сравнительный сбор данных и анализ лингворегиональных горизонтальных и вертикальных вариантов на всей территории Германии.

БАВАРСКИЙ ДИАЛЕКТ ИЛИ БАВАРСКИЙ РЕГИОЛЕКТ?

Критерии, позволяющие признать диалект региональным языком, официально закреплены

¹URL: <https://www.regionalsprache.de/> (дата обращения: 18.03.2025).

²URL: <https://www.uni-marburg.de/de/fb09/dsa/projekte/aktuelle-projekte/regionalsprache-de-rede> (дата обращения: 18.03.2025).

³URL: <https://regionalsprache.de/SprachGIS/Map.aspx> (дата обращения: 18.03.2025).

в Европейской хартии региональных языков и языков национальных меньшинств, в которую в настоящее время входит 81 язык, в том числе, например, цыганский язык или романес (язык, на котором в Германии говорят представители синти и рома). В соответствии с § 1 Статьи 1 (а)¹ региональными языками являются языки:

- используемые в определенной области государства гражданами этого государства, составляющими группу, численность которой меньше, чем всё население государства;
- отличающиеся от официального государственного языка;
- не включающие в себя диалекты официального или государственного языка и языки мигрантов.

По мнению австрийского лингвиста Х. Шойтца (H. Scheutz), в 2024 году подготовившего одно из лингвистических заключений о современном статусе баварского диалекта², первые два из перечисленных выше пунктов совершенно определенно относятся к баварскому диалекту: лингвистические особенности и отличия последнего от литературного немецкого языка отчетливо проявляются в лексике, грамматике, на фонетическом уровне (особенности склонения и спряжения, применение артикля, энклитические личные местоимения, согласование отрицаний, флектирующие союзы и т. д.), и достаточно задокументированы и проанализированы в лингвистической литературе. Третий же критерий Европейской хартии часто вызывает споры: широко представленная не только в общественном дискурсе, но и в лингвистике точка зрения рассматривает и обозначает все регионально ограниченные языковые варианты Германии *per se* диалектами немецкого языка, обладающими различными топографическим ареалом и коммуникативной ролью. Согласно Х. Шойтцу, подобная популярная точка зрения искажает осознание важнейшего отличия, имеющего решающее значение для признания баварского диалекта самостоятельным языком: тот факт, что баварский диалект представляет собой региональную языковую вариантность, не означает, что он является диалектом нормированного немецкого литературного языка.

Ситуация с баварским региолектом уникальна: баварский язык, начиная с первых письменных источников, датируемых примерно 800 годом, являлся региональным языком (племенным языком) с явно выраженными фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями;

наряду с другими региональными языками баварский язык представлял собой «народный язык» в противовес языку образованного слоя – латыни. До XVII века не существовало супрарегионального стандартного языка; об этом свидетельствуют также источники отдельных средне- и ранненовонемецких региональных языков, обладавших собственной письменностью. Только с появлением книгопечатания в 1450 году, вызвавшего взрывной рост письменности, а также благодаря переводу Библии, сделанной М. Лютером, и усилиям языковых обществ по грамматическому нормированию языка стал развиваться исторический предшественник современного немецкого письменного языка как своеобразный языковой конгломерат, вобравший в себя различные региональные влияния. Примерно до середины XVIII века католический баварский верхненемецкий литературный язык и протестантский восточно- и северо-немецкий язык Лютера конкурировали друг с другом (например, сообщество мюнхенских ученых, на основе которого впоследствии возникла Баварская академия наук, издавало научный журнал «Parnassus Boicus» на верхненемецком языке), это противостояние завершилось поражением баварского языка.

Предпринятый небольшой экскурс в историю может свидетельствовать о том, что баварский региолект существует в качестве регионального и письменного языка, начиная по крайней мере со Средневековья. По утверждению другого видного исследователя баварского региолекта Э. Роули (A. Rowley) постоянно происходящие вертикальные и горизонтальные лингводинамические процессы не должны означать, что баварский язык представляет собой «сниженную» диалектную языковую вариантность немецкого литературного языка; баварский язык – это самостоятельная языковая форма внутри немецкой языковой структуры; последовательность развития средневекового регионального языка прослеживается до настоящего времени [Rowley, 2023]. Необходимо отметить также, что и сам баварский язык обладает многочисленными локальными и микрорегиональными диалектами: широкую палитру языковой диверсификации создают, например, наряду с крупными группами северо-, средне- и южнобаварского малые диалекты отдельных населенных пунктов.

В настоящее время баварским диалектом владеют примерно 13 млн человек, проживающие в так называемой Старой Баварии (Altbayern) и пограничных с ней областях, Австрии (за исключением Форарльберга) и Южном Тироле; поэтому баварский диалект входит в число 100 наиболее распространенных языков мира. По мнению

¹URL: <https://rm.coe.int/168007c089> (дата обращения: 18.03.2025).

²URL: https://fbstd.de/wp-content/uploads/2024/08/Bairische-als-Regionalsprache_scheutz.pdf (дата обращения: 18.03.2025).

немецкого лингвиста Р. Хиндерлинга (R. Hinderling) только случай явился причиной того, что, например нидерландский язык стал самостоятельным языком, а баварский диалект наряду со швейцарским вариантом немецкого языка и нижненемецким диалектом – нет. Грамматические особенности баварского диалекта настолько значительны с системно-лингвистической точки зрения, что они являются достаточными для присвоения баварскому диалекту статуса языка, а различия между баварским диалектом и литературным немецким языком более существенны, чем различия между датским и норвежским, или между чешским и словацким языками [Hinderling, 1998].

Противники придания баварскому диалекту статуса регионального языка, представленные Союзом баварского языка (BBS) и самым авторитетным немецким диалектологом Л. Цеетнером, делают акцент на существовании специфической южно-немецкой формы немецкого литературного языка, которая обладает собственными грамматическими структурами, лексическими единицами, часто отличающимися от лексических единиц, используемых в северогерманском немецком языке, а также собственной историей как литературный язык. В соответствии с этой позицией Л. Цеетнер сформулировал в своей монографии «Баварский немецкий» («Bairisches Deutsch») тезис «Баварский не антипод немецкого, баварский и есть немецкий!» [Zehetner, 2018, с. 15]. Представители Союза баварского языка (BBS) также настаивают на том, что отсутствие письменной формы является препятствием для принятия баварского диалекта в Европейскую хартию региональных языков.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ СЛУЧАИ ПРИЗНАНИЯ НЕКОТОРЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ЯЗЫКАМИ

В 1999 году в Европейскую хартию региональных языков был включен нижненемецкий диалект (das Nieder- und Plattdeutsche). Лингвистам удалось доказать земельному парламенту Шлезвиг-Гольштейна, что в нижненемецком как самостоятельном региональном языке не прослеживаются некоторые исторические изменения немецкого литературного языка (самый яркий пример – отсутствие второго передвижения согласных), и поэтому нижненемецкий не может рассматриваться как диалект последнего. В средние века нижненемецкий диалект использовался как самостоятельный язык делового общения, в том числе письменного, Ганзейского союза.

На основе схожих аргументов, а именно наличия независимо возникшей, исторически

сформировавшейся языковой формы с собственной, не зависящей от письменной формы грамматикой, статус регионального языка в свое время получили шотландский Lollans, галицийский диалект в Испании и венецианский диалект в Италии.

В отношении баварского региолекта наблюдается схожая ситуация: в диахронии у него отсутствуют некоторые лингвистические процессы, конституирующие немецкий литературный язык, в то же время баварский региолект проделал некоторые уникальные языковые трансформации. С лингвоисторической точки зрения баварский диалект, как и нижненемецкий, органически развивался на основе устной, а не письменной формы восточногерманского языка; форма его существования – культурные диалекты. Для нижненемецкого региолекта, как и для баварского, не существует орфографических словарей, букварей и хрестоматий, но зато опубликованы грамматики, лексические словари, имеется довольно богатая литература, а также присутствие в средствах массовой информации.

Различие в развитии этих двух региональных языков состоит в основном в том, что нижненемецкий на очень ранней – западногерманской – исторической ступени развития отошел от траектории развития других немецких региональных языков, в то время как баварский только в древне- или средневерхненемецкий период сформировался в качестве самостоятельного регионального и письменного языка.

Можно высказать предположение о том, что придание нижненемецкому диалекту (das Nieder- und Plattdeutsche) статуса регионального языка, несмотря на то что не все официальные критерии для такого признания были выполнены (например, отсутствие орфографических словарей), может представлять собой своеобразную модель – Blue Print и для наделения баварского диалекта статусом региолекта.

Языковые ассоциации Баварии, выступающие за включение баварского диалекта в Европейскую хартию региональных языков, не преследуют цель осуществить «перестройку» существующей языковой структуры в Баварии; заявленные этими ассоциациями цели направлены на повышение статуса баварского языка как коллективного культурного наследия и культурную ценность, передающуюся от поколения к поколению. Дополнительное финансирование в рамках Евросоюза могло бы способствовать интенсификации использования баварского диалекта в органах управления, судебных органах, образовании, культуре и СМИ. Необходимость этого назрела в связи с тем, что часто встречающееся и прочно

укоренившееся пренебрежительное отношение к региональному языку как к «крестьянскому языку», «языку простых людей» привело к тому, что в настоящее время всё возрастающая часть языкового сообщества (особенно молодые люди) дистанцируется от баварского языка. Сегодня лингвисты наблюдают радикальную эрозию баварского языка, в городских регионах в основном встречается «свободная от диалекта», литературная речь со значительной долей северогерманской интерференции. Исследователи отмечают, что многие характеристики современного баварского языка превратились в маргинальные остатки исконного баварского регионального языка [Grewendorf, 2021].

До сих пор отличительной особенностью повседневной коммуникации в Баварии является возможность переключаться с литературного на региональный языковой вариант. В этой связи выбор соответствующего лингвистического уровня представляет собой средство выражения в речи аспектов межличностного общения, таких как формальность и неформальность, тематика и метаязыковые элементы; подобная возможность, несомненно, создает неопределимую коммуникативную «добавленную стоимость».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый нами краткий анализ существующих точек зрения на статус баварского диалекта, представленных в современном лингвистическом и социолингвистическом дискурсе Германии, позволяет сделать следующие выводы:

- понятия «региональный язык» и «диалект» в германистике определены и разграничены недостаточно четко; иногда происходит смешение или подмена указанных понятий;
- в нелингвистическом дискурсе понятие «региональный язык» в основном малоизвестно;
- по мнению автора статьи, баварский диалект, за небольшим исключением, соответствует основным критериям для признания диалекта региональным языком, закрепленным в Европейской хартии региональных языков и языков национальных меньшинств;
- придание баварскому диалекту статуса диалекта могло бы предотвратить его эрозию, особенно в городских регионах, и способствовало бы сохранению уникальной «диалектной» в Баварии, несомненно представляющей собой коллективное культурное наследие этой федеральной земли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kehrein R. Areale Variation im Deutschen „vertikal“ // Sprache und Raum. Ein Internationales Handbuch der Sprachvariation. Band 4: Deutsch / Hg.: J. Herrgen, J. E. Schmidt. Berlin – Boston: De Gruyter Mouton, 2019. S. 121–158.
2. Schmidt J. E., Herrgen J. Sprachdynamik. Eine Einführung in die moderne Regionalsprachenforschung. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011. (Grundlagen der Germanistik, Band 49).
3. Zehetner L. Das bairische Dialektbuch. München: C. H. Beck, 1985.
4. Rowley A. R. Boarisch – Boirisch – Bairisch. Eine Sprachgeschichte. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 2023.
5. Hinderling R. Europäische Sprachminderheiten im Vergleich. Deutsch und andere Sprachen. Stuttgart: Steiner Franz Verlag, 1998.
6. Zehetner L. Bairisches Deutsch. Lexikon der deutschen Sprache in Altbayern. Regensburg: Edition Vulpes, 2018.
7. Grewendorf G. Warum Bairisch genial ist. München: Verlag Antje Kunstmann, 2021.

REFERENCES

1. Kehrein, R. (2019). Areale Variation im Deutschen „vertikal“. In Herrgen, J., Schmidt, J. E. (Hg.), Sprache und Raum. Ein Internationales Handbuch der Sprachvariation (Band 4: Deutsch, S. 121–158). Berlin – Boston: De Gruyter Mouton.
2. Schmidt, J. E., Herrgen, J. (2011). Sprachdynamik. Eine Einführung in die moderne Regionalsprachenforschung (Grundlagen der Germanistik, Band 49). Berlin: Erich Schmidt Verlag.
3. Zehetner, L. (1985). Das bairische Dialektbuch. München: C. H. Beck.
4. Rowley, A. R. (2023). Boarisch – Boirisch – Bairisch. Eine Sprachgeschichte. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet.
5. Hinderling, R. (1998). Europäische Sprachminderheiten im Vergleich. Deutsch und andere Sprachen. Stuttgart: Steiner Franz Verlag.
6. Zehetner, L. (2018). Bairisches Deutsch. Lexikon der deutschen Sprache in Altbayern. Regensburg: Edition Vulpes.
7. Grewendorf, G. (2021). Warum Bairisch genial ist. München: Verlag Antje Kunstmann.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юкляева Елена Александровна

кандидат педагогических наук
и. о. заведующего кафедрой немецкого языка и перевода
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuklyueva Elena Aleksandrovna

PhD (Pedagogy)
Acting Head of the Department of the German Language and Translation
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.04.2025
15.05.2025
18.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Разновидности исторического романа в творчестве вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя

Е. О. Муралова

*Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
murket96@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются разновидности исторического романа на примере малоизученных в отечественном и англоязычном литературоведении произведений вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя (1933–2021) «Хо Куи Ли» (2000) и «Матушка – хозяйка гор и лесов» (2005). В качестве теоретической основы исследования была привлечена концепция поджанров исторического романа В. Я. Малкиной. С помощью сравнительно-исторического и структурного методов установлен вид каждого из двух вышеназванных романов. По итогам проведенного анализа сделан вывод о применимости предложенной В. Я. Малкиной системы определения разновидностей исторического романа к современной вьетнамской литературе на примере произведений Нгуен Суан Кханя.

Ключевые слова: вьетнамская литература, инвариант жанра, исторический роман, типология жанра, Нгуен Суан Кхань

Для цитирования: Муралова Е. О. (2025). Разновидности исторического романа в творчестве вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 126–133.

Original article

Varieties of the Historical Novel in the Works of the Vietnamese Writer Nguyen Xuan Khanh

Ekaterina O. Muralova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
murket96@mail.ru*

Abstract. This article examines the varieties of the historical novel, using as examples the works of the Vietnamese writer Nguyen Xuan Khanh (1933–2021), specifically "Ho Quy Ly" (2000) and "Mother Goddess of Mountains and Forests" (2005). These novels have received limited attention in Russian and English-language literary criticism. The study employs V. Malkina's concept of subgenres within the historical novel as its theoretical framework. By applying comparative historical and structural methods, the article identifies the subgenre of each of the aforementioned novels. The analysis concludes that V. Malkina's system for categorizing historical novel varieties is applicable to modern Vietnamese literature, as exemplified by the works of Nguyen Xuan Khanh.

Keywords: Vietnamese literature, genre invariant, historical novel, genre typology, Nguyen Xuan Khanh

For citation: Muralova, E. O. (2025). Varieties of the historical novel in the works of the Vietnamese writer Nguyen Xuan Khanh. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 126–133. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Нгуен Суан Кхань – современный вьетнамский писатель. Он пробовал себя в разных жанрах и литературных направлениях. Однако во вьетнамской литературе Нгуен Суан Кхань известен прежде всего благодаря своим историческим романам, удостоенным ряда престижных наград. Среди отечественных литературоведов, которые исследовали творчество вьетнамского писателя, следует отметить Т. Н. Филимонову [Филимонова, 2012]. В своей статье Т. Н. Филимонова анализирует фигуру главного героя исторического романа Нгуен Суан Кханя «Хо Куи Ли» («Hồ Quý Ly»)¹. Что касается настоящей работы, здесь рассматриваются разновидности исторического романа на примере двух его произведений: «Хо Куи Ли» и «Матушка – хозяйка гор и лесов» («Mẫu Thượng Ngàn»)².

Жанр исторического романа в современном литературоведении по-прежнему не имеет устоявшегося определения. Проблемой жанра занимались такие отечественные ученые, как М. М. Бахтин, А. С. Долинин, В. В. Новиков, Н. Д. Тамарченко, В. Д. Оскоцкий, В. Д. Линьков, А. Ю. Перевезенцева, А. М. Баишева и многие другие [Бахтин, 1975; Бахтин, 1979; Долинин, 1988; Новиков, 1988; Тамарченко, 1999; Оскоцкий, 1980; Линьков, 2001; Перевезенцева, 2011; Баишева, 2016]. Анализ разновидностей жанра двух вышеназванных произведений опирается на исследование В. Я. Малкиной «Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра» [Малкина, 2002]. Она, в свою очередь, определяя поэтику и категоризацию инвариантов жанра, исходила из концепции, предложенной Н. Д. Тамарченко.

В своей работе В. Я. Малкина доказала важное значение влияния «готического» романа на роман исторический и выделила две основных разновидности исторического романа: авантюрно-психологический и авантюрно-философский (еще Н. Д. Тамарченко определил эти разновидности, но ими не ограничился). Родоначальником первого типа романа исследователи считали В. Скотта («Айвенго»), а второго – В. Гюго («Собор Парижской Богоматери»). Хотя В. Я. Малкина проводит анализ на примере европейских, и, в частности, отечественных романов, представляется, что предложенная типология применима и для произведений вьетнамского писателя. Соответственно задачей данного исследования является определение двух

исторических романов Нгуен Суан Кханя согласно типологии, предложенной В. Я. Малкиной.

«ХО КУИ ЛИ» И АВАНТЮРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВИД ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Исследователь В. Я. Малкина определяет разновидность романа по четырем основным пунктам:

- 1) соотношение историзма и «готического антропологизма». Под последним понимается присущая «готическим» романам идея о существовании объективной нравственной природы и основных этических ценностей [Малкина, 2002, с. 125];
- 2) наличие или отсутствие временной дистанции, исторической справки;
- 3) сюжетная организация;
- 4) система персонажей.

Роман «Хо Куи Ли» посвящен вьетнамскому чиновнику XIV в. Хо Куи Ли, который сместил правящую династию Чан (Nhà Trần) (1226–1400) и основал свою всего несколько лет просуществовавшую династию Хо (Nhà Hồ) (1400–1407). В традиционной вьетнамской историографии он считался предателем. В действительности чиновник узурпировал престол практически так же, как до этого сделали представители династии Чан [Федорин, 2023]. Главной причиной недовольства вьетнамских историографов стала потеря страной независимости (1407–1427) как следствия правления Хо. Нгуен Суан Кхань стал одним из первых, кто предложил взглянуть на персонаж Хо Куи Ли не как на жадного узурпатора, а как на человека, который оказался пленником обстоятельств³. Это произведение относится к такому подвиду исторического романа, который В. Я. Малкина назвала авантюрно-психологическим.

В такой разновидности наличествует преобладание историзма над «готическим антропологизмом». Это действительно и для «Хо Куи Ли». Писатель уделяет большое внимание воссозданию колорита эпохи средневекового Вьетнама, частично копирует летописное повествование. Это выражается, например, в схематичном описании персонажей, появлении в романе различных знамений на манер описываемых в летописях, большого числа точных дат, названных по китайскому календарю, иногда в тексте присутствуют выдержки из исторических документов.

¹Nguyễn Xuân Khánh. Hồ Quý Ly. Hà Nội: Phụ nữ, 2000. Нгуен Суан Кхань. Хо Куи Ли. Ханой: Фуны, 2000.

²Nguyễn Xuân Khánh. Mẫu Thượng Ngàn. Hà Nội: Phụ nữ, 2005. Нгуен Суан Кхань. Матушка – хозяйка гор и лесов. Ханой: Фуны, 2005.

³Время работы писателя над романом пришлось на первое десятилетие после принятия компартией Вьетнама политики «обновления» (декабрь 1986 года). За экономической либерализацией последовала культурная и социальная. В частности, это выразилось в переоценке некоторых исторических личностей и событий прошлого.

«Готический антропологизм» как часть представлений о неизбежности некоторых моральных ценностей здесь отходит на второй план. Цель писателя в данном случае как раз показать неоднозначность фигуры высокопоставленного чиновника. Главные герои (Хо Куи Ли, его старший сын, императоры Чан и другие) в романе часто оказываются перед сложным выбором: предательство ради высокой цели или верность клятвам. Писатель показывает, как Хо Куи Ли из верного соратника императора Чан Нге Тонга (1321–1395) превратился в предателя, который чужими руками устранил нескольких оппозиционеров – представителей семьи Чан, включая наследников старого императора, и сместил последнего императора. Эта борьба в романе была обусловлена тем, что Чаны в большинстве своем перестали заботиться о стране, «обмельчали» и, по мнению Хо Куи Ли, были неспособны выдержать нападение со стороны усиливающегося соседа – китайского государства. Более того, некоторые из Чанов даже обратились к китайскому правительству за помощью в виде вооруженных войск, чтобы убрать их политического оппонента. Писатель голосами разных персонажей подчеркивает, что иностранная армия наверняка бы не ограничилась одной лишь помощью Чанам. В исторической действительности, когда Хо Куи Ли стал императором, ему пришлось столкнуться с вторжением из Китая. На основании произведения можно предположить, что идею китайцам подали именно Чаны. Нгуен Суан Кхань таким образом пытается разделить ответственность за потерю независимости между Хо и Чанами. Писатель показывает сложность исторического и внутривосточного контекста, не оправдывая жестокость чиновника, но и не обеляя императорскую семью.

Другим пунктом, определяющим исторический роман как авантюрно-психологический по В. Я. Малкиной, является сюжетная организация. Она строится вокруг политического кризиса, связанного с особенностями описываемого исторического периода. Аналогичным образом в романе «Хо Куи Ли» основной конфликт связан с противостоянием между лагерем реформаторов, возглавляемых Хо Куи Ли, и консерваторами – представителями правящей династии, составляющими большую часть императорского двора. Первые осознают необходимость реформ ради процветания государства и поэтому хотят сместить Чанов. Вторые не желают отдавать власть и потому вообще избегают каких бы то ни было нововведений. Хронотоп произведения локализован в определенном историческом времени, к тому же значительно отделенном от времени написания романа

(конец XIV века и начало XXI века соответственно). Что касается пространства, то основные события романа чаще происходят во дворце и резиденциях чиновников. Хотя иногда в зависимости от потребностей сюжета в романе также фигурируют пагоды и земли на границе Вьетнама.

Исследователь В. Я. Малкина также говорит о наличии полярных локусов в таких исторических романах. Противопоставление идет через пространство порядка и хаоса. Для «Хо Куи Ли» это может быть пара: старая столица Тханглонг (Чаны) – новая столица Тэйдо (Хо Куи Ли). Первый город строился без изначального плана, постепенно расширяясь в разные стороны, в нем было много пагод и озер, т. е. духовного и созерцательного. Вторая цитадель напоминала одному из героев романа шаблон или трафарет, где всё «состоит из прямых горизонтальных и вертикальных линий, всё правильно и выверено по востоку, западу, югу и северу» (Нгуен Суан Кхань, Хо Куи Ли, 2000, с. 771–772). Также это может быть пара: императорский дворец – резиденции высокопоставленных чиновников. Дворец – место, где все строго следует определенному церемониалу, на поверхности, за редким исключением, видимость согласия и субординации. А за пределами двора, в домах приближенных к императору, закулисная борьба становится очевидной и приобретает масштаб.

В рамках сюжета авантюрно-психологического романа В. Я. Малкина указывает на получение героем определенного статуса в ходе испытаний. На протяжении всего романа читатель наблюдает, как Хо Куи Ли методично устраняет своих политических оппонентов, ожесточается, продвигается по карьерной лестнице, и в результате сажает своего внука на трон с тем, чтобы впоследствии сместить его и самому стать императором.

Последним пунктом для определения новизны исторического романа является система персонажей. В концепции, предложенной В. Я. Малкиной, в таких романах обязательно наличие реальных исторических деятелей в качестве персонажей. Также главный герой – это частный человек, который оказался втянут в социально-политический конфликт. Вряд ли можно назвать частными людьми Хо Куи Ли и императоров Чан. Они как раз выступают в качестве исторических персонажей. Однако старший сын чиновника – Хо Нгуен Чынг – один из главных героев романа, единственный, от чьего лица иногда ведется повествование, определенно является частным лицом. С одной стороны, он близкий родственник, наследник дела Хо Куи Ли, с другой – верноподданный правящей династии. Он понимал желание отца реформировать страну, но внутренне был не согласен с его

методами достижения целей. Обе стороны хотели привлечь Чынга, но он на протяжении практически всего произведения старался сохранять нейтралитет, поддерживать отца в проведении реформ, не участвуя в акциях против Чанов. Так, например, организацией казни двух политических оппонентов Хо Куи Ли занимался не старший сын, а младший. Хо Нгуен Чынг же занимался дипломатической работой: проводил переговоры от лица отца с другими чиновниками, которые еще не определились с выбором лагеря при дворе; с заключенными под стражу представителями образованного конфуцианского сословия, игравшего в ту пору большую роль. Он выступал и в качестве советника отца, не боясь оспаривать решения последнего.

Касательно системы персонажей в авантюрно-психологическом романе также следует упомянуть наличие пар героев, противопоставленных друг другу и демонстрирующих взаимной оппозицией смену политических эпох. В «Хо Куи Ли» это соответственно старый император Чан и Хо Куи Ли. Первый представляет династию, одной из главных заслуг которой является отражение монголо-китайских войск во время монгольских вторжений (вторая половина XIII века)¹. Так во вьетнамской историографии, традиционной и современной, особенно любим генерал Чан Хынг Дао, руководивший защитой вьетнамских территорий в указанный период. На время династии Чан также пришелся расцвет буддизма. Буддийские монахи некоторое время даже имели политический вес при дворе.

Если говорить о Хо Куи Ли, то это представитель чиновничества. В конце произведения он еще не захватил императорский трон, но уже очень близок к цели. Из истории вьетнамский читатель знает, что Хо Куи Ли официально станет правителем, но не сможет организовать должную оборону против китайцев и потеряет страну. Именно поэтому местные историографы не простили ему предательство императора, в то время как Чанов, совершивших аналогичный поступок, оправдали. Также Хо Куи Ли оказывал предпочтение конфуцианству в ущерб буддизму. Это проявлялось в реформе по возвращению буддийских монахов в мир², в полном отказе от строительства пагод в новой столице, «потому что пагоды размягчают сердца» и связаны с династией Чан и т. д.

¹Ко второй половине XIII века Китай был частью монгольской империи Юань (1271–1368).

²На самом деле, это было сделано для увеличения податного населения, хотя в романе это лишь одна из причин.

«МАТУШКА – ХОЗЯЙКА ГОР И ЛЕСОВ» И АВАНТЮРНО-ФИЛОСОФСКИЙ ВИД ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Применительно к творчеству Нгуен Суан Кханя примером второй разновидности исторического романа, а именно романа авантюрно-философского, может служить «Матушка – хозяйка гор и лесов». В этом случае историзм уступает «готическому антропологизму». Действительно, в данном произведении историческая канва отходит на второй план, создает контекст для событий иного рода. Роман описывает жизнь одной северовьетнамской деревни на рубеже XIX–XX веков, незадолго после того, как Вьетнам полностью стал французской колонией (вторая половина XIX века – 1945). Жители этой деревни переживают переломный момент во множестве сфер, включая социально-политическую. Но главным сюжетобразующим явлением является духовный кризис. Конфуцианские ученые – элита доколониальной вьетнамской интеллигенции – не смогли обеспечить успешное противостояние страны в борьбе с французской агрессией. К началу XX века они потеряли авторитет и больше не имели веса в административном аппарате. Буддийские монахи в романе покинули свои пагоды, и те пришли в негодность. Другими словами, два главных вероучения, оба заимствованные извне, но на которые много веков опирались вьетнамцы, пришли в упадок. Тогда местные жители, на примере описываемой в романе деревни, обратились за поддержкой к исконно вьетнамским анимистическим верованиям.

«Готический антропологизм» в авантюрно-философском романе демонстрирует постоянство основных этических ценностей во время смены эпох. В случае с «Матушкой – хозяйкой гор и лесов» речь идет о нетленности и схожести идей красоты, добра и других, в доколониальном и колониальном Вьетнаме, во вьетнамской колонии и в европейской метрополии. Это проявлялось, например, в мысли о единстве религий в своем стремлении к милосердию. Об этом говорит французский католик, десять лет проповедовавший во Вьетнаме – отец Коломбер: «Бог не делает различия между белой, черной и желтой кожей. Каждому Бог дает любовь» (Нгуен Суан Кхань, 2005, с. 482); или «Только там, где царит Божья любовь, может быть мир и процветание» (там же, с. 320); или «Вы буддисты, я – католик. Мы оба хотим спасти людей» (там же, с. 365). Об этом говорят и пожилые вьетнамские ученые-конфуцианцы: «Все религии одинаковы. Христианство подобно культу Матушек [часть традиционных вьетнамских

анимистических верований]. Все учения – о движении к добру» (*там же*, с. 653).

Красота и дружба как часть этических ценностей, воплощены в персонажах – художниках. Это француз Пьер, приехавший к старшему брату, владельцу деревни и плантации, и один из молодых вьетнамских персонажей Туан, родственник главных героев. Они сблизилась на почве взаимного восхищения, любви к прекрасному и интересу к культуре стран друг друга. Художники являют собой один из немногих успешных примеров взаимодействия представителей двух цивилизаций в романе.

Материнская забота и женская самоотверженность – один из ведущих мотивов произведения – также общий для вьетнамских персонажей доколониальной и колониальной эпох. Так одна из жительниц деревни, в прошлом жена высокопоставленного чиновника, помогла укрыть у себя ребенка из католической общины и заботилась о нем, пока тот был маленький¹. Другой пример – когда во время эпидемии холеры одна из главных героинь, Вай, спасла детей: своих и от первых двух жен мужа. Последний изначально не воспринимал угрозу всерьез и даже сопротивлялся действиям Вай в этом направлении.

Также одним из важных качеств, которые вьетнамцы с гордостью про себя отмечают, является их непокорный дух и невозможность иностранных завоевателей их ассимилировать. И это отражено в романе. Когда Франция только завоевала полностью Вьетнам, по всей стране прошли антифранцузские восстания. В этих восстаниях и в различных движениях, имевших целью вернуть независимость, участвовали некоторые персонажи романа – ученые-конфуцианцы. Молодое поколение на примере революционера Хюи и художника Туана осознало, что старая организация общества, в основе которого лежит конфуцианское мировоззрение, не может изгнать иностранную власть, следовательно, нужно что-то изменить. Оба персонажа согласны с необходимостью модернизации общества и продолжением борьбы. При этом если Туан считал, что необходимо набраться сил и дожидаться удобного случая, т. е. предпочитал медленное и аккуратное разворачивание ответных действий, то Хюи торопился скорее осуществить революцию. Здесь наблюдается преемственность поколений не в частном (стремление сохранить конфуцианские порядки или же частично вестернизироваться

и модернизироваться), а в главном – в желании вернуть независимость, в силе духа.

Следующим пунктом, определяющим разнovidность исторического романа как авантюрно-философского, является сюжетная организация. Главное в таком романе – не получение героем определенного социального или политического статуса, как это было в случае с авантюрно-психологическим романом, а проверка нравственных принципов и традиций описываемой культуры. Этот конфликт происходит на примере вероучений. Нгуен Суан Кхань в романе продвигает мысль о том, что в условиях меняющихся эпох неизменной опорой для жителей его страны являются исконные вьетнамские традиции и вероучения. На первый взгляд кажется, что проверка ценностей прошла неуспешно, культурная сфера жизни вслед за другими пришла в упадок. Пагоды разрушены, ученые-конфуцианцы лишились своего статуса и политического веса (чиновники в доколониальном Вьетнаме набирались на основе конфуцианских экзаменов). Однако в результате более подробного анализа романа оказывается, что культурные изменения в описываемый период в действительности касаются только привнесенных извне достижений цивилизации. Конфуцианство и буддизм, давно и глубоко проникшие в культурный пласт Вьетнама, на самом деле пришли из Китая. И хотя писатель подчеркивает, что оба вероучения «послужили на благо страны» в прошлом, к началу XX века они «сдерживали ее развитие» (Нгуен Суан Кхань, 2005, с. 485).

В таком контексте Нгуен Суан Кхань рассматривает контакт с европейской державой как нечто в определенном смысле позитивное. Благодаря такому взаимодействию Вьетнам смог познакомиться с успехами передовых стран того времени, модернизироваться, освободиться от китайского влияния, что иначе было бы сложно сделать. Главное, по роману, чтобы вьетнамцы все время находились в тесном контакте с «душой страны», то есть с совокупностью каждой из душ живых, мертвых, деревьев, рек и всего того, что находится во Вьетнаме. Чтобы поклоняться духам-защитникам, не нужны ни многолетние изучения древних китайских трактатов, ни строительство пагод, достаточно сделать импровизированный алтарь. Праздник культа Матушек был событием, на которое собирались все жители деревни, даже когда переживали самые тяжелые времена. И возможно тогда они больше всего и нуждались в празднике. Матушка через шаманов благословляла и наставляла пришедших. Эти верования существовали до прихода конфуцианства и буддизма, они же остались с вьетнамцами и до времени описываемых

¹В этот период территории Северного и Центрального Вьетнама еще были независимым государством. Перед лицом угрозы иностранного завоевания император издал указ о применении смертной казни в отношении вьетнамцев, исповедующих католичество, как проводников французской культуры и предателей.

в романе событий. Многие положительные персонажи считают важным сохранить их в будущем. Таким образом, основные ценности остались неизменны в независимости от периода развития Вьетнама. Они прошли проверку временем и оказались незаменимой поддержкой местных жителей.

Также в сюжете авантюрно-философского исторического романа отсутствует счастливый финал. В «Матушке – хозяйке гор и лесов» читатель может наблюдать следующее. Один из главных героев – Чинь Хюен – участвовал в антифранцузском восстании, за что в конце произведения был казнен колониальными властями. Его приемную дочь изнасиловал один из европейцев – хозяин плантации и деревни. Племянника Чинь Хюена, Диеу, за вооруженное нападение на упомянутого европейца в защиту вьетнамской девушки приговорили, и он бежал. Отец Чинь Хюена, желавший во что бы то ни стало сохранить род, потерял обоих сыновей, внук Диеу бежал, и его дальнейшая судьба неизвестна. Одна сестра Чинь Хюена стала вдовой и потеряла детей, вторая – уехала в город и больше в романе ничего о ней не сказано. То есть отец Чинь Хюена, имея четверо детей, все равно остался без наследников, что воспринималось как большое несчастье. Возлюбленная Чинь Хюена была продана за долги чужому человеку в жены. Ее краткое воссоединение с Чинь Хюеном закончилось смертью последнего. И это неполный перечень несчастий, случившихся с героями романа.

Что касается системы персонажей в данном типе исторических романов, В. Я. Малкина отмечает наличие нескольких центральных персонажей. Они соотносены друг с другом не как разные политические силы, как в случае с авантюрно-психологическим романом, а как носители основных культурно-этических ценностей. Исторические лица же в такой системе не являются главными и даже в принципе могут отсутствовать¹. В анализируемом романе центральных персонажей больше, чем в «Хо Куи Ли», и сложно выделить в качестве главного одного-двух героев. В большинстве своем они являются жителями деревни. Эти персонажи, являясь представителями разных слоев местного негородского населения, составляют целостный образ северовьетнамской деревни. В связи с поднимаемыми в произведении вопросами лица, реально существовавшие в описываемый период, играют эпизодические роли, добавляя роману

историчности, конкретизируя сюжет и соотнося биографическое время с событиями прошлого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного анализа, с привлечением исследовательской работы В. Я. Малкиной и предложенной в ней системы поджанров исторического романа, можно сделать следующие выводы. Хотя категоризация В. Я. Малкиной изначально рассматривалась для европейских и в частности отечественных романов, она также может быть применима к современным вьетнамским историческим романам на примере произведений Нгуен Суан Кханя. Среди двух рассмотренных встречаются обе разновидности исторических романов: авантюрно-психологический и авантюрно-философский.

В первой разновидности сюжет сосредоточен на смене политических эпох, важную роль играют исторические лица, преобладает историзм. В случае Нгуен Суан Кханя это произведение «Хо Куи Ли». В нем изображен процесс подготовки переворота против правящей династии амбициозным высокопоставленным чиновником. Главные герои четко обозначены – это исторические лица, основные акторы важных событий прошлого. Причем описываемый период далеко – на шесть веков – отстоит от времени жизни писателя. В конце произведения Хо Куи Ли практически завершит свой путь к власти и обретет новый социально-политический статус. Вышеперечисленные признаки позволяют отнести данный исторический роман к авантюрно-психологическому типу.

Другая разновидность жанра – авантюрно-философский роман. В отличие от «Хо Куи Ли» «Матушка – хозяйка гор и лесов» посвящена не политическому кризису, а культурному. История вместе с точностью локации событий на временной шкале и реальными деятелями прошлого отходит на второй план. Основное внимание в произведении сосредоточено на жителях вьетнамской деревни под колониальной властью Франции. На их примере писатель показывает, как с помощью тех или иных способов боролась вся страна, за исключением небольшой группы коллаборационистов. В силу невозможности физического противостояния с ведущей европейской державой того времени вьетнамцы боролись с ней духовно, сопротивляясь культурной ассимиляции и получая поддержку в исконных традициях и верованиях. Поэтому основных персонажей много – все они по-своему противостоят французской власти и влиянию и являются частью большей общности – целого народа. По этой же причине «готический антропологизм» в произведении

¹ Иногда этот и другие вышеназванные факторы приводят к тому, что некоторые литературоведы вообще отказываются считать такого рода романы историческими. Однако мы, вслед за В. Я. Малкиной, относим их, как и роман «Матушка – хозяйка гор и лесов», к историческим [Малкина, 2002, с. 97].

становится важнее историзма, а сюжет фокусируется на испытании нравственных ценностей и традиций вьетнамского общества. На основании этих

причин можно определить «Матушку – хозяйку гор и лесов» как авантюрно-философский исторический роман.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Филимонова Т. Н. Трагедия реформатора в романе Нгуен Суан Кханя «Хо Куи Ли» // Вьетнамские исследования. 2012. Вып. 2. С. 370–387.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
4. Долинин А. А. История, одетая в роман. М.: Книга, 1988.
5. Новиков В. В. Художественная правда и диалектика творчества. М.: Художественная литература, 1988.
6. Тамарченко Н. Д. «Капитанская дочка» и судьбы исторического романа в России // Известия российской академии наук. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 2. С. 44–53.
7. Оскоцкий В. Д. Роман и история: традиции и новаторство советского исторического романа. М.: Художественная литература, 1980.
8. Линьков В. Д. Типы русского исторического романа 20–30-х годов XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2001.
9. Перевезенцева А. Ю. Жанровое своеобразие исторических романов Мэри Рено 50–80-х гг. XX века: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2011.
10. Баишева А. М. Жанровое своеобразие исторического аспекта Н. Лугинова «Повелению Чингисхана» (сравнительно-типологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2016.
11. Малкина В. Я. Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типология жанра. Тверь: Тверской государственный университет, 2002.
12. Федорин А. Л. Система внутривидовых браков, построенная династией Чан (1225–1400), ее основные задачи, формы и крах // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7. № 25. С. 9–19.

REFERENCES

1. Filimonova, T. N. (2012). The Tragedy of a Reformer in Nguyen Xuan Khanh's Novel "Ho Quy Ly". Vietnamese studies, 2, 370–387. (In Russ.)
2. Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. In Literature and aesthetics (pp. 234–407). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
3. Bakhtin, M. M. (1979). Estetika slovesnogo tvorchestva = Aesthetics of verbal art. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
4. Dolinin, A. A. (1988). Istoria odetaya v roman = History dressed up as a novel. Moscow: Kniga. (In Russ.)
5. Novikov, V. V. (1988). Khudozhestvennaya Pravda I dialektika tvorchestva = Fiction truth and the dialectic of creativity. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
6. Tamarchenko, N. D. (1999). "The Captain's Daughter" and the fate of the historical novel in Russia. IAN. Literature and Language Series, 58(2), 44–53. (In Russ.)
7. Oskotsky, V. D. (1980). Roman i istoria: traditsii i novatorstvo sovetskogo istoricheskogo romana = Novel and history: traditions and innovations of the Soviet historical novel. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
8. Linkov, V. D. (2001). Tipy russkogo istoricheskogo romana 20–30 godov XIX veka = Types of Russian historical novel of the 20s–30s of the XIX century: PhD thesis in Philology. Gorno-Altai. (In Russ.)
9. Perevezentseva, A. Yu. (2011). Zhanrovoye svoebraziye istoricheskikh romanov Meri Reno 50–80 gg. XX veka = Genre originality of historical novels by Mary Renault of the 50s – 80s of the XX century: PhD thesis in Philology. Nizhnii Novgorod. (In Russ.)
10. Baisheva A. M. (2016). Zhanrovoye svoebraziye istoricheskogo aspekta N. Luginova "Po veleniyu Chingiskhana" (sravnitel'no-tipologicheskyy aspekt) = Genre originality of the historical aspect of N. Luginov's "The Command of Genghis Khan" (comparative-typological aspect): PhD in Philology. Yakutsk. (In Russ.)
11. Malkina, V. Ya. (2002). Poetika istoricheskogo romana: problema invariant I tipologii zhanra = Poetics of the historical novel: The problem of the invariant and the typology of the genre. Tver: Tver State University. (In Russ.)

12. Fedorin, A. L. (2023). The system of intra-clan marriages built by the Tran Dynasty (1225–1400), its main goals, forms, and collapse. The Russian Journal of Vietnamese Studies, 7(2S), 9–19. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Муралова Екатерина Олеговна

аспирант

кафедры филологии стран ЮВА, Кореи и Монголии

Института стран Азии и Африки

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Muralova Ekaterina Olegovna

PhD Student

Department of Philology of the Southeast Asian countries, Korea and Mongolia

Institute of Asian and African Studies

Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.04.2025
12.05.2025
14.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 821.511.111

Образы Античности в поэзии Финляндии второй половины XX века

Е. Г. Сойни

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия
elenasoini@gmail.com*

Аннотация. Целью данной статьи является анализ античных образов в финской поэзии второй половины XX века. Материалом исследования послужили произведения Пааво Хаавикко, Айлы Мерилуото, Пентти Саарикоски, Эвы-Лизы Маннер и др. Используются сравнительно-исторический, культурологический и интертекстуальный методы анализа. Сделан вывод, что образы Орфея и Одиссея претерпевают трансформацию, отражая дегероизацию и переосмысление культурного наследия. Финский Одиссей, в отличие от Гомеровского, теряет связь с домом и семьей. Античность становится инструментом для критического осмысления современности.

Ключевые слова: Античность, поэзия Финляндии, прием демифологизации, дегероизация, интертекстуальность

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Государственного задания КарНЦ РАН № 124022000077-1 (2024–2028).

Для цитирования: Сойни Е. Г. Образы Античности в поэзии Финляндии второй половины XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 134–140.

Original Article

Images of Antiquity in Finnish Poetry of the Second Half of the 20th Century

Elena G. Soini

*Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk, Russia
elenasoini@gmail.com*

Abstract. This article aims to analyze the use of ancient images in Finnish poetry from the second half of the 20th century. The study focuses on the works of Paavo Haavikko, Aila Meriluoto, Pentti Saarikoski, Eeva-Liisa Manner, and others. Comparative-historical, cultural, and intertextual methods were employed. As a result I conclude, that the images of Orpheus and Odysseus undergo transformation, reflecting a deheroization and re-evaluation of cultural heritage. The Finnish Odysseus, unlike Homer's, loses his connection to home and family. Antiquity serves as a tool for critical reflection on modernity.

Keywords: antiquity, Finnish poetry, demythologization technique, deheroization, intertextuality

Acknowledgements: The study was carried out as part of the State Assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences No. 124022000077-1 (2024–2028).

For citation: Soini, E. G. (2025). Images of Antiquity in Finnish Poetry of the Second Half of the 20th Century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 134–140. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья посвящена исследованию роли античных образов в финской поэзии второй половины XX века и их трансформации в контексте модернистской и постмодернистской эстетики.

Античность – одна из основополагающих традиций европейской культуры. В той или иной степени писатели обращались к образам античности во все времена. В поэзии финского модернизма это было особенно ощутимо. Характерной особенностью послевоенного финского модернизма является обращение к Античности. И если в начале XX века всё заимствованное, античные и библейские образы, говоря словами Рафаэля Коскимие-са, растворялись в колорите Калевалы [Koskimies, 1965], то в поэзии финского модернизма калевальские сюжеты, образы финской культуры, ландшафта и даже тема климата растворялись в мифологии античной. В этом смысле показательным стихотворением Раббе Энкеля. Поэт удивлен, что в Акрополе он нашел на склоне холма финский сеновал:

Акрополь ...
Солнечностью своей
В трепет меня не приводит.
Я увидел ясно
На склоне пологом холма
Финский наш сеновал.
Его соразмерность простая
Храму подобна была

(Пер. Н. Булгаковой)¹

Поэты находили аналогии, первообразы-архетипы, активно использовали литературные реминисценции, культурные коды. Античные мотивы обнаруживают себя в поэзии Ласси Нумми (Lassi Nummi, 1928–2012), Пааво Хаавикко (Paavo Haavikko, 1931–2008), Айлы Мерилуото (Aila Meriluoto, 1924–2019), Пентти Саарикоски (Pentti Saarikoski, 1937–1983), Эйлы Кивиккахо (Eila Kivikkaho, 1921–2004), Эвы-Лизы Маннер (Eeva-Liisa Manner, 1921–2004), Вайнё Кирстиня (Väinö Kirstinä, 1936–2007).

Целью настоящего исследования является изучение эволюции античных образов в их лирике.

Нами поставлены следующие задачи:

- выявить основные античные образы, используемые финскими поэтами;
- проанализировать интерпретации этих образов в контексте финского модернизма и постмодернизма;
- определить функции античных аллюзий в поэтических произведениях.

¹Поэзия Финляндии / сост. и послесл. Э. Карху; ред. пер. А. Парин. М.: Прогресс, 1980. С. 105.

ОБРАЗЫ АНТИЧНЫХ ГЕРОЕВ В ФИНСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Поэт Пентти Саарикоски обращается к выдающимся личностям различных эпох в попытке через переживания и соучастие проникнуть в собственную душу. В стихотворении «Мудрец» (Viisas mies) из сборника «Стихи» (Runoja, 1958) речь идет о Гераклите:

Viisas mies, kreikkalainen,
nimeltään Hämärä, oli
oikeassa, nyt sen ymmärrän:
en iltaan mennessä koskaan
ole pääsevä perille ja yöllä,
nukkuessa, tulen alkuuni
takaisin².

Мудрец,
грек по прозвищу Тёмный,
был прав,
теперь я это понимаю, вечером я
никогда не могу достичь цели
и лишь ночью во сне
возвращаюсь к истоку³

Следуя идее философа, что всё течет, меняется, и невозможно дважды войти в одну реку, поэт словно дополняет его: да, всё так, но исток един и найти его можно лишь за пределами земного мира. «Тёмный» язык Гераклита для Саарикоски аналогичен языку ночной тьмы – языку сновидений, который видится столь родственным языку поэзии.

Саарикоски, как и другие представители «второго модернизма», отталкиваясь от рационального знания и обращаясь в стихах к непререкаемым авторитетам от Античности до современности, приходит к интуитивному познанию. Его созерцательность – созерцательность сновидца, исследователя, для которого мир грез значительнее, нежели реальность, ведь это мир его души. В стихотворении «Элементы» (Elementit) из сборника «Стихи» (1958) поэт ощущает чуждость, нематериальность ночного мира и не находит в нем настоящей основы:

Yöt tutkin sieluani
tulella, vedellä, ilmalla ja maalla
mutta elementit kieltävät minut –
ei tulta ei vettä ei ilmaa ei maata
minussa, ei mitään mitä
katsoisin⁴.

²Saarikoski P. Tähänastiset runot. Helsinki: Otava, 1984. S. 13.

³Зд. и далее подстрочный перевод наш. – Е. С.

⁴Saarikoski P. Op. cit. S. 10.

Ночами я изучаю душу – что она
такое в сравнении с огнем, водой,
воздухом и землей.
Но стихии отвергают меня: во мне
самом нет ни огня, ни воды,
ни воздуха, ни земли, что я мог бы увидеть.

Во сне лирическому герою Саарикоски видится Гераклит. Он хочет, чтобы его сон продолжился под шум колес поезда из теории относительности.

Эйла Кивиккахо обращается к образу Мемнона, герою греческой мифологии, сыну богини зари Эос, защитнику Трои. Героиня сравнивает своего возлюбленного, ослепляющего ее светом, с Мемноном и кручинится, что когда он, пламенный, уходит, вместе с ним исчезают и земля, и небо.

Когда нет тебя, пламенный,
Нет земли тогда, неба нет...¹

(Пер. Э. Шустера)

Раббе Энкель, напротив, пишет, что Акрополь солнечностью своей его не впечатляет. Ему дороже свет финского сеновала. Но этот сеновал, как было сказано, он находит именно в Акрополе.

Эва-Лиза Маннер создает цикл «Орфических песен», в котором, описывая встречу Орфея и Эвридики, связывает древнюю и современную эпохи. Поэтесса сомневается, так ли нужно возвращаться к прошлому, ведь погружение в прошлое не спасает от одиночества. «Никакая дорога не ведет от одиночества <...> к прошлому»². В стихотворениях Маннер пророчествует Кассандра: «Чего бы вы ни достигли, вам доставалась одна пустота»³. Пусты глаза у мраморных статуй, пусты зеркала, пусты небеса: «taivaan käsittävät, kirkkaan ja tyhjän»⁴.

Айла Мерилуото, переводя с немецкого стихи Райнера Марии Рильке, «своего главного наставника» [Laitinen, 1981, с. 499], выбирает знаменитое стихотворение «Орфей. Эвридика. Гермес»⁵ и обращает внимание на описание поэтом леса. Место, по которому движется Орфей, напоминает глухую финскую тайгу:

Felsen war da
und wesenlose Wälder⁶.

Kallioita
Ja aineettomat metsät (Meriluoto A. *Op.cit.*, s. 194).

¹Поэзия Финляндии. С. 273.

²Manner E.-L. Runoja 1956–1977. Helsinki: Tammi, 1980. S. 65.

³Поэзия Финляндии. С. 300.

⁴Manner E.-L. *Op.cit.* S. 66.

⁵Meriluoto A. Kootut runot. Porvoo – Helsinki: WSOY, 1976. S. 171–176.

⁶Rilke R. M. Gedichte / hrsg. von W. Grotdeck. Stuttgart: Reclam, 1999. S. 71.

Приведем дословный перевод этих строк: «Скалы и леса, потерявшие суть».

Именно этот образ леса у Рильке привлекает внимание Мерилуото. Финская суровая тайга не имеет ровным счетом ничего общего с Аркадией, Фессалией и другими греческими местами, но этот пейзаж близок мифопоэтическому языку финской поэтессы.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИЧНЫХ ГЕРОЕВ В СОВРЕМЕННОСТИ

Пааво Хаавикко посвящает образу Орфея цикл стихотворений «Так вернулся Орфей» (Niin palasi Orfeus) из сборника «Ветреные ночи» (Tuuliöinä, 1953) и уже с беспощадной иронией описывает блуждания греческого певца. В доме лирического героя Хаавикко находится томик «Ars Amandi» Овидия («Наука любви». – Е. С.).

Образ самого Овидия появляется в нескольких стихотворениях Хаавикко. Финский поэт обращается к древнеримскому поэту, сосланному в Констанцу, как к старому знакомому, «на ты». У Хаавикко появляется аллюзия, связанная с темой холода у Овидия. Овидий был сослан в Дакию, город Тома (совр. Констанца) за поэму *Ars amandi*, якобы развращающую римский народ. Во времена Овидия (43 до н. э. – 18 н. э.) климат был совсем другим, другим было и восприятие античного человека, что не раз привлекало внимание ученых. Мир представлялся только в границах Средиземного моря, все, что дальше – безжизненно, холодно и страшно. Поэтому Дакию, Скифию можно смело назвать античным Крайним Севером. О том, что в Дакии холодно по сравнению с Италией, Овидий сам часто писал в «Скорбных элегиях» (*Tristia*).

nudaque consistunt, formam seruantia testae,
uina, nec hausta meri, sed datafrusta bibunt⁷.

Здесь замерзает вино, сохраняя форму сосуда,
вынув из кадки – не пьют, колют, глотая куском⁸.

(Пер. Я. Голосовкера)

Там, где вино не разливают в кубки, а колют, по мнению Овидия, не может быть счастья:

heu loca felici
non adeunda uiro!⁹

⁷Naso P. O., Wheeler A. L. *Tristia. Ex Ponto*. Cambridge: Harvard University Press, London: William Heinemann Ltd, 1959. P. 138.

⁸Овидий (Публий Овидий Назон). Тристии // Античная лирика. М.: Художественная литература, 1968. С. 447.

⁹Naso P. O., Wheeler A. L. Там же. P. 140.

Не для счастливых людей
гиблые эти места¹.

(Пер. Я. Голосовкера)

Вино, как известно, замерзает при более низкой температуре, чем вода, сухие – при -3–4 градусах, сладкие – при -12. И раз лирические герои Овидия вынуждены колоть вино, то температура окружающего воздуха вокруг должна быть явно ниже 0. Поэт убеждает, что он находится на безжизненном Севере. В образе зимнего царства возникает «зародыш противоречивости, двойственности», за которым «скрывается потенциальная амбивалентность “зимних” мотивов» [Чеснокова, 2022, с. 57].

et tandem sensus
conualuere mei².

Я из беспамятства тьмы медленно к свету пришел³.
(Пер. Я. Голосовкера).

Только будучи изгнанным, Овидий, по словам М. Л. Гаспарова, ощущает подлинную «силу поэзии» [Гаспаров, 1997, т. 1, с. 208].

У Хаавикко «замерзает озеро», появляется «белая птица, царица Дуная»⁴, отсылающая нас к Дакии, месту ссылки Овидия.

В стихотворении «Славословие тирану» Хаавикко связывает эпохи с разницей в две тысячи лет, связывает пространства Севера и Юга, шлет Овидию сочувственное послание, возвращая время вспять, призывает «мужаться»:

Мужайся, Овидий. Изгнание — это мера
Только пожизненная⁵.

(Пер. В. Топорова)

Но Хаавикко словно насмехается над Овидием, который не переставал прославлять Августа, отправившего поэта в ссылку. Хаавикко даже предлагает поэту: «Собираясь к тирану, зараннее отруби себе голову»⁶.

К 1955 году относится стихотворение Хаавикко «Одиссей» (Odysseus), в котором главный герой отождествляет себя сразу с десятью женихами Пенелопы. Одиссей Хаавикко – это Одиссей-в-плавании. Десять лет его путешествия – это десять женихов. Но, вернувшись через десять лет уже на самом деле, он словно теряет свой героический облик.

Хаавикко сравнивает путешествие Одиссея с поэзией. Поэзия – это и есть плавание Одиссея. И оно не должно заканчиваться. Законченное плавание опять же трансформируется в пустоту⁷.

Тема Одиссея звучит и в поэме Хаавикко «Двадцать и один» (1974), в которой мировая история освещается с антиисторизмом и иронией. Но в поэме главное – не только история, но и тема возвращения и в целом тема пути.

В поэме Сампо в интерпретации Хаавикко – это монетный двор в Византии, станок, чеканящий деньги. Финны, отправившиеся по русским рекам в Византию, похищают станок, но византийские корабли настигают северных грабителей, и Сампо падает на дно Средиземного моря, превращаясь в осетра. Возвращение финнов, почти как в «Одиссее», бесконечно во времени. Собственно, возвращение на родину – основная коллизия европейской литературы – это и центральная сюжетная линия поэмы. Вечное возвращение, по пути на родину герои рождаются и умирают. Легко совершать разбойничьи набеги, но трудно вернуться из Византии, из похода мести «Bysantista, kostoretkeltä»⁸.

Образ Одиссея появляется в поэме в несколько искаженном виде. Трудно даже провести грань между аллюзией на темы Гомера и игрой, между сюжетом и вплетением в сюжет театрального действия. Северным грабителям на одном из островов встречается Одиссей, карикатурный, старый, пасущий коз. Он рассказывает историю о самом себе:

Niin suuri laiva täynnä onnettomuutta ettei
Odysseus ikinä olisi rohjennut toivoa enempää.
Penelope ei tiedä kenen kanssa jakaisi unen ja
viinin<...>

Ja sitten. Odysseus purjehti kauas, kävi niin
etäällä ettei siellä ole käynyt, ei edes
mikään teatteriseurue <...>

Tähän päätti vuohia kaitseva mies
kertomuksensa.

Eikä ihan heti tahtonut kukaan puhua⁹

Корабль, полон стольких бед, Одиссей
теряет надежду,
Пенелопа не знает, с кем разделить сон и вино...
А потом Улисс уплыл далеко-далеко,
уплыл так далеко,
где не бывал никто, даже труппа театра...
Рассказчик закончил свою историю
все молчали, никто не хотел говорить.

¹ Овидий. Тристии, 1968. С. 448.

² Naso P. O., Wheeler A. L. Tristia. 1959. P. 20.

³ Овидий. Тристии, 1968. С. 444.

⁴ Поэзия Финляндии, 1980. С. 324.

⁵ Там же. С. 327.

⁶ Там же.

⁷ Haavikko P. Runot 1949-1974. Helsinki: Otava, 1975. S. 123.

⁸ Haavikko P. Kaksikymmentä ja yksi. Helsinki: Otava, 1974. S. 35.

⁹ Там же. С. 47–48.

Образ Одиссея перекликается с театральными персонажами. И все они вместе становятся современниками лирических героев поэмы.

Эва-Лиза Маннер и Пааво Хаавикко – бесспорные лидеры послевоенного модернизма. Однако у Хаавикко видны черты, которые можно было бы уже отнести и к постмодернистским: смешение культур и эпох, мифологий и реальных событий в игровом ключе с элементами иронии. И если в стихотворениях Маннер сквозит подлинность чувств, эмоций, мыслей, то в поэме «Двадцать и один» мы словно наблюдаем за шахматной партией разыгравшейся фантазии автора.

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ КАК ПРИЕМ МОДЕРНИЗМА

«Одиссея» Гомера, возвращение Улисса было «переосмыслено» Джеймсом Джойсом в романе «Улисс», ставшем образцом высокого модерна наряду с «Бесплодной землёй» Т.-С. Элиота. Сам Элиот так отозвался о романе: «Используя миф, умело внедряя параллель между современностью и древностью, г-н Джойс применяет метод, который и другие обязаны применять вслед за ним. Они будут считаться не подражателями, а скорее будут сродни ученым, которые используют открытия Эйнштейна, занимаясь своими собственными, независимыми, дальнейшими изысканиями»¹. Е. М. Мелетинский обозначает такой подход термином «неомифологизация» [Мелетинский, 1995], а В. Н. Топоров – «демифологизация как разрушение стереотипов мифопоэтического мышления, утративших свою “подъемную” силу» [Топоров, 1995, с. 5]. С методом Джойса явно были знакомы финские поэты. В этом русле работали и Пааво Хаавикко, и Хелена Анхава (Anhava, 1925–2018).

В стихотворении Хелены Анхавы также видна аллюзия на темы «Одиссеи». У Гомера Одиссей, отвергая молодых красавиц, возвращается к постаревшей Пенелопе. У Хелены Анхавы мужчина, отправляясь завоевывать мир, обещает вечером вернуться. И он возвращается на закате жизни согбенным старцем. Прошел один день, но этот день – целая жизнь. Мужчина хочет найти утешение в детях, но они выросли и разъехались, а жены финский Одиссей не замечает:

- Lapset menivät jo, nainen sanoo.
- Olisit käsenyt odottamaan,
nyt on aikaa tutustua.
- Olenhan minä, tutustu minuun.
Mies ei vastaa,
nukkuu jo, väsynyt matkalainen²

¹Элиот Т. С. Стихотворения и поэмы. М.: АСТ, 2013. С. 22.

²Anhava H. Vuorosanoja. Helsinki: Otava, 1973. S. 28.

- Дети покинули дом, –
говорит жена.
- Тебе следовало бы их удержать,
теперь у меня есть для них время.
- Но я ведь еще здесь, пусть же
у тебя будет время для меня.
Муж не отвечает,
Он уже спит, усталый странник.

Здесь Анхава, как и Пааво Хаавикко в поэме «Двадцать и один», использует именно модернистский прием мифологизации обыденных ситуаций, который по факту имеет обратный, демифологизирующий эффект, выступающий как способ «остранения» (термин В. Б. Шкловского) [Шкловский, 1919], т. е. помогающий взглянуть на привычные вещи и явления по-новому, в данном случае – как на «эпические» события.

У Ристо Ахти возникает образ пустоты, который можно обозначить буддийским понятием «шуньята» (*санскр.* «пустота», синоним беззнаковости, бесстрастия) [Пятигорский, 2007, с. 183], например, в стихотворении «Нарцисс зимой» (1982):

На берегу озера шуршит отмерший тростник, не
сломанный в объятиях льда.
Ты спрашиваешь: Ты удручен?

Olen vaihtanut masennuksen tyhjään.
Tyhjä olen ollut,
tarkoitukseton...³

Я поменял депрессию на пустоту. Я был пуст,
Бесцельно...

Новый Одиссей одряб и устал. Сонный, не замечающий жены скиталец – такой герой не мог быть идеалом. А жажда по идеалу сохранялась. В своем поиске эпического героя, который мог бы послужить опорой для возрождения бесплодной земли, модернисты, как правило, обнаруживают подобные образы – образы своего времени. Другими словами, авторы интерполируют древний мотив в образный мир модерна. Элиот, а вслед за ним Анхава и Хаавикко используют прием, свойственный для модернизма вообще: высоким стилем, нарочито вычурным языком описываются события, которые иначе как обыденными или пошлыми назвать сложно. Игра несоответствия формы (языка) и содержания (действия) призывают рассматривать произведение в ироническом контексте. Символы, аллюзии усиливают этот эффект. Не более милосердно обходится со своими героями Пааво Хаавикко.

³Ahti R. Narkissos talvella. Porvoo – Helsinki – Juva: WSOY, 1982. S. 18.

Возможно, Эва-Лиза Манер нашла точный пример, сравнив свою лирическую героиню с Кассандрой, пророчицей, которой никто не внимлет – ибо вокруг пустые люди, именно так («Полые люди») назвал Т. Элиот одну из своих поэм (The Hollow Men, 1925).

Античность проявляет себя в поэзии визуальными образами наряду с образами героев. Это прежде всего архитектура. Мы уже упоминали акрополь у Раббе Энкеля. Эльмер Диктониус описывает арку. И, парадоксально, античная арка напоминает Диктониусу спину раба.

Герой Ласси Нумми, будучи в Эрмитаже, останавливается перед картиной «Даная». Он восхищается образом, созданным Рембрандтом, находя в нем цельность (*eheys*). Понятие «цельность» являлось одним из важнейших постулатов еще у финских неоромантиков в начале XX века. По мнению поэта, в современности нет этой цельности:

...наши душа и тело...
доходят почти до взаимного отречения, — значит,
все идет от Платона и старого богословья;
то, что кажется самым новым, — давно известно¹.
(Пер. Э. Шустера)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпический герой не приживается в новой эпохе, а если и приживается, то неуклонно «мельчает», снисходит до рутины и превращается в обывателя. Он эволюционирует, становится обывателем,

демифологизируется и даже становится объектом для насмешек. Такая демифологизация ставит под сомнение идеалы античности и показывает, насколько хрупки могут быть человеческие устремления в современном мире. Финские поэты по-новому переосмысливают античные мифы, отходя от классических архетипов и лишая героев былого величия. Они показывают читателю мир обыденности, где поиски смысла чаще заканчиваются разочарованием, чем триумфом.

Античные образы в поэзии Финляндии разнообразны и даже противоречивы. Они служат своего рода мостом между прошлым и настоящим: поэты обращаются к культурному наследию и одновременно пытаются разобраться в вызовах своего времени. Наиболее излюбленным образом остается Одиссей. Именно с этим образом связана в финской поэзии одна из основных доминант – тема пути.

Трансформация образов прошлого в финской поэзии направлена на переоценку традиций и поиск современного понимания литературного героя.

Финские поэты подходят к античности с разных сторон: от высокого переживания у Маннер и поиска идеала у Нумми до пародии у Хаавикко. Это разнообразие подходов показывает, насколько многогранны вечные темы. Авторы одновременно отдают дань уважения классическим традициям и бросают им вызов, создавая пространство для размышлений о месте человека в мире. Но даже когда образы античности переосмысливаются в соответствии с реалиями быстро меняющегося мира, они остаются неиссякаемым источником вдохновения для финских поэтов.

¹Поэзия Финляндии. С. 319.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Koskimies R. Suomalainen uusromantiikka // Suomen kirjallisuus. 4: Minna Canthista Eino Leinoon. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1965.
2. Laitinen K. Suomen kirjallisuuden historia. Helsinki: Otava, 1981.
3. Чеснокова Т. Г. Зима в Томах и «зима» в Аду: еще раз о перекличках между Данте и Овидием // Studia Litterarum. 2022. Вып. 7 (2). С. 40–61.
4. Гаспаров М. Л. Избранные труды: в 3 т. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. О поэтах.
5. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Языки русской культуры, 1995.
6. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ. М.: Прогресс – Культура, 1995.
7. Шкловский В. Б. Искусство как приём // Поэтика: сб. по теории поэтического языка. Петроград: 18-я Государственная типография, 1919. С. 101–114.
8. Пятигорский А. М. Введение в изучение буддийской философии. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

REFERENCES

1. Koskimies, R. (1965) Suomalainen uusromantiikka. Suomen kirjallisuus. 4: Minna Canthista Eino Leinoon. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.
2. Laitinen, K. (1981). Suomen kirjallisuuden historia = History of Finnish Literature. Helsinki: Otava.
3. Chesnokova, T. G. (2022). Zima v Tomakh i "zima" v Adu: eshche raz o pereklichkakh mezhdru Dante i Ovidiem = Winter in Tomis and "Winter" in Hell: Once More about the Parallels between Dante and Ovid. *Studia Litterarum*, 7(2), 40–61. (In Russ.)
4. Gasparov, M. L. (1997). Izbrannye trudy = Selected Works (vol. 5. O poetakh = On Poets): in 3 vols. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
5. Meletinskii, E. M. (1995). Poetika mifa = Poetics of Myth. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
6. Toporov, V. N. (1995). Mif. Ritual. Obraz. Simvol = Myth. Ritual. Image. Symbol. Moscow: Progress – Kul'tura. (In Russ.)
7. Shklovskii, V. B. (1919). Iskustvo kak priem = Art as a Technique. *Poetika. Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka* (pp. 101–114). Petrograd: 18-ya Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.)
8. Pyatigorskii, A. M. (2007). Vvedenie v izuchenie buddiiskoi filosofii = Introduction to the Study of Buddhist Philosophy. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сойни Елена Григорьевна

доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Soini Elena Grigor'evna

Doctor of Philology (Dr. habil.)
Leading Scientist
Institute of Linguistics, Literature and History
Karelian Research Centre of RAS

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	10.04.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	05.05.2025	
	14.05.2025	

Аксиологические основания государственной культурной и конфессиональной политики

Д. А. Фурсова¹, А. Б. Ярцев²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹da_fursova@mail.ru

²tilindir@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты исследования аксиологических оснований государственной культурной и конфессиональной политики России. Цель исследования – проанализировать законодательство в области сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей с позиций культурологии и теологии. Методы исследования – культурологический анализ, типологизация, практическая теология. Материал исследования – Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022. Результаты исследования – предложена классификация ценностей, перечисленных в Указе № 809, разработаны рекомендации для дальнейшего культурологического и теологического анализа ценностей.

Ключевые слова: российская культура, духовно-нравственные ценности, традиционные ценности, государственно-конфессиональные отношения, культурная политика, конфессиональная политика

Для цитирования: Фурсова Д. А., Ярцев А. Б. Аксиологические основания государственной культурной и конфессиональной политики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 141–149.

Original article

Axiological Foundations of the State Cultural and Religious Policy

Darya A. Fursova¹, Alexander B. Yartsev²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹da_fursova@mail.ru

²tilindir@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a study of the axiological foundations of the Russian state cultural and confessional policy. The study is aimed at analyzing the legislation in the field of preserving and strengthening traditional spiritual and moral values from the standpoint of cultural studies and theology. Research methods include cultural analysis, typology, and practical theology. The Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022 became the research material. As a result of the research, the authors propose original classification of the values listed in the 809 Decree and define a number of vulnerabilities and potential risks based on the cultural and theological analysis.

Keywords: Russian culture, spiritual and moral values, traditional values, interreligious relations, cultural policy, religion policy

For citation: Fursova, D. A., Yartsev, A. B. (2025). Axiological foundations of the state cultural and religious policy. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 141–149. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Начало Специальной военной операции в феврале 2022 года послужило причиной для множества разновекторных изменений в российском обществе. Одним из таких изменений стал Указ № 809 от 09.11.2022 Президента Российской Федерации¹ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее Указ № 809, Указ о традиционных ценностях). Этот документ регламентирует не только внутреннюю государственную политику в области культуры и межконфессиональных отношений, но и служит своеобразным манифестом на внешнеполитической арене, постулируя наличие у России альтернативы постмодернистскому обществу². Разделяя убежденность в необходимости издания подобного документа в период турбулентности, – поскольку чем масштабнее угроза обществу, тем выше роль и ответственность государства [Гудименко, 1994], – мы не можем не отметить, что Указ № 809 является в большей мере ориентиром развития современного российского общества, что для его действительного претворения в жизнь необходимы внутренние основания, в том числе мотивация государственно-управленческого аппарата и всего социума. В противном случае этот документ может стать еще одной предпосылкой для обострения существующей социальной разобщенности.

Несмотря на то, что Указ о традиционных ценностях был издан в 2022 году, дискуссия вокруг него разворачивалась в основном в общественном дискурсе, в то время как научных работ по данному документу не так много. Актуальность исследования обусловлена аксиологическим конституированием современного понимания нравственной основы российского общества и социальным запросом на преодоление «фрагментированности социальной реальности» [Денисенко, 2023, с. 125], вызванной несовпадением восприятия ценностных ориентиров у представителей разных социальных групп и поколений россиян, что подтверждается данными соцопросов³. Вместе с тем очевидно, что одна из задач Указа № 809 – «...интерпретировать традиционные ценности так, чтобы они были приняты всем

русским народом и послужили руководством для нынешнего поколения» [Зубанова, 2019, с. 67].

Научная новизна заключается в междисциплинарном культуролого-теологическом характере исследования феномена традиционных духовно-нравственных ценностей в контексте государственной культурной и конфессиональной политики России. Результаты исследования могут быть использованы для разработки дополнительных нормативных актов, регламентирующих государственную политику в сфере культуры и межконфессиональных отношений, применены в области молодежной и воспитательной политики в образовании, а также стать базой для создания лекций и учебно-методических пособий по основам российской аксиологии.

Предметом исследования являются культурные и конфессиональные основания российских традиционных духовно-нравственных ценностей, зафиксированных в Указе Президента РФ № 809 от 22.11.2022 года.

Задачи исследования:

- рассмотреть понятие «ценности» в гуманитарном знании;
- исследовать текст Указа Президента РФ № 809 с позиций философии, культурологии и теологии;
- выявить потенциальные риски, заложенные в формулировке некоторых ценностей;
- предложить уточняющие формулировки ценностей.

Обзор источников по теме. Важной для данного исследования стала работа В. Ю. Черных, комплексно исследовавшего аксиологию русской истории с позиций преемственности и предложившего ценностно-деятельностный подход для исследования истории в контексте цивилизационного подхода. Ценен тезис В. Ю. Черных о манифестации приоритета духовной составляющей в культуре в контексте выбора ценностного подхода в формировании государственной идеологии [Черных, 1999]. Идеи Н. С. Розова о ценностном сознании также легли в основу данного исследования [Розов, 1994; Смысл истории и общезначимые ценности, 2013]. В западном гуманитарном знании исследованию ценностей уделено серьезное внимание, однако в рамках данной работы мы опирались на классификацию ценностей Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Инглхарт, Вельцель, 2011].

Методология. При исследовании аксиологических оснований российской государственной культурной и конфессиональной политики мы опирались на аксиологические концепции православия, ислама, буддизма и иудаизма, а также на положения внерелигиозного светского гуманизма. При изучении понятия «ценности» мы опирались на

¹URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=m5we1jvw9n690251541> (дата обращения: 10.12.2024).

²URL: https://tsargrad.tv/articles/direktiva-dugina-ukaz-809-osnovanie-suverennoj-ideologii-polozheno_667607?ysclid=m5fguuuf1n98842103 (дата обращения: 10.12.2024).

³URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi> (дата обращения: 10.12.2024); <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen>; URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068> (дата обращения: 10.12.2024).

культурологические, теологические, философские исследования, поскольку именно они раскрывают духовно-нравственный аспект ценностей. Методы исследования – культурологический анализ, типологизация, практическая теология.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АКСИОЛОГИИ

Несмотря на то что человеческому мышлению всегда было присуще ценностное ориентирование, аксиологическая теория появилась достаточно поздно – в конце XIX – начале XX века. Предпосылки к формированию теологической аксиологии частично содержатся в древних мифах и античной философии: в них содержатся ценности (некое социальное благо) и антиценности. В свою очередь, теологическая (христианская) аксиология оказала колоссальное влияние на современную этику [Анисимов, 2001].

Также важной вехой на пути возникновения аксиологической теории стал марксизм, в том числе его русская интерпретация. Так, первый нарком просвещения А. В. Луначарский воспринимал его как «научно-обоснованную веру в возможность трудового построения справедливого общества свободных, равных и братских народов, веру без бога и мистики» [Франц, 2001, с. 208].

Исследователи Р. Инглхарт и К. Вельцель предлагают классификацию ценностей через следующие дихотомии: *ценности выживания / ценности самовыражения и традиционные ценности / секулярно-рациональные ценности*. К *традиционным ценностям* исследователи относят уважение к старшим и к власти, семью, религию, противопоставляя их *секулярно-рациональным* ценностям: толерантности, свободе, демократии [Инглхарт, Вельцель, 2011].

Н. С. Розов выделяет следующие ценности:

- *кардинальные* (витальные ценности и первичные гражданские права);
- *субкардинальные* (избирательное право, экономическая автономность, независимость определенных институций (суд, печать), экологические ценности);
- *этосные* (относящимися к особенностям образа жизни и мышления сообщества или индивида).

Как отмечает Н. С. Розов, этосные ценности должны быть по статусу выше кардинальных и субкардинальных [Розов, 1994].

На наш взгляд, необходимо разделять понятия *секулярно-рациональных* ценностей, *общечеловеческих* (по Розову, *общезначимых* [там же]) и *глобальных* ценностей, поскольку ценности

детерминируются концепцией человека и общества. *Общечеловеческие* ценности могут включать в себя и *традиционные*, и *секулярно-рациональные*: основной критерий – приемлемость ценностей для большей части традиционного общества или общества модерна.

Общечеловеческие ценности противостоят *глобальным* (*постмодернистским*) ценностям, которые существуют в парадигме глобализации и глобального пост-человека. К *глобальным* ценностям относят *отсутствие ценностей* (*ценностный релятивизм*), *игровое начало*, *отсутствие иерархии и вертикальной структуры в целом* (*ризомность общества*). Некоторые исследователи подчеркивают отсутствие ценностей в постмодерне: «...постмодернизм не просто релятивизирует ценности, а релятивизируя, отрицает их» [Меньшиков, 2013, с. 323]. Другие – напротив, усматривают в постмодернизме новый виток развития духовности [Инглхарт, Вельцель, 2011].

Не вдаваясь в дискуссию по этому поводу, отметим принципиальное, на наш взгляд, отличие *глобальных* ценностей от ценностей *общечеловеческих*.

Общечеловеческие ценности существуют в парадигме связи настоящего с прошлым посредством опоры на существующий опыт человечества. Они могут разделяться как традиционным обществом, так и обществом модерна, несмотря на существенные различия в картине мира этих двух типов общества. Традиционное общество теоцентрично, в его центре находится Сакральное, Божественное, Абсолютное начало, определяющее жизнь человека. Картина мира общества модерна антропоцентрична, человек в ней является абсолютным мерилем всех вещей. Несмотря на значительное расхождение взглядов о месте человека, он в любом случае остается ценностью: и как венец божественного творения, и как вершина эволюции. Прогресс в таком случае является инструментом развития потенциала человека, его представлений о самом себе, или способом достижения божественного замысла о человеке. Прогресс может быть не только внешним (укрощение природы), но и внутренним (духовный рост). Прогресс сознательно останавливается или обращается вспять человеком, если он угрожает существованию человечества.

Глобальные (*постмодернистские*) ценности существуют в парадигме отказа от культурного, аксиологического, религиозного и иного опыта предыдущих поколений. Человек – элемент Вселенной, равный по значимости любым другим ее элементам, лишенный или добровольно отказавшийся от своего «первородства», привилегированного положения. Возникшая в обществе модерна идея ценности прогресса как непрерывного развития

в обществе постмодерна возводится в Абсолют, в Абсолютное Благо. Иными словами, Абсолютом становится процесс ради процесса, его влияние на человека становится незначительным, и сам факт существования человека не имеет особого значения (постгуманизм, трансгуманизм).

Изменение парадигмы неизбежно оказывает влияние на содержание ценностей. В религиозной картине мира существует преемственность ценностей, позволяющая поддерживать связь поколений с первоисточником ценностей – Абсолютом. Содержание ценностей достаточно жестко детерминировано Абсолютом. В секулярной картине мира изменение ценностей – вопрос эволюции общества, а выбор ценностей зависит от изменения социокультурного контекста [Инглхарт, Вельцель, 2011]. Тем не менее запрос на духовные ценности остается, поскольку «духовные потребности в широком смысле этого понятия не исчезают – наоборот, их значение только усиливается», хотя и не через религиозные институты [там же, с. 41]. Подтверждение этой идее мы находим и у К. Бруннера: социалистическое общество во многом разделяло христианские ценности, поскольку во многом совпадали представления о человеке [Brunner, 1987].

Принципиально важным, на наш взгляд, остается вопрос: определяют ли ценности социально-экономическое развитие или же экономика определяет векторы развития культуры и формирование ценностей? Для *традиционного* общества ценности являются приоритетными детерминантами в социально-экономическом развитии. В *обществе модерна* ценности корректируются под текущую экономическую повестку, а в *обществе постмодерна* ценности как таковые перестают играть какую бы то ни было роль.

Таким образом, феномен *ценностного сознания*, о котором говорит Н. С. Розов, возможен в традиционном обществе или обществе модерна. Исследователь выделяет несколько форм мировоззрения / типов сознания: мифологическое, религиозное, идеологическое и *ценностное* [Розов, 1994], указывая на последнее как на новый тип сознания [Смысл истории ... 2013]. Ценностное сознание способно сосуществовать с любым другим, вбирая аксиологию из других типов мировоззрения.

Ценностное сознание позволяет рефлексировать деятельность человека, определять *ценностное соответствие* этой деятельности и является мощным регулятором поведения людей [Инглхарт, Вельцель, 2011]. В сущности, ценности как понятия и как представления являются своего рода индикатором приемлемого / неприемлемого, полезного / вредного [Анисимов, 2001, с. 19].

Несмотря на запрос на формулирование ценностей в российском социуме, в системе государственного управления и гуманитарной сфере знания всё еще существует дефицит исследований российских традиционных духовно-нравственных ценностей в работах отечественных философов и культурологов. Отсутствие подобных работ вызывает необходимость обращаться к аксиологическим концепциям религий, которые исповедуют современные россияне.

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Одной из важных и сущностных характеристик русской культуры является *преемственность*. Феномен преемственности русской культуры не является уникальным в мировом масштабе, но в некотором смысле он парадоксален, поскольку на идеологическом и политическом уровне каждый новый этап частично или полностью отрицал предыдущий, однако при этом на протяжении всей российской истории изменчивость сочеталась с преемственностью [Гудименко, 1994]. Подобная «бинарность» [Бердяев, 2008] характерна для русской культуры в целом и, очевидно, является важной составляющей, относящейся к инвариантному ядру, описанному некоторыми исследователями [Чешков, 1997; Жукова, 2013]. К инвариантному ядру исследователи относят следующие характеристики русской культуры:

- централизованно-иерархический тип соотносительности компонентов;
- субъект-объектное отношение (власть – народ);
- коллективистские ценности как основа общественного сознания;
- принудительно-распределительный характер общественного воспроизводства.

Отметим, что каждый новый элемент, появляющийся в культуре в связи с социальными, историческими, культурными трансформациями и изменениями, вплетается в коллективную культурную память и становится структурным паттерном единой русской культуры [Малыгина, 2013]. Так, общинный строй древних славян нашел свое отражение и в коллективном хозяйстве советского периода; уважение к старшим соотносится и со славянским укладом, и с православной социальной парадигмой. Коллективные культурные патриотические практики Советского периода (наследие коллективной травмы и коллективной Победы) находят отражение в современной России в виде парадов, концертов, посвященных Победе в Великой Отечественной войне, дней памяти, возложений венков и пр. Это касается и других видов коллективной

травмы – дат памяти жертв крупных террористических актов (например, Бесланской трагедии). Веротерпимость по отношению к представителям других религий в российской цивилизационной матрице формировалась по мере разрастания Российской империи и включения в зону влияния русского мира людей разных верований и культур, а также благодаря привлекательности России для иностранцев в силу религиозной терпимости и карьерных возможностей. Образование и культура как системы, основы которых были заложены в дореволюционной России для аристократического сословия, были масштабированы в Советском Союзе для всей страны и стали доступны для подавляющего большинства граждан. Этатистский характер русского социума, берущий свое начало в Московском царстве, определяет приоритет государства и в текущей политической ситуации, однако в то же время для русской культуры характерен и значительный уровень недоверия к власти на бытовом уровне.

Эта же преемственность отражается и в более частных примерах русской культуры, особенно в русской литературе. Так, творчество А. С. Пушкина или Н. В. Гоголя, с одной стороны, вырастает из народной самобытной культуры, с другой – является новым витком высокой русской культуры. Творчество Ф. М. Достоевского основывается на евангельской концепции, но в то же время раскрывает глубины противоречивой натуры русского человека, обуреваемого страстями и пороками – основой русского бунта.

Высокая степень рефлексивности русской культуры, поиск национальной идентичности и миссии в мире, сформулированные и в русской литературе, и в философском наследии отечественных мыслителей, находят отражение в современной дискуссии о будущем России, являющейся продолжением как дискуссий 1990-х годов, так и споров славянофилов и западников XIX века. Высокая степень рефлексивности отражается и в попытках отечественных философов сформулировать «русскую идею» на аксиологических основаниях, обнаружить связь «с идеей спасения и оправдания жизни в диалектическом взаимодействии духовно-нравственного и художественно-эстетического смысла» [Жукова, 2013].

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИИ

Значительную роль в формировании мировоззрения древних славян сыграли исторические формы традиционных народных верований. Их

элементы – почитание природы, уважение к семье и общине – сохранились в культуре и обрядах даже после крещения Руси. Эти ценности усилили ориентацию на коллективизм, что отличает русскую ментальность от западной, тяготеющей к индивидуализму. Автохтонные верования, существовавшие до прихода мировых религий, продолжают оказывать влияние на духовные ценности и сегодня. Почитание сил природы, обряды и ритуалы, связанные с циклами земледелия, по сей день не утратили актуальности и сохраняются в фольклоре, обрядах и народных праздниках, в культуре повседневности их можно найти даже в склонности современных россиян к садово-огородным работам на даче. Эти элементы подчеркивают важность связи с родной природой, уважения к земле и гармонии с окружающим миром.

Но всё же становление российских духовно-нравственных ценностей произошло на пересечении восточных и западных традиций [Бердяев, 2008; Жукова, 2013]. Формирование государственности Древней Руси сопровождалось принятием православия в 988 году, что стало ключевым моментом в культурном и духовном развитии страны. Православная церковь стала основой моральных ориентиров общества: милосердия, смирения, любви к ближнему. Православие, будучи наиболее распространенной конфессией в России, определило основу духовно-нравственных ориентиров, акцентировав внимание на внутренних качествах человека – смирении, сострадании, жертвенности. Образ «праведника» стал эталоном для поколений россиян. Православная культура также повлияла на развитие литературы, искусства и образования. Например, произведения Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого раскрывают глубину религиозно-нравственного поиска человека. Православные праздники, обряды и посты несли идеи гармонии, благочестия и духовного совершенства, а также сдержанности и аскетичности.

В целом в культуре допетровской Руси именно теологическая аксиология детерминировала развитие культуры, став ее ценностным ядром. О. Жукова отмечает влияние православной аксиологии на все «жизненное делание» – государственное – управление, культуру повседневности, аскетические практики [Жукова, 2013]. Однако сохранение ценностного ядра не стало препятствием к обогащению русской культуры европейскими традициями [Стародубцев, 2022]; она выступила своего рода «фильтром», через который происходил ценностный отбор заимствуемых практик, традиций, концепций.

Неотъемлемой чертой российского общества является поликонфессиональность. Ислам,

который исповедуют миллионы россиян, также сыграл важную роль в формировании нравственных норм, таких как уважение к родителям, трудолюбие, честность и справедливость. Традиции мусульманских народов, особенно в Поволжье и на территории Северного Кавказа, укрепили ценности взаимовыручки и коллективизма. Буддизм, распространенный в Бурятии, Туве и Калмыкии, привнес идеи духовного просветления, терпимости и равновесия. Его концепции уважения ко всему живому дополнили общую картину российской духовности. Иудаизм, также исторически присутствующий на территории России, акцентирует внимание на ценностях семейных отношений, образовании и милосердии. Культура и традиции иудаизма также внесли значительный вклад в развитие науки, искусства и философии России, обогащая ее духовное наследие.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УКАЗА О ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЯХ

Указ о традиционных ценностях представляет собой уникальный документ, фиксирующий выбор Россией пути метамодерна. Возможно, авторы документа не расценивают его как метамодернистский текст, однако по нашему мнению, об этом свидетельствует содержание документа, а также социокультурный и исторический контекст, в котором рассматриваемый документ был разработан и подписан Президентом РФ В. В. Путиным.

Согласно словарному определению, которое используется и в Указе № 809, *ценности* – это «понятия, идеалы, традиции и другие абстрактные сущности, имеющие наибольшую значимость для общества или человека, служащие нравственным ориентиром»¹. В настоящем исследовании мы принимаем это определение как рабочее.

Ценности, перечисленные в Указе, названы «традиционными», при этом аксиологическая компонента религий, распространенных на территории РФ, обозначена как основа для традиционных ценностей. Между тем *традиционный* в контексте российской культуры может иметь несколько вариантов толкований:

- относящийся к славянской традиции;
- относящийся к одной из традиций народов, живущих на территории РФ;
- относящийся к одной из религий, распространенных на территории РФ.

¹Значение слова ЦЕННОСТЬ. Что такое ЦЕННОСТЬ? URL: <https://wordhelp.ru/word/%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 10.12.2024).

В каждой традиции будет свой набор традиционных ценностей, далеко не каждую из них при этом сможет разделить весь российский социум. Возвращаясь к тезису С. Г. Зубановой, отметим, что только те ценности, которые может разделить большинство, будут работать на сплочение общества [Зубанова, 2019]. При этом необходимо подчеркнуть, что Указ № 809 не называет российское общество традиционным обществом. На наш взгляд, этот факт свидетельствует о метамодернистском характере текста: общество, не идентифицирующее себя как традиционное, декларирует приверженность традиционным ценностям.

Указом № 809 как *традиционные* зафиксированы следующие ценности: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». Если проанализировать данный перечень ценностей, можно выявить эклектику разных традиций, а также некоторую небрежность в формулировании ценностей.

Все указанные ценности с позиций религий будут ценностями второго порядка или, если воспользоваться терминологией Фомы Аквинского, низшими ценностями [прив. по: Анисимову, 2001]. Высшей ценностью в любой религии является общение с Всевышним, служение Ему. *Жизнь* с позиции религиозной аксиологии не является абсолютной ценностью, хотя и занимает значительное место среди ценностей второго порядка. Так, в христианстве *жизнь человека* – преддверие вечной жизни, которая является истинной ценностью. Примерно такое же место занимает *жизнь* как ценность в исламе: «Каждая душа вкусит смерть. Лишь в Судный день вы получите ваше воздаяние сполна. Кого отдалят от Ада и введут в Рай, тот обретет успех. А земная жизнь – только обманчивое (и краткое) наслаждение» (Сура Али 'Имран, аят 185). В буддизме жизнь бесценна, однако восприятие жизни как реальности считается главным предрассудком, иллюзией, которые необходимо преодолеть. Во всех указанных религиозных традициях жизнь другого человека приоритетна по сравнению с собственной жизнью (принцип «положи душу свою за други своя»).

Приоритет духовного над материальным в большей мере является нравственным императивом, чем ценностью.

Достоинство, права и свободы человека не относятся к традиционным ценностям, поскольку

они являются ценностями эпохи модерна и декларируют антропоцентричную картину мира.

Патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу отражают приоритет государства перед обществом, характерные для русской социальной иерархии, однако не являются ценностью как таковой. На наш взгляд, данные пункты уместнее отнести к форме проявления наличия ценности – любви к Родине, уважения к авторитету власти. Иными словами, ценностью является Родина, а патриотизм является ценностно-ориентированным поведением.

Созидательный труд также в большей мере является ценностно ориентированным поведением, отражающим целый комплекс ценностей, который условно можно назвать *косм (порядок, гармония)*. Созидательный труд возможен только в обществе определенного типа. Так, например, в обществе потребления многие виды трудовой деятельности сложно назвать созидательными.

Следовательно, авторы Указа № 809 в большей мере очерчивают круг вариантов социального устройства, которые не могут быть приемлемыми или одобряемыми в Российской Федерации.

Важным представляется п. 8 Указа № 809, постулирующий приоритетность ценностей в социально-экономическом развитии России, в том числе, в сфере технологического прогресса.

Вместе с тем в Указе № 809 отсутствуют важные, на наш взгляд, пункты, которые могут быть либо внесены в текст Указа (в соответствии с п. 32), либо введены отдельными нормативно-правовыми актами. Так, например, поскольку большое внимание уделяется роли семьи, важно прописать роль и права российской женщины. В традиционной модели общества женщина зачастую лишена возможности вести активную социальную жизнь, низведена до второстепенной зависимой роли, что недопустимо с точки зрения равноправия, закрепленного в п. 2 ст. 19 Конституции РФ, и неприемлемо для большинства современных россиянок (по крайней мере, в крупных городах и мегаполисах).

Не дано ясного определения понятию *семья* и *крепкая семья*. Так, например, полигамные браки в России законодательно запрещены, однако исламская традиция допускает такой вариант устройства семьи, и эти семьи, объединенные религиозными ценностями, могут быть достаточно крепкими и многодетными. Упускается риск обращения к ценностям, являющимся одновременно традиционными и деструктивными, если они существуют в отрыве от исторического или культурного контекста (например, практика обмена женами у народов Крайнего Севера).

В качестве распространителей деструктивной идеологии в п. 13 обозначены внешние враги, в том числе недружественные страны и агенты влияния, однако не упомянуты государственные структуры, корпорации с государственным софинансированием, российские государственные и частные СМИ, а также авторы сетевых ресурсов и каналов и рекламодатели, распространяющие контент, далеко не всегда соответствующий целям и задачам Указа № 809.

Отсутствует упоминание о русском языке и о родном языке как о ценности. Между тем язык является одновременно и феноменом культуры, и средством передачи культуры и культурных ценностей, и средством создания смыслов. Мы настаиваем на разделении понятий *русский язык* и *родной язык*, поскольку это позволит отразить полилингвальность российской культуры. Включение русского языка как государственного в перечень ценностей позволит устанавливать определенные эталоны по отношению к литературному языку и нормам повседневной коммуникации.

По нашему мнению, требует серьезного философского, культурологического и теологического осмысления само понятие «традиционный» относительно ценностей. Возможно, замена данного понятия на «цивилизационный», «экзистенциальный» или «государствообразующий» позволила бы в полной мере описать совокупность ценностей разного порядка, которые необходимы для существования России и русской культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурные и конфессиональные особенности России формируют уникальный сплав духовно-нравственных ценностей, которые сохраняют свою актуальность и в современных условиях. Президентский Указ № 809 стал важным этапом на пути государственного артикулирования понимания аксиологии современного российского социума. Проанализировав указанные в нем ценности и сопоставив их с аксиологической теорией, мы можем заключить, что уважение к религиозному многообразию, ориентация на традиции коллективизма и патриотические моральные принципы – черты, которые скрепляют этнонациональное и поликонфессиональное многообразие граждан России и объединяют нас в один российский народ. Сохранение и развитие этих ценностей жизненно важно не только для поддержания национальной идентичности в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов, но и для укрепления гармонии в многонациональном обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гудименко Д. В. Политическая культура России: преемственность эпох // Полис. Политические исследования. 1994. № 2. С. 156–64. EDN SGJVP.
2. Денисенко П. А. Конституционализм в конституировании социальной реальности // Юридическая гносеология. 2023. № 5. С. 117–125. EDN GEWJMO.
3. Зубанова С. Г. Воспитание духовно-нравственной культуры студенческой молодежи: задачи, проблемы и пути решения // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 2 (58). С. 65–71. EDN VVGHIQ.
4. Черных В. Ю. Аксиология истории и русская идея // Философия и общество. 1999. № 3. С. 76–93. EDN XRQIUP.
5. Розов Н. С. Устойчивое развитие и ценностное сознание. Новосибирск: Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, 1994. EDN QGMHAX.
6. Смысл истории и общезначимые ценности / Н. С. Розов и др. Новосибирск: Манускрипт-СИАМ, 2013. EDN QGFHOQ.
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
8. Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию. М.: Современные тетради, 2001.
9. Франц С. В. «Религиозный» марксизм: идея универсальных ценностей в философских воззрениях А. В. Луначарского // Толерантность в современной цивилизации: материалы Междунар. конференции, Екатеринбург, 14–19 мая 2001 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 207–214.
10. Меньшиков Л. А. Статус ценностей в постмодерне и диалог культур // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 16–17 мая 2013 года. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2013. С. 323–325. EDN VJONGH.
11. Brunner K. The Perception of Man and the Conception of Society: Two Approaches to Understanding Society // Economic Inquiry. 1987. Vol. 25. P. 367–388.
12. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.
13. Чешков М. Л. Дореволюционная Россия и Советский Союз: анализ преемственности и разрыва // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 92–104.
14. Жукова О. А. Культурологическая интерпретация художественного и религиозного опыта в истории России: к проблеме типологии русской культуры // Вопросы культурологии. 2013. № 1. С. 36–41. EDN TIWWNZ.
15. Малыгина И. В. Идентификационный ресурс культурной памяти: от «помнящей культуры» к «культуре забвения» // Культура и образование. 2013. № 1 (10). С. 40–46. EDN THQKUH.
16. Стародубцев О. В. Традиция и преемственность как стержневое понятие русской культуры // Сретенское слово. 2022. № 2. С. 86–93. EDN CNFZQR.
17. Подвойская И. В. Понятия «коллективизм» и «соборность», их интерпретации и соотношение // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 1. С. 140–144. EDN NIPNHD.

REFERENCES

1. Gudimenko, D. V. (1994). The political culture of Russia: continuity of eras. Polis. Politicheskie issledovaniya, 2, 156–164. (In Russ.)
2. Denisenko, P. A. (2023). Constitutionalism in the constitution of social reality. Yuridicheskaya gnoseologiya, 5, 117–125. (In Russ.)
3. Zubanova, S. G. (2019). Education of spiritual and moral culture of student youth: tasks, problems and solutions. Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika, 58, 65–71. (In Russ.)
4. Cherny'h, V. Yu. (1999). Axiology of history and the Russian idea. Filosofiya i obshchestvo, 3, 76–93. (In Russ.)
5. Rozov, N. S. (1994). Ustojchivoe razvitie i cennostnoe soznanie = Sustainable development and value consciousness. Novosibirsk: Institut filosofii i prava Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. (In Russ.)
6. Rozov, N. S. et al. (2013). Smy'sl istorii i obshheznachimy'e cennosti = The meaning of history and universal values. Novosibirsk: Manuskript-SIAM. (In Russ.)
7. Inghart, R., Vel'cel', K. (2011). Modernizaciya, kul'turny'e izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya = Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Sequence of Human Development. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
8. Anisimov, S. F. (2001). Vvedenie v aksiologiyu = Introduction to Axiology. M.: Sovremennyy'e tetradi. (In Russ.)

9. Franz, S. V. (2001). "Religiozniy" marksizm: ideya universal'nykh cennostey v filosofskikh vozzreniyakh A. V. Lunacharskogo = "Religious" Marxism: the Idea of Universal Values in A. V. Lunacharsky's philosophical thoughts. Tolerantnost' v sovremennoj civilizatsii (pp. 207–214): Proceedings of the International conference. Ekaterinburg: Ural State university Press. (In Russ.)
10. Men'shikov, L. A. (2013). The Status of Values in Postmodernism and the Dialogue of Cultures. Dialog kul'tur: cennosti, smysly, kommunikatsii (pp. 323–325): XIII Mezhdunarodny'e Lixachevskie nauchny'e chteniya. St.Petersburg: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. (In Russ.)
11. Brunner, K. (1987). The Perception of Man and the Conception of Society: Two Approaches to Understanding Society. Economic Inquiry, 25, 367–388.
12. Berdyaev, N. (2008). Russkaya ideya = Russian Idea. St.Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russ.)
13. Cheshkov, M. L. (1997). Pre-revolutionary Russia and the Soviet Union: An Analysis of Continuity and Discontinuity. Obshchestvenny'e nauki i sovremennost', 1, 92–104. (In Russ.)
14. Zhukova, O. A. (2013). Cultural interpretation of artistic and religious experience in the history of Russia: to the problem of the typology of Russian culture. Voprosy kul'turologii, 1, 36–41. (In Russ.)
15. Malygina, I. V. (2013). Identification resource of cultural memory: from «remembering culture» to «forgetting culture». Kul'tura i obrazovanie, 1(10), 40–46. (In Russ.)
16. Starodubtsev, O. V. (2022). Tradition and continuity as a core concept of Russian culture. Sretenskoe slovo, 2, 86–93. (In Russ.)
17. Podvojskaya, I. V. (2011). The concepts of "collectivism" and "conciliarity", their interpretations and relationships. Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P.Astaf'eva, 1, 140–144. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фурсова Дарья Аветисовна

кандидат культурологии
заместитель директора центра поддержки инклюзивного образования
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

Ярцев Александр Борисович

старший преподаватель
кафедры теологии
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fursova Darya Avetisovna

PhD (Culturology)
Deputy Head of Inclusive Education Support Center
Assistant Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Humanities and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Yartsev Alexander Borisovich

Senior Lecturer
Department of Theology
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.04.2025
04.05.2025
16.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Формирование новой буддийской образовательной парадигмы в контексте культурно-исторических трансформаций китайского общества первой половины XX века

А. К. Хабдаева

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
ayupost@yandex.ru*

Аннотация. Цель исследования – анализ основных исторических и социокультурных факторов, оказавших влияние на формирование современной образовательной модели китайского буддизма. Автор статьи приходит к выводу, что буддийское образование образца Китайской Республики послужило основой формирования современного монастырского образования в Китае с точки зрения методов и форм обучения, учебных программ, организации образовательного процесса. Главными методами исследования являются диалектический, системный, диахронический. Материалом исследования послужили современные научные публикации о развитии буддийского образования в Китае.

Ключевые слова: буддийское образование, буддийский университет, буддийский монастырь, буддийское реформаторское движение, Китайская Республика

Для цитирования: Хабдаева А. К. формирование новой буддийской образовательной парадигмы в контексте культурно-исторических трансформаций китайского общества первой половины XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 150–157.

Original article

A New Buddhist Educational Paradigm Formation in the Context of Cultural and Historical Transformations of Chinese Society in the First Half of the XX Century

Aiuna K. Khabdaeva

*Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia
ayupost @yandex.ru*

Abstract. The goal of the study is to analyze the main historical and socio-cultural factors that influenced the formation of the modern educational model of the Chinese Buddhism. The model of Buddhist education presented in the Republic of China served as the basis for the formation of modern monastic education in China in terms of methods and forms of teaching, curricula, and the educational process. The main research methods are dialectical, systemic and diachronic ones. The research material consists of modern scientific publications on the development of Buddhist education in China.

Keywords: Buddhist education, Buddhist university, Buddhist monastery, Buddhist reform movement, Republic of China

For citation: Khabdaeva, A. K. (2025). A new Buddhist educational paradigm formation in the context of cultural and historical transformations of Chinese society in the first half of the XX century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(900), 150–157. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного изучения современной парадигмы буддийского образования. В системе буддизма образование выполняет структурообразующую функцию, являясь важнейшим инструментом трансляции мировоззренческих ценностей учения. Ключевым элементом этой системы представляет буддийский монастырь – источник буддийского просвещения, обеспечивающий преемственность религиозно-идеологического наследия индийской традиции. Интеграция буддийских монастырей в традиционную китайскую культуру изменила социокультурный ландшафт Китая – «буддизм привнес в Китай новую для китайского менталитета институализированную форму религиозной организации» [Янгутов, 2019, с. 43]. Со временем буддийский монастырь вышел за рамки религиозной общины, став центром социального взаимодействия в области образования и науки. В настоящей статье представлен анализ факторов формирования новой образовательной модели китайского буддизма, что, в свою очередь, вызвано необходимостью системного исследования современной буддийской образовательной парадигмы как историко-культурного феномена.

Принципы буддийского образования представлены в работах отечественных исследователей В. П. Васильева, Ф. И. Щербатского, О. О. Розенберга, других ученых, акцентировавших внимание на философском осмыслении буддийского образования [Васильев, 2015; Щербатской, 1988; Розенберг, 1991]. Философия буддийского образования в трудах современных российских буддологов стала предметом изучения М. Н. Кожевниковой [Кожевникова, 2014]. Традицию бурятского и монгольского образования исследует С. П. Нестеркин [Нестеркин, 2016]. Одной из первых работ, давших научную оценку современному состоянию китайского буддизма, были «Очерки цинской науки» (清代学术概论) Лян Цичао (梁启超) [Лян Цичао, 1921]. Анализу места и роли буддийского образования в китайской системе образования посвящена работа современного китайского ученого Дин Гана «Буддийское образование Китая: сравнительное исследование образования в конфуцианстве, буддизме и даосизме» [Дин Ган, 2010].

В начале XX века китайская буддийская образовательная модель претерпела фундаментальные изменения: традиционное монастырское образование постепенно приходило в упадок, и усилиями китайских буддистов-реформаторов в первой половине XX века стал осуществляться процесс формирования обновленной концепции буддийского образования. На ее становление

большое влияние оказали традиционные китайские ценности, в том числе – конфуцианская образовательная традиция. В результате интеграции философско-образовательной буддийской модели с принципами традиционной китайской идеологии была выработана специфическая образовательная парадигма, воплотившая идеи индо-буддийской и китайской мировоззренческих систем. Китайское буддийское образование нового образца расширило ориентиры: цель просвещения буддистов заключалась не только в достижении религиозных достижений, но и в повышении уровня общеобразовательной подготовки монахов.

Таким образом, в настоящий момент в системе буддийского образования уделяется большое внимание академическим исследованиям и профессиональному преподаванию буддизма. Содержательная часть образования монахов в основном представляет собой изучение буддийской догматики, дополняемое комплексом светских дисциплин.

Между тем инновационные процессы в системе китайского буддийского образования сопровождаются и рядом проблем и противоречий. Так, частично нерешенными остаются вопросы взаимоотношения монастырской и светской образовательной традиций, интерпретации традиционного религиозно-философского и научного подходов, выбора формы передачи знания и т. д.

Целью данного исследования является изучение основных исторических и социокультурных факторов, оказавших влияние на формирование современной модели китайского буддийского образования. Для достижения данной цели необходимо проанализировать научные публикации современных китайских буддологов, рассматривающих буддийское образование в историческом контексте; охарактеризовать ключевые аспекты эволюции буддийской образовательной традиции на современном этапе истории КНР; рассмотреть влияние основных культурных, социальных, политических условий на развитие китайского буддийского образования. Новизна представленного исследования заключается в комплексном междисциплинарном анализе факторов, отразившихся на процессе формирования современной китайской модели буддийского образования. Исследование расширяет понимание сущности процессов, происходящих в современном китайском буддизме.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ КИТАЙСКОГО БУДДИЗМА

Идеи модернизации, охватившие в конце XIX века все китайское общество, не обошли стороной и сферу образования. В Китае образование традиционно

имело высокий статус и даже в известной степени определяло вектор национального развития. Кардинальные исторические изменения способствовали включению в традиционную образовательную модель, в основе которой находились конфуцианские морально-этические ценности, элементов европейской системы образования. Этот вопрос вызывал живую полемику в буддийских кругах Китая. Проблемы интеграции и пропорциональности светского и религиозного (буддийского) образования актуальны в Китае и в настоящее время.

Одним из факторов ослабления позиций буддизма в Китае на рубеже XIX–XX веков стало отсутствие поддержки со стороны цинского двора в последние годы господства. Еще значительнее на положении буддизма сказался управленческий кризис Цин. Внимание цинского правительства в конце его правления было сконцентрировано на урегулировании внутренних конфликтов и сопротивлении внешнему давлению. В условиях кризиса наблюдался упадок влияния религии, пренебрежение религиозным сознанием общества. В сложившейся критической ситуации вопросы поддержания статуса буддизма отходили на второй план. Расцвет буддизма, приходившийся на период могущества Цин в XVII–XVIII веках, сменился упадком.

Новые социальные условия выявили проблемы организации буддийского образования в Китае, появилась необходимость в совершенствовании нормативно-правового регулирования деятельности монастырей. Во второй половине XVIII века в Китае была упразднена система монастырских сертификатов, предоставлявших буддийским храмам привилегии при уплате налогов и повинностей. Помимо этого, ограничительные мероприятия императора Цяньлуна (1736–1795) сдерживали строительство буддийских и даосских монастырей, усиливали систему запретов для монашества.

На самом деле, формирование нормативно-правовой базы по регулированию деятельности монастырей и храмов осуществлялось в течение длительного периода времени – цинским двором были восприняты и продолжены элементы управления династии Мин. Законы Мин предусматривали контроль за расходами монастырей, распределением финансов на учреждение новых храмов и строительство монастырских комплексов, назначением настоятелей и другими вопросами. При династии Цин тенденция по ужесточению регулирования деятельности монастырей только усилилась. В изданном в 1740 году «Кодексе Цин» (大清律例) отдельным пунктом рассматривались наказания за преступления, совершенные монахами или монахинями¹.

¹宋瞳. 清朝理藩院管理藏传佛教: 严控高层僧侣任免, 2013 = Сун Тун. Цинский Лифанюань управляет тибетским буддизмом: контроль за

Управленческий кризис поздней Цин побуждал власть к поиску новой социальной парадигмы развития, эффективной в условиях трансформирующейся исторической действительности. Всё чаще и увереннее звучали призывы о необходимости привлечения достижений европейской науки и техники. Главным принципом реализуемого курса стал лозунг «сокращение расходов и традиция правильного обучения» (省妄费而正教俗) [冯友兰, 2000, с. 397]. Под последним – правильным обучением – идеологами нового Китая понималось следование конфуцианским устоям. Именно по этой причине наряду с обычными среднеобразовательными школами на базе буддийских и даосских монастырей возводились конфуцианские учебные заведения. Так, Кан Ювэй предлагал все так называемые недостойные молельни (淫祠), под которыми подразумевал в первую очередь буддийские и даосские монастыри, превратить в храмы или школы Конфуция.

Очередной удар по буддизму нанесло движение, заявившее о необходимости обустройства учебных заведений общего образования на базе храмов – «имущество храмов – для открытия школ» (庙产兴学). В сложные кризисные годы накопившаяся за время лояльного отношения властей собственность буддийских монастырей стала привлекать особое внимание. Взяв на вооружение принцип «китайские науки – основа, западные – функция» (中学为体, 西学为用) [Чжан Жуньмэй, 2018, с. 181], политический деятель поздней Цин хугуанский наместник Чжан Чжидун (张之洞, 1837–1909) предложил в качестве восполнения средств казны на образовательные нужды использовать имущество буддийских монастырей и даосских храмов. В 1898 году император Гуансюй издал указ о преобразовании буддийских монастырей, не исполняющих обрядовую деятельность, в учебные заведения.

Политика организации школ на базе монастырской собственности имела внешний и внутренний аспекты. В первом случае она была направлена на сопротивление усиливавшемуся влиянию европейских держав и Японии. Во втором – содействовала подавлению оппонентов внутри китайского общества. Циркуляр «Наставления об обучении» (劝学篇·外篇·设学第三), опубликованный в марте 1898 года, решал часть финансовых вопросов власти, связанных с организацией, строительством, содержанием образовательных учреждений. В условиях масштабного кризиса использование имущественного ресурса буддийской церкви казалось правящей династии удачным решением

назначением буддийских наставников высшего ранга. 2013. URL: <https://www.chinanews.com.cn/cul/2013/08-22/5192276.shtml> (дата обращения: 10.02.2024).

проблемы. Вышедшее в продолжение «Наставлений» в 1903 году «Положение об организации учебных заведений» (奏定学堂章程) предписывало директорам сельских школ использовать помещения буддийских храмов, располагающихся на территории уезда, и не занимавшихся проведением ритуалов, в нуждах учебного заведения [邵勇].

Кампания по созданию школ на базе монастырей, сопровождаемая травлей и изгнанием монахов, конфискацией и грабежами храмового имущества, стала распространяться по всему Китаю. Монастыри лишались своего имущества, помещений, монахи принудительно возвращались в мирскую жизнь, прерывалась традиция буддийского образования. Это повергло в шок буддийский мир и вызвало возмущенную реакцию китайских общественников. Буддийские мыслители были вынуждены активизировать усилия по поиску выхода из сложившейся ситуации и адаптации к новым условиям. Один из таких способов виделся в совершенствовании модели буддийского образования.

В 1906 году в рамках образовательной реформы, упразднявшей образовательную модель «кэцзюй» (科举), цинское правительство выпустило состоявший из семи параграфов и 13 статей «Устав образовательных обществ» (教育会章程) – первое в истории Китая законодательное предписание для организаций сферы просвещения. «Устав» регламентировал учреждение обществ по развитию народного образования «цзяо юй хуэй» (教育会), устанавливал их подвластность административным структурам, определял сферу деятельности на уровне провинций, округов, уездов. Основными задачами образовательных обществ были осуществление научно-исследовательской работы, подготовка квалифицированных кадров, просветительская деятельность, воспитательная работа в духе «правильных настроений, сильных обычаев» (имеется в виду древнее конфуцианское выражение из «Жи чжи лу» 日知录, отражающее традиционную китайскую систему ценностей «Сущность закона – в приведении в порядок народных настроений и укреплении традиций» 法令其本在正人心, 厚风俗).

В начале XX века ответной реакцией на движение «имущество храмов – для открытия школ» (庙产兴学运动) стала деятельность буддийских монахов по организации классов и кружков, направленная на распространение и изучение буддизма. До реформ рубежа XIX–XX веков образовательная модель китайских буддистов включала три базовых компонента:

- 1) практика созерцания (参禅);
- 2) декламация канонов (讲经);
- 3) соблюдение обетов (持戒).

Знакомство с европейскими социальными институтами способствовало появлению образовательных сообществ нового типа (教育社团). Приобщение к европейской духовной культуре позволило китайским буддистам познакомиться с христианским подходом к образованию и принципами организации обучения в христианстве. Эти представления существенным образом расходились с традиционной образовательной моделью китайского буддизма цунлинь (丛林). За долгий период развития христианский подход к образованию эволюционировал от традиции семинарской системы к концепции всеобщего просвещения населения, и духовно-учебное заведение здесь представляло один из основных способов распространения учения во внешнем мире. Многие идеи христианских образовательных институтов были восприняты китайскими реформаторами буддизма.

В целях восстановления позиций буддизма стали создаваться общества по развитию буддийского образования (僧教育会) и буддийские общества (佛教会). Такого рода образовательные учреждения – буддийские педагогические колледжи, школы начальной ступени обучения – больше напоминали конфуцианские школы или обычные светские учебные заведения. Вероятнее всего, создание первых буддийских школ в период поздней Цин было попыткой буддийской интеллектуальной элиты избежать исходившую со стороны государства угрозу. Китайские буддисты прекрасно понимали необходимость обновлений в области буддийского образования как единственную возможность для буддизма выжить в условиях нестабильной социальной реальности – и предпринимали превентивные действия. Таким образом, в начале XX века на базе и при поддержке буддийских монастырей образуются начальные школы – как обычные (в качестве помощи государству), так и специализированные буддийские.

События новой эпохи привели к возникновению в Китае ситуации, которую можно характеризовать как религиозный эклектизм. В молодой Китайской Республике появилось огромное количество синкретических религиозных организаций, учения которых представляли собой сочетание элементов буддизма, даосизма, народных верований¹.

Ситуация становилась угрожающей для жизнедеятельности буддийских общин Китая, возникла опасность нарушения линии преемственности

¹陈进国. 民间教派的“去污名化”: 中国宗教治理如何走出困境? 2018 = Чэнь Цзиньго. «Оправдание» народных верований: каким образом религиозное управление Китая может выйти из затруднительного положения? // Китайская синология. URL: <http://sino.newdu.com/a/201801/20/223605.html> (дата обращения: 11.02.2024).

буддийской традиции. Остро встал вопрос о необходимости модернизационных процессов и разработке новой модели развития, способной отвечать запросам современного общества и обеспечивать функционирование буддийских институтов.

Центром возрождения буддизма в новом Китае стала провинция Цзянсу. Одним из инициаторов буддийского образования нового типа был буддист-мирянин Ян Жэньшань (杨仁山, 1837–1911). Как отмечает Ли Сяньпин, «Ян Жэньшань положил начало новой модели буддийского образования» [李向平, 2015, с. 31]. В 1866 году по инициативе Ян Жэньшаня была основана Нанкинская ксилографическая мастерская Цзиньлинь (金陵刻经处). Ее открытие оказало большое влияние на китайский буддийский мир XX века. В 1907 году Ян Жэньшань открыл в Нанкине лекторий Циюань (Джетавана, 祇洹精舍) и произвел набор слушателей – монахов и мирян, однако из-за политических и общественных катаклизмов в китайском обществе школа просуществовала короткое время (менее двух лет) и вскоре была закрыта.

В своих статьях «Курс на возрождение буддизма в Китае» (支那佛教振兴策) и «Рассуждения о программе обучения в буддийских учебных заведениях» (释氏学堂内班课程刍议) Ян Жэньшань неоднократно подчеркивал важность организации буддийских учебных заведений. Мысли и идеи Ян Жэньшаня оказали серьезное влияние на мировоззренческие позиции Кан Ювэя (康有为), Лян Цичао (梁启超) и других видных мыслителей нового Китая. Впоследствии идеи Ян Жэньшаня были продолжены Оуян Цзинью (欧阳竟无), который вывел буддийское образование на следующую ступень развития. Создание Китайского буддийского колледжа (支那内学院) можно назвать успешным примером буддийского образования в первой половине XX века; одним из доказательств этого факта служит подготовка плеяды блестяще образованных ученых-буддистов.

Между тем курс цинского правительства на преобразование монастырей в общеобразовательные школы был продолжен и после революции 1911 года. Новообразованная Китайская Республика по-прежнему занималась реквизицией храмового имущества, что, несомненно, осложняло положение китайских буддистов.

Понимая необходимость реформ, буддийский наставник Тай Сюй (太虚, 1890–1947) в 1915 году представил общественности «Суждения о регулировании системы сангхи» (整理僧伽制度论).

В них он обратил внимание на четыре аспекта:

- 1) монашество (僧依品);
- 2) школа (宗依品);
- 3) регулирование системы (整理制度品);

4) о создании организаций Фаюань и общества Ляньшэ (关于建立法苑、莲社的组织) [惟贤, 2006, с. 13–21].

В 1922 году Тай Сюй создал Учанский буддийский институт (武昌佛学院), представивший новые подходы в обучении буддизму и ставший образцом организации буддийского образования для следующих поколений китайских буддистов. В системе Учанского буддийского института сочетались элементы традиционной буддийской модели цунлинь и образования «нового образца» – светской школы. Учебный план института включал как буддийские, так и светские дисциплины, а также внедрял современную методику преподавания, в которой использовались актуальные учебные материалы, реализовывалась унифицированная система контроля знаний. По замыслу его создателя институт воспитывал самоотверженных, усердных, эрудированных буддийских адептов, идеалом которых было посвящение себя служению другим.

Содержательно институт продолжил традицию китайского буддизма, однако многие элементы организации учебного процесса были восприняты из японского буддизма. Исследователь Гэ Чжаогуан отмечает, что несомненную роль в возрождении китайской буддийской мысли сыграло одно обстоятельство – «японский бэкграунд» китайских буддистов. Гэ Чжаогуан полагает, что прошедшие обучение в Японии и вернувшиеся на родину монахи дали новый импульс развитию буддийской мысли в Китае. Китайские буддисты-мыслители пришли к пониманию: «буддизм – не консервативен. Буддийские верования могут быть современными. Буддизм и «западные науки» имеют много общего» [葛兆光, 2019, с. 453].

Несмотря на свои скромные размеры и непродолжительную деятельность, буддийские институты периода Китайской Республики смогли воспитать поколение студентов-монахов, проявлявших активную позицию по вопросам организации общественной жизни нового государства. Согласно их мнению, буддизм занимал важное место в проекте возрождения и укрепления китайской нации; он представлялся фундаментальным элементом, встроенным в структуру сильного национального государства. Кульминацией этих настроений стало появление лозунга «буддизм спасает нацию» (佛教救国). Такого рода идеи, разумеется, не были неожиданными для китайского общества. Однако на этот раз буддисты, вооруженные правовой риторикой, воодушевленные идеей национальной консолидации, открыто заявляли в публичном пространстве о своей позиции и энергично сопротивлялись секуляризации. Восстановление

буддийской традиции в Китае было прервано японским вторжением 1937 года.

Буддийское образование образца Китайской Республики послужило основой формирования современного монастырского образования в Китае с точки зрения организации, методов и форм обучения, разработки учебных программ, построения образовательного процесса. В начале XX века на волне повышения интереса к гуманистической проблематике изучение буддизма получило широкое распространение в научных кругах. Лян Цичао писал: «почти все так называемые новые ученые периода поздней Цин имеют отношение к буддизму» [陈国庆, 2003, с. 47].

Новые подходы, применяемые в китайском буддийском образовании, демонстрировали активное стремление к интеграции с внешним культурным пространством. На формирование новой концепции буддийского образования большое влияние оказало знакомство китайцев с идеями европейской системы просвещения. Лозунг «через буддизм понимать западные науки» (借佛学解西学) [葛兆光, 2019, с. 457] отражает попытки китайских буддистов внедриться в общественные трансформации, представить буддизм в качестве посредника между китайской и европейской культурными парадигмами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже XIX–XX веков китайские мыслители находились в мучительных поисках собственного, китайского пути. Этот путь они проходили от восторженного одобрения западной культуры до демонстрации абсолютной нетерпимости к ней. Рассматриваемый период – время формирования идеологической парадигмы, обнаруживающей элементы нового прочтения конфуцианства, интерпретации европейской философии, реформаторского переосмысления буддизма.

Процесс реформирования буддийского образования на рубеже XIX–XX веков в Китае – важный этап, оказавший значительное влияние на дальнейшее развитие китайского буддизма и заложивший основу его современной образовательной модели. В рамках построения сильного Китая буддизм позиционировался его последователями как важнейшая составная часть национального культурного наследия. Происходила адаптация буддийской образовательной традиции к условиям и требованиям меняющегося китайского общества. Идеи реформаторства, провозглашенные интеллектуальной элитой Китая, во многом связывались с преобразованиями в сфере просвещения.

Главное достижение этого переломного периода истории китайского буддизма заключается в воспитании плеяды талантливых буддийских мыслителей, оказавших серьезное влияние на буддийский мир современного Китая. Тай Сюй, Оуян Цзинью, Инь Шунь и многие другие буддийские наставники сыграли важную роль в популяризации буддизма и переоценке китайской общественностью феномена буддизма. По стране прошла волна масштабной реорганизации буддийских учебных заведений, было создано большое количество новых буддийских институтов, опубликовано значительное число буддийских сочинений.

Учреждение буддийских институтов, издание печатных работ, широкая полемика по вопросам буддийской философии – всё это подтолкнуло к возникновению союза буддийского монашества с академической наукой. Буддийские наставники вступили в диалог с представителями научного мира, что способствовало процессу становления и развития академической буддологии. Линия развития буддийского образования в Китае в XX–XXI веках демонстрирует тенденцию к академизации, выражающейся, в частности, в интеграции элементов светской системы высшего образования в буддийские университеты. Особенностью новой парадигмы буддийского образования в Китае стала система подготовки мирян, не принимавших обетов. В буддийских академиях обучались тысячи студентов, которые не только вдохновлялись новой энергией буддийского сообщества, но и, будучи специалистами с серьезным академическим образованием, вносили существенный вклад в научную работу в области изучения буддизма.

На сегодня буддийская образовательная традиция Китая всё еще находится в стадии формирования. Остается нерешенным ряд проблем, актуальных для современного состояния китайского буддизма. До сих пор отсутствует всестороннее понимание механизма реализации буддийского образования в материковом Китае – будучи направленными на образование сангхи, по форме и организации обучения почти все буддийские монастырские университеты копируют светские общеобразовательные учреждения. Одной из насущных проблем по-прежнему остается и дефицит квалифицированных преподавательских кадров.

Рубеж XIX–XX веков – ключевой период для китайского общества. Время выбора дальнейшего пути развития. Время, определившее облик современного инновационного Китая, – наследника древнейшей цивилизации. Время возрождения буддизма, мировоззренческие принципы которого не теряют своей актуальности и в условиях современного мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Янгутов Л. Е. О китаизации философских и сотериологических аспектов буддизма // Философская мысль. 2019. № 8. С. 38–43.
2. Васильев В. П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. М.: URSS : Ленанд, 2015.
3. Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988.
4. Розенберг О. О. Труды по буддизму. М.: Наука, 1991.
5. Кожевникова М. Учение: книга о философии образования в буддизме: в цитатах, примерах и размышлениях. СПб.: Алетейя, 2014.
6. Нестеркин С. Доктринальные основания формирования личности в образовательной системе буддийских монастырей // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 5. С. 185–194.
7. 梁启超. 清代学术概论, 1921 = Лян Цичао. Очерки цинской науки: коллекция Иньбинши. Шанхай: Шанхайское коммерческое издательство, 1921.
8. 丁纲. 中国佛教教育: 儒佛道教育比较研究, (2010) = Дин Ган. Буддийское образование Китая: сравнительное исследование образования в конфуцианстве, буддизме и даосизме. Чэнду: Образовательное издательство Сычуань, 2010.
9. 冯友兰. 三松堂全集, 2000 = Фэн Юлань // Полное собрание сочинений Саньсунтан: в 17 т. Чжэнчжоу: Народное издательство провинции Хэнань, 2000. Т. 10.
10. Чжан Жуньмэй. Западная основа и китайская функция (сити чжунюн 西体中用) Ли Цзэху // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. Т. 7. 2018. С. 181–185.
11. 邵勇. 清末庙产兴学运动与毁学民变, 2006 = Шао Юн. Движение периода поздней Цин «имущество храмов – для открытия школ» и народное восстание по разрушению учебных заведений // 青海社会科学. Qinghai. Social Sciences = Цинхай. Социальные науки. 2006. № 3. С. 129–132.
12. 李向平. 佛教教育的当代困境及其改革路径, (2015) = Ли Сянпин. Современные проблемы буддийского образования и пути его реформирования // Журнал Путо / под ред. Института Путошань Китайской буддологической академии. Шанхай: Шанхайское издательство древних книг, 2015. Вып. 2. С. 27–47.
13. 惟贤. 太虚大师的佛教思想及僧制建设研究, 2006 = Вэйсянь. Исследование идеологии Тай Сюя и создания монашеской системы // Буддийская культура (Пекин). Пекин: Изд-во Будд. Ассоциации Китая, 2006. Вып. 3. С. 13–21.
14. 葛兆光. 中国思想史, 2019 = Гэ Чжаогуан. История китайской мысли. Шанхай: Изд-во Университета Фудань, 2019. Т. 2: Знание, мысль и верования Китая VII–XIX вв.
15. 陈国庆. 晚清新学史论, 2003 = Чэнь Гоцин. Об истории «новых наук» в период поздней Цин. Сиань: Санцин, 2003.

REFERENCES

1. Iangutov, L. E. (2019). On the sinicization of philosophical and soteriological aspects of Buddhism. Philosophical thought 8, 38–43. (In Russ.)
2. Vasil'ev, V. P. (2015). Religions of the East: Confucianism, Buddhism and Taoism. 4th ed. Moscow: Lenand Press. (In Russ.)
3. Shcherbatskoi, F. I. (1988). Selected works on Buddhism. Moscow: Science Publ. (In Russ.)
4. Rozenberg, O. O. (1991). Works on Buddhism. Moscow: Science Publ. (In Russ.)
5. Kozhevnikova, M. N. (2014). The Teaching: a book about the philosophy of education in Buddhism in quotes, examples and reflections. St.Petersburg: Aleteiia Press. (In Russ.)
6. Nesterkin, S. P. (2016). Doctrinal foundations of personality formation in the educational system of Buddhist monasteries, in Kontekst i refleksiia: filosofii o mire i cheloveke, 5, 185–194. (in Russ.)
7. 梁启超. 清代学术概论, 1921 = Liang, Qichao. (1921). An Introduction to Academic Studies in the Qing Dynasty. Shanghai: Shanghai Commercial Publ. (In Chinese).
8. 丁纲. 中国佛教教育: 儒佛道教育比较研究, 2010 = Ding, Gang (2010). Buddhist Education in China: A Comparative Study of Confucianism, Buddhism and Taoism. Chengdu: Sichuan Educational Publ. (In Chinese)
9. 冯友兰. 三松堂全集, 2000 = Feng, Youlan. (2000). Sansuntan Complete Works (vol. 10): in 17 vols. Zhengzhou: People's Publishing House of Henan Province. (In Chinese)
10. Zhang, Rongmei (2018). Zapadnaya osnova i kitajskaya funkciya (siti chzhunyun 西体中用) Li Cze`xou = Western basis and Chinese function (city zhongyong 西体中用) by Li Zehou. Context and reflection: philosophy about the world and man, 7, 181–185. (In Russ.)

11. 邵勇. 清末庙产兴学运动与毁学民变, 2006 = Shao, Yong. (2006). The Movement of Promoting Education with Temple Property and the Civil Rebellion of Destroying Education in the Late Qing Dynasty. Qinghai Social Sciences, 3, 129–132. (In Chinese).
12. 李向平. 佛教教育的当代困境及其改革路径, 2015 = Li, Xiangping. (2015). The Contemporary Dilemma of Buddhist Education and Its Reform Path. Putuo Academic Journal, 2, 27–47. (In Chinese)
13. 惟贤. 太虚大师的佛教思想及僧制建设研究, 2006. = Wei, Xian. (2006). A Study on Master Taixu's Buddhist Thoughts and Monastic System Construction. The Culture of Buddhism (Beijing), 3, 13–21. (In Chinese)
14. 葛兆光. 中国思想史, 2019 = Ge, Zhaoguang. (2019). Chinese intellectual history (vol. 2). Shanghai: Fudan University Publ. (In Chinese)
15. 陈国庆. 晚清新学史论, (2003) = Chen, Guoqing. (2003). On the History of New Learning in Late Qing Dynasty. Xian: Sanqin Publ. (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хабдаева Аюна Константиновна

доктор философских наук

профессор кафедры восточных языков

Санкт-Петербургского государственного экономического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khabdaeva Aiuna Konstantinovna

Doctor of Philosophy (Dr. habil.)

Professor at the Oriental Languages Department

Saint Petersburg State University of Economics

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.04.2025
07.05.2025
15.05.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 6 (900)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 6 (900)**

Ответственные за выпуск

Ю. М. Казанцева
кандидат филологических наук, профессор
М. В. Томская
кандидат филологических наук, доцент

Executive editors

Julia M. Kazantseva
PhD (Philology), Professor
Maria V. Tomsкая
PhD (Philology), Associate Professor

Редактор М. М. Сингал

Верстка: Г. П. Лопатина

Разработка макета: А. В. Алымов

Editor: Marina M. Singal

Layout: Galina P. Lopatina

Layout design: Andrew V. Alymov

Подписано в печать 30.06.2025

Усл. печ. л. 20,0

Формат 60х90/8

Заказ № 52/25

Signed for print: 30.06.2025

Conventional printed sheets: 20,0

Layout format 60x90/8

Order 52/25

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

© FSBEI HE MSLU, 2025

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».